ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 25 ИЮНЬ 1981

Во время вручения наград.

ОТЧИЗНА СЛАВИТ ГЕР

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 25 (2814)

20 ИЮНЯ 1981

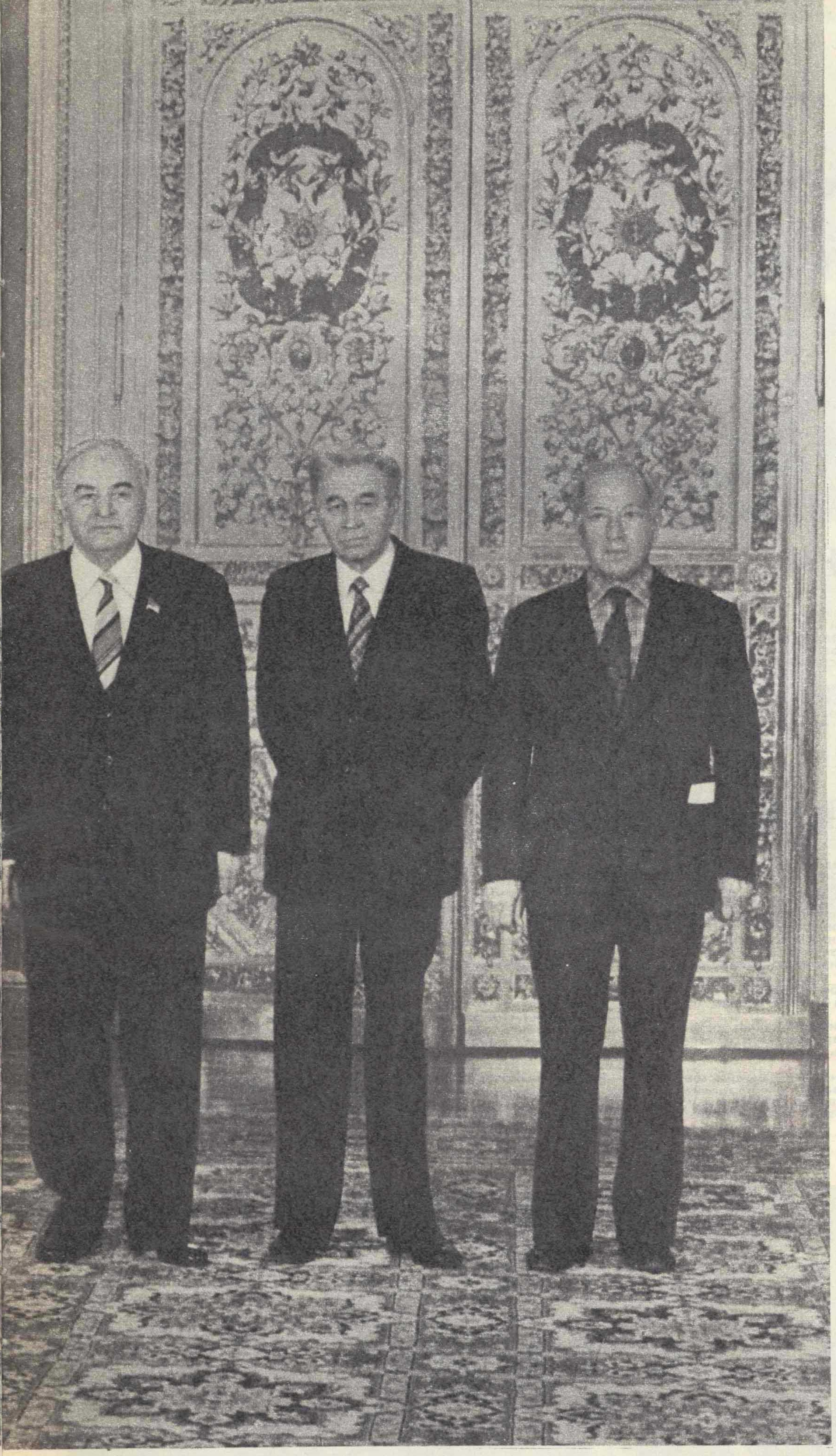

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

...роев космоса

Новую замечательную победу в мирном освоении космического пространства одержала наша социалистическая Родина. Успешно завершена программа длительных пилотируемых полетов советских космонавтов на орбитальном научно-исследовательском комплексе «Салют-6» — «Союз» и полетов международных экипажей по программе «Интеркосмос». Участники пятой экспедиции летчики-космонавты СССР В. В. Коваленок и В. П. Савиных в ходе 75-суточного полета проявили высокое мастерство, мужество и героизм.

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев вручил 17 июня в Кремле героям космоса высокие награды Родины.

При вручении наград выступил товарищ Л. И. Брежнев. Он, в частности, сказал:

— Сегодня мы отмечаем событие значительное. Мы подошли к новому рубежу в освоении космоса: завершены обширные работы на научной станции «Салют-6».

Три года и восемь месяцев находится станция на орбите. Более половины этого срока она служила домом для героев космоса. Добавлю — домом международным. В далекой выси, в совместном труде демонстрировали посланцы десяти социалистических стран творческую силу нашего братства, нашу приверженность идеалам дружбы и прогресса.

В космосе нет простой работы. И не была простой работа пятого основного экипажа на борту орбитальной станции «Салют-6». Но, как и их товарищи, Владимир Васильевич Коваленок и Виктор Петрович Савиных потрудились славно. Они безукоризненно выполнили программу полета.

Победы в космосе справедливо воспринимаются нами как сплав возможностей науки и техники и возможностей человека — его духа, его дерзания. Я говорю и о космонавтах, и об ученых, о всех, кто прокладывает дорогу к звездам.

Теперь нам предстоит сделать следующий шаг — перейти к созданию постоянно действующих орбитальных научных комплексов со сменяемыми экипажами.

За успешное выполнение программы длительного космического полета на борту научно-исследовательского комплекса «Салют-6» — «Союз» и проявленные при этом мужество и героизм Владимир Васильевич Коваленок награжден орденом Ленина и второй медалью «Золотая Звезда», а Виктору Петровичу Савиных присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Обращаясь к товарищу Л. И. Брежневу, В. В. Коваленок, в частности, сказал:

— Сегодня я испытываю особое, глубокое чувство гордости за принадлежность к Коммунистической партии Советского Союза, за то, что являюсь гражданином многонациональной социалистической Родины.

Наш рейс стал успешным благодаря тому, что он обеспечивался трудом многих коллективов — тех, кто готовил нас к полету, кто создавал космическую технику, кто, оставаясь на Земле, помогал нам словом и делом.

Выступивший затем В. П. Савиных выразил глубокую благодарность Центральному Комитету КПСС, Советскому правительству, всему советскому народу и лично Леониду Ильичу Брежневу за большое доверие выполнить почетное задание, за высокие награды Родины.

Присутствовавшие при награждении кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. В. Кузнецов, секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе, заведующий отделом ЦК КПСС И. Ф. Дмитриев, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов, руководитель подготовки космонавтов генерал-лейтенант авиации В. А. Шаталов сердечно поздравили героев космоса.

ВИЗИТ ЗАВЕРШЕН

10 июня из Советского Союза в НРБ отбыл Президент Алжирской Народной Демократической Республики, Генеральный секретарь партии Фронт национального освобождения Шадли Бенджедид. По приглашению Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства он находился в нашей стране с официальным дружественным визитом.

На Внуковском аэродроме Ш. Бенджедида провожали Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, другие официальные лица.

Среди провожавших находились посол АНДР в СССР Л. Якер, посол НРБ в СССР Д. Жулев, главы дипломатических представительств ряда стран, аккредитованные в СССР, представители трудящихся Москвы.

Вместе с Ш. Бенджедидом отбыли сопровождающие его алжирские официальные лица.

На снимке: проводы на аэродроме.

Фото Дм. Бальтерманца

ПРИЕМ Л. И. БРЕЖНЕВЫМ У. ПАЛЬМЕ

12 июня Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев принял в Кремле Председателя неправительственной международной организации «Независимая комиссия по вопросам разоружения и безопасности», Председателя Социал-демократической партии Швеции Улофа Пальме и имел с ним беседу по вопросам, связанным с работой возглавляемой им комиссии.

В ходе беседы Л. И. Брежнев отметил, что положение в мире продолжает оставаться напряженным. Это — результат взятого милитаристскими кругами курса на подрыв разрядки, на взвинчивание гонки вооружений с целью нарушить сложившееся в мире военно-стратегическое равновесие и обеспечить блоку НАТО военное превосходство. Такой курс определяет и негативный подход стран Запада к переговорам по вопросам ограничения вооружений и разоружения.

Практически на всех основных направлениях движение здесь остановилось или даже пошло вспять. США прервали процесс ОСВ и концентрируют сейчас усилия на том, чтобы реализовать новые программы стратегических вооружений.

Нельзя не видеть и того, что лихорадочная активность милитаристов из блока НАТО — и прежде всего США — развертывается в обстановке сознательно раздуваемой военной истерии, искусственно нагнетаемых страхов в отношении мифической «советской угрозы». Организаторы этой кампании лгут, даже не затрудняя себя хотя бы видимостью доказательства. Даже солидные государственные деятели не гнушаются пускать в ход низкопробные фальшивки, лишь бы очернить политику СССР, запугать людей, оправдать свои военные приготовления.

Советский Союз не может закрывать на все это глаза и не может не делать для себя соответствующих выводов. Ущемить законные интересы нашей безопасности, нарушить сложившийся в мире военно-стратегический баланс, подчеркнул Л. И. Брежнев, мы никому не позволим. Советский Союз найдет возможность быстро и эффективно ответить на любой вызов, который нам захотели бы бросить. Мы обязаны это сделать.

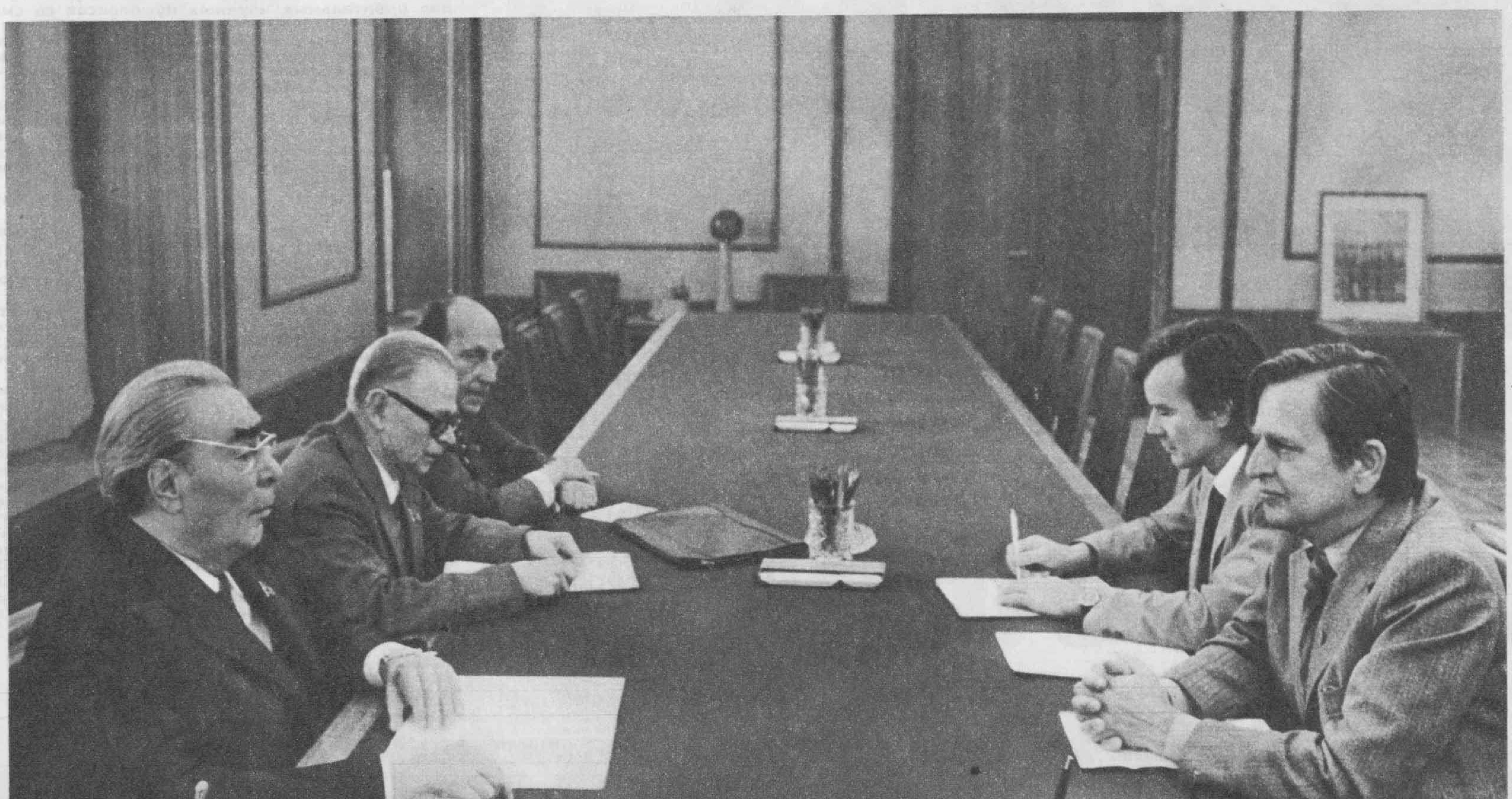
Л. И. Брежнев отметил необходимость усилий всех государств, всех общественных сил для того, чтобы добиваться активизации переговоров с целью сделать мир на нашей планете надежнее и прочнее.

У. Пальме выразил благодарность за беседу и информировал Л. И. Брежнева о проходящем в Москве заседании возглавляемой им комиссии.

Беседа прошла в дружественном и конструктивном духе. В ней приняли участие помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров и член «Независимой комиссии по вопросам разоружения и безопасности» академик Г. А. Арбатов.

Во время беседы.

Фото Э. Песова (ТАСС)

Жатва хлебов в совхозе имени 50-летия Октября, Сурхандарьинской области. Слева направо: механизаторы Таджи Хасанов, Ибрагим Аламуратов, Ибрагим Пулатов (бригадир), Раджаб Курбанов.

ЮЖНАЯ НИВА

Когда попадешь на пшеничное или ячменное поле юга Узбекистана в самом начале лета — полное впечатление, что вокруг золотое раздолье центральной части России, а на календаре вроде бы уже июль. И лишь соседствующая хлопковая плантация, где только-только начали вспыхивать белые звездочки цветения на сплошном изумруде кустов, убеждает, что здесь край «белого золота» и раннего хлеба.

Однако настоящее представление об этих местах и здешних богатствах дают лишь встречи с хозяевами солнечной земли, их загорелые, припорошенные пылью лица с усталыми улыбками. Весной-то небо было часто в свинцовых, провисающих до земли тучах! Да и в уборочную страду не раз приходится останавливать технику из-за дождей.

Бригадир механизаторов совхоза имени 50-летия СССР Ленинюльского района Сурхандарьинской области Ибрагим Пулатов, с которым мы стоим на окраине огромного, в 250 гектаров хлебного массива, рассказывает:

— Дожди весной замучили. Нива у нас поливная, но нынче, считаем, небо дало тройной полив...

— И сколько же зерна возьмете на круг?

— Об этом механизаторы-хлеборобы скажут. — И бригадир указал на шагавших по стерне (шли обедать) Таджи Хасанова, Ибрагима Аламуратова, Раджаба Курбанова. Они немногословны.

— Будет выше плана — до пятидесяти пяти центнеров.

Но и это не все. Затем на этой же земле посеют кукурузу. Значит, плюс еще 60 центнеров зерна с каждого гектара.

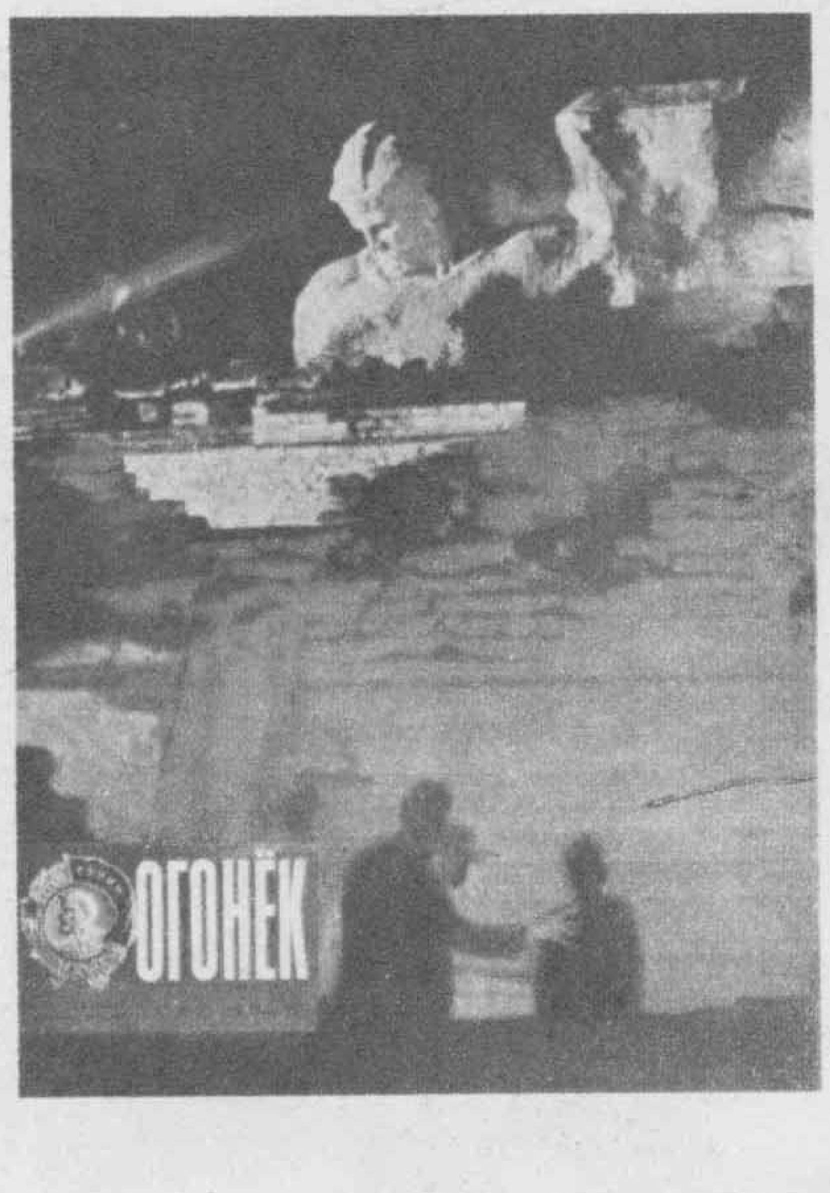
Кому помогли дожди, так это богарникам. На предгорных нивах Сурхандарьинской и Кашкадарьинской областей урожайность достигла 15 и даже 18 центнеров на круг. По завершении уборки в долинах, на поливных землях, техника тотчас перебрасывается в предгорья. На холмистых полях Байсуна уже начали жатву около сотни комбайнов.

Известный кашкадарьинский механизатор, депутат Верховного Совета Узбекской ССР Джуман Лапасов за световой день скашивает хлеба почти на двадцати гектарах. Первыми закончили уборку целинники Гагаринского района, их намолот — 52 центнера с гектара вкруговую. По 48 центнеров взяли хлеборобы Джаркургана, завершив страду в течение десяти дней.

Как определено «Основными направлениями экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года», среднегодовое производство зерна в одиннадцатой пятилетке в Узбекистане составит 2,8—3 миллиона тонн. Нынешний вклад двух южных областей республики — около восьмисот тысяч тонн.

А. ЕСЬКОВА,
Вяч. КОСТЫРЯ,
собкор «Огонька»

Фото И. ХОДЖАЕВА

Александр ТВАРДОВСКИЙ

22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Все, все у сердца на счету,
Все стало памятною метой.
Стояло юное, в цвету,
Едва с весной расставшись, лето;
Стояла утренняя тишь,
Был смешан с медом воздух сочный;
Стекала капельками с крыш
Роса по трубам водосточным;
И рог пастуший в этот час,
И первый ранний запах сена...
Все, все на памяти у нас,
Все до подробностей бесценно:

Как долго непросохший сад
Держал прохладный сумрак тени;
Как затевался хор скворчат —
Весны вчерашней поколенья;
Как где-то радио в дому
В июньский этот день вступало
Еще не с тем, о чем ему
Вещать России предстояло;
Как у столиц и деревень
Текло в труде начало суток;
Как мы теряли этот день
И мир — минуту за минутой;
Как мы вступали за черту,
Где труд иной нам был назначен,—
Все, все у мира на счету,
И счет доныне не оплачен.

Мы так простились с мирным днем,
И нам в огне страды убойной
От горькой памяти о нем
Четыре года было больно.
Нам так же больно и теперь,
Когда опять наш день в расцвете,
Всей болью горестных потерь,
Что не вернуть ничем на свете.
У нас в сердцах та боль жива,
И довоенной нашей были
Мы даже в пору торжества
Не разлюбили, не забыли.
Не отступили ни на пядь
От нашей заповеди мира:
Не даст солгать вдова иль мать,
Чьи души горе надломило...

Во имя счастья всех людей
Полны мы воли непреклонной —
В годах, в веках сберечь наш день,
Наш мирный день, июнь зеленый.

Читайте в номере материалы, посвященные 40-летию начала Великой Отечественной войны, стр. 13—21.

Преступление

Вечером 7 июня в Багдаде громко завыли сирены воздушной тревоги. Захлопали зенитки, затрещали крупнокалиберные пулеметы, вечернее небо прорезали полосы трассирующих снарядов. Налет длился недолго. Сбросив смертоносный груз на ядерный центр в окрестностях иракской столицы, израильские самолеты повернули домой, оставив после себя разрушения, убитых и раненых. Так совершилось еще одно преступление тель-авивской военщины.

«Нам нечего извиняться за содеянное,— нагло заявил после пиратского рейда израильский премьер-министр Менахем Бегин.— Мы совершили законный, справедливый акт самообороны». Каковы же мотивы этого «справедливого акта», жертвой которого стала страна, находящаяся за тысячу километров от Израиля? Причем во время этого разбойничьего рейда было нарушено воздушное пространство двух других арабских государств — Иордании и Саудовской Аравии, последней — дважды. Израильские лидеры цинично обосновывают это преступление якобы необходимостью «воспрепятствовать производству арабской атомной бомбы». За этой фразой на практике стоят хладнокровно жестокие методы, с помощью которых Тель-Авив стремится поставить шлагбаум на пути ядерных исследований в Ираке.

В апреле 1979 года в средиземноморском порту Тулоне агентами израильской секретной службы Моссад были взорваны два ядерных реактора французского производства, готовые для отправки в Иракскую Республику.

Затем последовал ряд убийств специалистов, работавших в багдадском ядерном центре. В сентябре прошлого года, вскоре после начала ирако-иранского вооруженного конфликта, центр бомбили израильские воздушные пираты. И вот последний разбойничий налет.

Реальные факты полностью опровергают ложные обвинения сионистских лидеров. Во-первых, Ирак подписал Договор о нераспространении ядерного оружия, во-вторых, согласился на инспекцию своего ядерного центра со стороны органов международного агентства. Израиль же до сих пор не удосужился поставить под вышеупомянутым документом свою подпись и никого не допускает к контролю над своими ядерными сооружениями.

В 1958 году в местечке Димон, что в пустыне Негев, появились шарообразные сооружения, напоминающие по форме гигантские футбольные мячи. В них расположен израильский атомный реактор, в котором, по сведениям прессы, еще с 1968 года ведутся работы над использованием ядерной энергии в военных целях. Известны также скандальные истории похищения израильскими агентами ядерного горючего из европейских стран для своих секретных работ. На протяжении последних лет Израиль рука об руку с расистским режимом Претории форсирует усилия в области создания собственного атомного оружия. Загадочная вспышка, происшедшая в 1979 году в южной Атлантике, заставила многих считать, что это было ядерное испытание. Нынешняя бандитская акция израильской военщины против Ирака явилась вопиющим нарушением основополагающих принципов международного права и морали. Произвольно определяя сферу своей безопасности за тысячу километров от собственных границ, самонадеянно присваивая себе право диктовать, какие средства научного прогресса и технологии позволено, а какие не позволено иметь соседним суверенным государствам, израильская правящая верхушка создает опасный прецедент в международных отношениях. Возводя законы джунглей в ранг политики, она подрывает сами основы международного правового порядка, который на протяжении многих лет разрабатывался в мировом цивилизованном обществе.

Вот почему акция сионистской военщины вызвала бурю протестов и негодования во всем мире. Иракские газеты в эти дни заполнены телеграммами и сообщениями, приходящими из различных концов нашей планеты. Большинство правительств и руководителей стран мира в той или иной форме выразили свое глубокое возмущение преступлением израильских воздушных гангстеров.

Солидарность с Ираком проявили все страны арабского Востока. Через три дня после агрессии в Багдаде состоялась чрезвычайная сессия министров иностранных дел в рамках Лиги арабских стран. Арабские министры гневно осудили израильскую бомбардировку, заявили о поддержке Ирака и его программы ядерных исследований в мирных целях. Они потребовали прекращения поддержки агрессора со стороны ряда государств, и прежде всего Соединенных Штатов, и решили объединенно действовать в ООН с тем, чтобы добиться принятия санкций против Тель-Авива.

В интервью вашему корреспонденту Генеральный секретарь Лиги арабских стран Ш. Клиби оценил работу сессии как успешную. Он добавил, что основной смысл встречи был в выработке совместного ответа арабов на агрессию Израиля, угрожающего как безопасности, так и развитию всего арабского мира. Достигнута договоренность о созыве совещания арабских министров обороны для обсуждения мер по защите арабских стран от возможных будущих вылазок израильской военщины.

Иракская пресса в эти дни единодушна во мнении, что прошедшее совещание поставило в нынешних условиях арабов лицом к лицу с американским империализмом, который несет самую большую ответственность за новое израильское преступление. Известный иракский обозреватель А. Музхар пишет: «Только глупцы могут поверить, что Соединенные Штаты не знали заранее о готовящейся бомбежке ядерных объектов Ирака или же не принимали участия в ее подготовке и планировании».

Действительно, факты свидетельствуют, как переплетаются империалистический курс Вашингтона и экспансионизм Израиля на Ближнем Востоке. Активно отрабатывается и взаимодействие военных комплексов обеих сторон. Лишь в прошлом году сионистское государство получило из-за океана 3 миллиарда долларов, из них две трети пришлось на военные цели. Не секрет, что Израиль стал своего рода лабораторией, в которой испытываются и доводятся новейшие виды вооружений Пентагона. Примерно год назад на израильские аэродромы приземлилась первая партия американских самолетов «F-16». Они обкатывались в «локальных операциях» против Южного Ливана и палестинцев, а теперь прошли дополнительную проверку на более дальних маршрутах, сбросив бомбы с клеймом «сделано в США» на Багдад.

Нынешнее осуждение преступного акта Израиля повсюду, в том числе в штаб-квартире ООН и на заседании Совета Безопасности, вновь привлекло внимание мировой общественности к положению на Ближнем Востоке. Обстановка здесь и так накалена до предела в результате непрерывных бомбардировок и обстрелов Южного Ливана, эскалации угроз и провокаций израильской военщины в адрес Сирии. Повышенная напряженность в этом районе чревата опасностью взрыва, гибельного для дела мира и безопасности народов. В этих условиях все более актуальным становится советское предложение о созыве международной конференции, которая бы дала возможность предпринять коллективные усилия для стабилизации обстановки на Ближнем Востоке.

Юрий ЗИНИН,
собкор АПН,
специально для «Огонька»

Багдад.

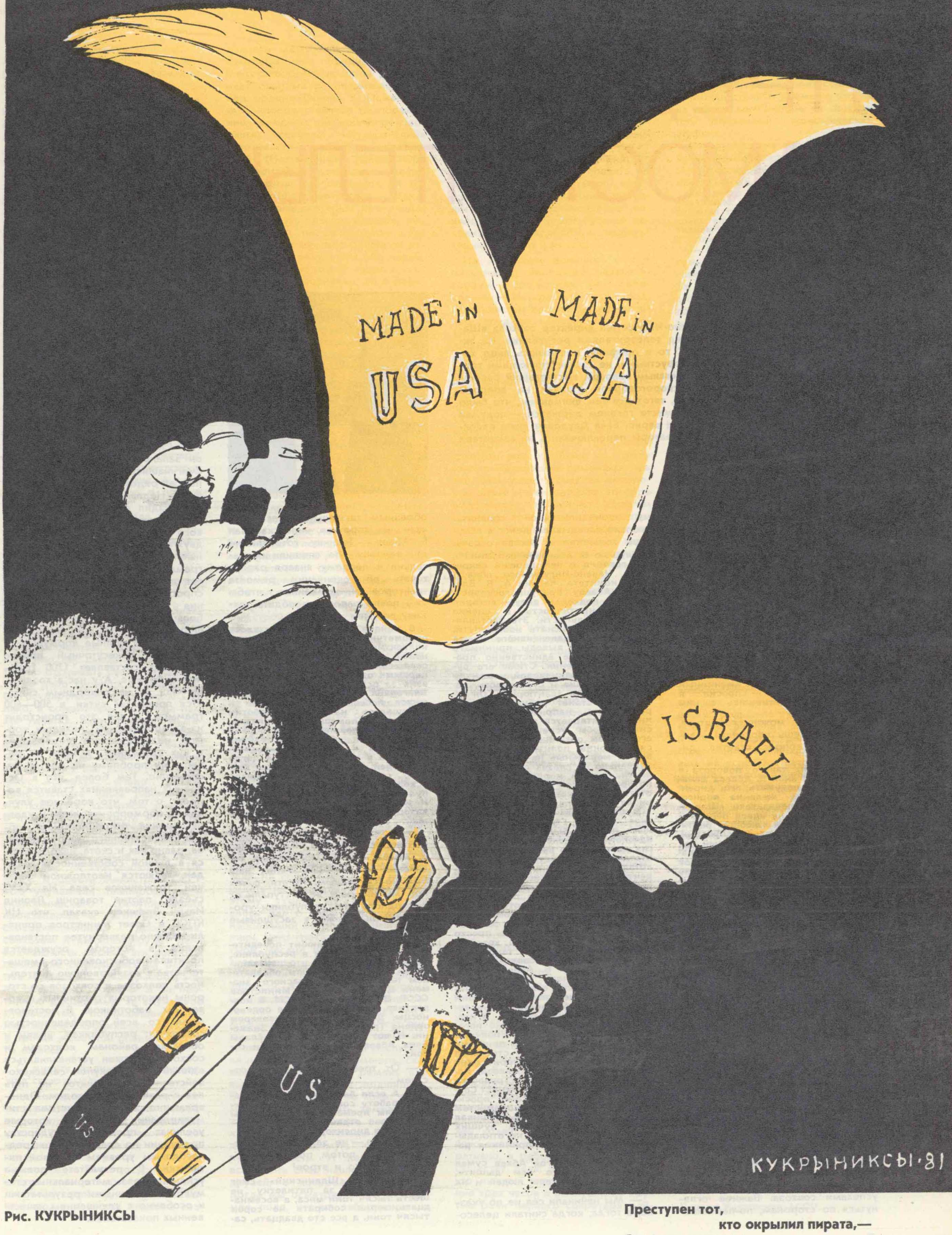

Рис. КУКРЫНИКСЫ

Преступен тот,
кто окрылил пирата,—
За преступленьем
следует расплата.
Дм. Демин

ПРЕДЕЛ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

В день моего приезда в Чечено-Ингушетию директор совхоза «Шалинский» Б. Абаев выступал перед телезрителями республики. На экране крупным планом, то анфас, то в профиль, появлялось лицо хорошо знакомого мне человека с грустными, не соответствующими торжественности момента глазами. Усталым голосом выступавший рассказывал о достижениях совхоза, скороговоркой отвечал на вопросы ведущего и, по всему было видно, тяготился тем вниманием, что было оказано ему. «Другой бы на его месте гоголем держался, — подумал я, — а этот в тень норовит уйти». И верно, Бака Даудович даже вздохнул с облегчением, когда телеоператоры переключились на секретаря парткома совхоза Албега Чинтаева.

Виталий ЗАСЕЕВ,
специальный корреспондент «Огонька».

— Что-то не очень именинный у вас был вид? — спросил я Б. Абаева, встретившись с ним после передачи.

— А разве можно гордиться, когда работаешь вполсилы? — вопросом на вопрос ответил директор.

Признаться, такого поворота я не ожидал. И знай Б. Абаева меньше, мог бы подумать, что директору присуще желание порисоваться. Ведь показатели «Шалинского» чуть ли не вдвое перекрывали достижения любого рентабельного хозяйства республики. Даже в прошлый засушливый год свекловоды совхоза-лидера собрали по 500 центнеров корнеплодов с гектара. А соседнее хозяйство «Джалка» (двадцать метров отделяют поля одного совхоза от другого) еле-еле до двухсот дотянуло. Да и суточный привес поголовья крупного рогатого скота — основная отрасль откормочного совхоза «Шалинский» — так же значительно перекрывал показатели района. А директор хмурился и настаивал на своем: «вполсилы действуем».

— Поставлена задача повысить продуктивность скота с таким расчетом, чтобы среднегодовое производство мяса в стране достигло 17—17,5 миллиона тонн в убойном весе. Это и к нам, руководителям откормочных совхозов, партия обращается. Конечно, наше хозяйство в долгу у государства не ходит. Только в завершающем году десятой пятилетки тружениками «Шалинского» было продано сверх плана 650 тонн мяса. Но если мерить дела наши с позиции новых высоких требований, то окажется, что взят далеко не тот рубеж, к которому партия зовет. Нет, не время сейчас упиваться успехами совхоза. Важнее оглянуться по сторонам, по-партийному принципиально сравнить: сколько вкладываем денег в сельское хозяйство и какова отдача.

Слушаю Б. Абаева и вспоминаю, что говорил о нем первый секретарь Чечено-Ингушского областного комитета партии А. В. Власов. «Абаеву присущ государственный подход к делу, — говорил он, — самокритичность в оценке своей деятельности. Это заставляет его всегда искать новые пути, помогает из коллективного опыта делать точные выводы, принимать на их основе единственно правильные решения. Стилю его руководства в одинаковой мере чужды равнодушие и суетливость, перестраховка и авантюризм. Он никогда не станет добиваться корректировки напряженного задания, а постарается приложить все силы, чтобы успешно выполнить его. В нем органически сочетаются высокие политические, деловые и моральные качества. Абаев буквально на глазах создал в коллективе такой моральный климат, который помог ему хронически отстававшее хозяйство вывести в число самых передовых...»

Я знал, что Б. Абаев в директорское кресло пересел из райкома партии. Был секретарем по идеологии и неожиданно для многих добровольно вызвался пойти в отстающее хозяйство. До него в «Шалинском» сменилось семь директоров. Чуть ли не каждый новый год здесь начинался с представления очередного руководителя. От последнего, который не стеснялся в любом удобном случае извлечь личную выгоду за счет совхоза, ему досталось не просто запущенное хозяйство, а хозяйство-миллионер. Именно такой была задолженность совхоза государству. И хотя Б. Абаеву предлагали для начала урезать план, он категорически отказался. Единственное, на чем настоял бывший секретарь, чтобы «сверху» не занимались мелочной опекой. В итоге за год совхоз не только погасил задолженность, но и получил более ста тысяч рублей прибыли.

— Он никогда не стеснялся учиться у людей, — говорит одна из лучших работниц совхоза, кавалер двух орденов Трудового Красного Знамени, коммунист Совхунт Энгласова. — Часами просиживал с главным экономистом совхоза, без устали выслушивал ведущих специалистов, лучших рабочих, стариков. И, не откладывая в долгий ящик, принимал решения.

Буквально за год Абаев сумел разобраться, «кто чем дышит», постичь и характеры людей и их настроения.

— Мы начинали сев не по указке, а тогда, когда считали целесообразным, тщательно взвесив все «за» и «против», — рассказывал Б. Абаев. — Технику готовили не для галочки. Не спешили обязательно к первому января рапортовать об окончании ремонта тракторов и комбайнов, чтобы уже после рапорта доводить технику до ума.

В районе кое-кому показалось опрометчивым решение собрания коллектива совхоза о переходе на новый для республики метод посева сахарной свеклы. Шалинцы первыми отказались от «строчки», взяв за основу «точечный» метод. Благодаря этому не только экономился посевной материал, но и улучшалось качество обработки всходов с помощью механизмов, а заодно успешней велась борьба с сорняками. «Сверху» в районе хмурились и выжидали: «посмотрим, что у него выйдет?» А когда у соседей, придерживавшихся старого способа посевов, поначалу всходы оказались лучше, даже кулаком по столу начали стучать. И несдобровать бы директору-новатору, если бы не выручил урожай.

— В тот год мы собрали по 320 центнеров с гектара, — вспоминал Б. Абаев, — а все остальные хозяйства по 100—120. Успех наш был не случайным. Кстати, с тех пор мы ни разу не отступали от рекордного для республики урожая свеклы. Даже в засушливые годы.

Говорят, слава любит победителей. В районе, да и в республике, вскоре привыкли, что «Шалинский» стал постоянным обладателем переходящего Красного знамени ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. В коллективе появились первые орденоносцы. Директор стал кавалером ордена Трудового Красного Знамени. И вот теперь в зените славы Бака Абаев все же недоволен собой.

— От требований времени отстаем...

— А если бы вам удалось наладить работу совхоза согласно требованиям времени, насколько бы возросла отдача хозяйства? — спросил я директора.

— Вдвое, — не задумываясь, ответил он. А потом, помедлив, добавил: — А то и втрое!

— Значит, «Шалинский» смог бы продавать за пятилетку не шесть тысяч тонн мяса, а восемнадцать, зерна собирать не сорок тысяч тонн, а все сто двадцать, сахарной свеклы четверть миллиона тонн? Так?

Абаев утвердительно кивнул головой.

— В таком случае, что мешает вам трудиться в три раза лучше?

— «Мелочи». Те самые мелочи, которые дорого обходятся государству.

— Можете привести примеры? — спросил я.

— Сколько угодно, — ответил он запальчиво. Потом, несколько смягчившись, вышел из-за стола, подсел рядом и заговорил не спеша: — Недавно я побывал в Венгрии. Ездил в составе делегации, перенимавшей опыт работы рядового хозяйства. Так вот, у них двухгодовалые бычки, поставленные на откорм, весят по 600 килограммов, а у нас еле-еле до двухсот дотягивают. В чем секрет? — спросите вы. Правильное кормление и соответствующий уход. Больше никаких секретов. На ферме, которую мы осматривали, — всегда полные кормушки. В результате ежесуточный привес животных составляет 1200 граммов и больше. А у нас в хозяйстве чуть ли не рекордным считается привес за сутки в 500—600 граммов. И все это происходит из-за хронической нехватки кормов, недостаточного содержания в них витаминов. Можно ли решить эту проблему на месте? Несомненно. Тем более, что в Основных направлениях ставится вопрос о том, что коренное улучшение кормопроизводства и удовлетворение потребностей в кормах общественного животноводства, равно как и скота, находящегося в личной собственности граждан, являются неотложной задачей тружеников села. На XXVI съезде партии товарищ Леонид Ильич Брежнев сказал, что ЦК КПСС и Совет Министров приняли недавно развернутое постановление, в котором осуждается практика необоснованного вмешательства в хозяйственную деятельность колхозов и совхозов со стороны некоторых партийных и советских работников. В постановлении со всей определенностью говорится: республикам, краям и областям, районам, колхозам и совхозам должен устанавливаться единый план закупок сельскохозяйственных продуктов на пять лет с разбивкой по годам. Одновременно вводится система стимулирования хозяйств, которые увеличат продажу государству продукции по сравнению со среднегодовым уровнем прошлой пятилетки. В результате должна усилиться связь материальных стимулов с конечными результатами и особенно с улучшением качественных показателей.

«Очень важно, — сказал товарищ Л. И. Брежнев, — чтобы перечисленные меры последовательно проводились в жизнь».

В нашем совхозе 4100 гектаров пашни. Из них 450 отведено под сахарную свеклу. Вот и получается: чтобы свести к минимуму недостаток объемных кормов, нам необходимо предоставить возможность самим составлять структуру посевных площадей с таким расчетом, чтобы тыл обеспечил максимальное развитие кормовой базы. Это под силу районному руководству. А на деле что происходит? Председатель Шалинского исполкома районного совета Л. Сайдаев буквально диктует мне: в интересах района я должен посеять столько-то кукурузы, сои, овощей, трав и т. д. и т. п. И я сею не то, что нужно совхозу, заведомо зная, что из-за этого останусь на всю зиму без кормов и буду, что называется, с протянутой рукой ходить в поиске их. Зато наш совхоз закроет брешь в районном плане по сое, вытянет его по овощам, поднимет по другим показателям. А я бы в интересах общего дела сеял не сою, а кормовую свеклу, которая дает до тысячи центнеров с гектара. Не траву, а силосную кукурузу, у которой отменная отдача. А овощи, некоторые травы и другие сельскохозяйственные культуры, нужные району, передал бы тем хозяйствам, которые не занимаются откормочным выращиванием скота в таких масштабах, как наш совхоз.

Он помолчал и снова заговорил:

— Партия постоянно нацеливает нас на активную жизненную позицию, творческое мышление, государственный подход к делу. Она учит нас смело и последовательно отстаивать свои убеждения, когда дело касается больших общегосударственных вопросов. Однако, к сожалению, не всегда нам это удается. Бюрократизм на местах порой оказывается сильнее. «Шалинский» — хозяйство откормочное, оно не должно продавать зерно: это у нас корм. Но на нас жмут «сверху»: «Надо спасать план, отстоять честь района!» И мы подчистую выметаем закрома. В итоге привесы скота много ниже, а продуктивность гектара до обидного мала. Хочется надеяться, что теперь, после XXVI съезда КПСС и Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении планирования и экономического стимулирования производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов», совхозам и колхозам будет дана возможность решать эти вопросы самим, не оглядываясь на районное начальство. Я хочу, чтобы меня правильно поняли. Я за партийную дисциплину, за вдумчивое руководство, понимающее главные задачи сегодняшнего дня. Но я против мелочной опеки и грубого окрика.

С минуту подумав, он продолжил свою мысль.

— Сегодня партийные документы вновь напоминают нам о необходимости сочетания общественных и личных интересов. К сожалению, на практике мы сталкиваемся зачастую с иными отношениями. Вот посудите. Наш совхоз хоть и относится к Шалинскому району, тем не менее входит в состав недавно созданного межхозяйственного производственного объединения «Чечингскотопром», которое возглавляет опытный руководитель, кавалер ордена Ленина У. Осмаев. В его непосредственное распоряжение переданы два кормопроизводящих совхоза: «Куларинский» (Грозненский район) и «Калаусский» (Надтеречный район). Оба они призваны восполнять дефицит кормов для откормочных хозяйств «Чечингскотопрома». Однако кормами, которые производят эти совхозы, распоряжается, как ни странно, не руководство объединения, а местное районное начальство. В результате оба хозяйства ежегодно сдают зерно в счет не только выполнения, но и перевыполнения планов Грозненского и Надтеречного районов, хотя собственных планов поставок не имеют. Налицо факт подмены общественных интересов личными, забота не о высшей цели, а о чести собственного мундира.

В народе давно подметили: у кого что болит, тот о том и говорит. У меня, как у директора откормочного хозяйства одна болезнь — корма. Но есть и другие, сопутствующие болезни, которые ведут к развитию основного недуга — снижению отдачи хозяйства. Октябрьский пленум (1980 г.) ЦК КПСС заострил вопрос об исполнительской дисциплине, о контроле за выполнением намеченного. И мы тотчас почувствовали это. Буквально в пожарном темпе начало завершаться у нас в хозяйстве строительство откормочного животноводческого комплекса на десять тысяч голов крупного рогатого скота. Пять долгих лет «Чечингсельстрой» занимался возведением этого объекта. Дважды необоснованно откладывал сроки его сдачи: сначала в 1978 году, затем в 1979-м. Теперь, кажется, строительство вступило в завершающую фазу, хотя качество его не выдерживает никакой критики. А ведь если бы этот объект своевременно вступил в строй, государство дополнительно получало бы ежегодно по две тысячи тонн мяса.

Партия и правительство выделяют крупные капиталовложения и материальные ресурсы для увеличения сельскохозяйственного производства. А вот с отдачей — неладно. Буквально несколько дней назад один из лучших наших трактористов, Абубакар Вараев, заявил на собрании, что не желает сидеть на иждивении жены и поэтому уходит из совхоза. Так вновь дал о себе знать острый, наболевший вопрос — ремонт техники. Чего греха таить, по три-четыре месяца простаивают в совхозе машины-гиганты К-701 из-за отсутствия какой-нибудь мелкой запчасти. А получить ее вовремя на предприятиях Госкомсельхозтехники не представляется возможным. Либо запчасти отсутствуют, либо требуется перегонять трактор с одного конца республики на другой, чтобы заменить, скажем, вентиляторный ремень или вышедший из строя подшипник. Если же хозяйство не хочет гнать машину за тридевять земель, оно вынуждено оплачивать ее ремонт как капитальный, только тогда ему дадут необходимую пятикопеечную запчасть. И как здесь не вспомнить опыт наших венгерских друзей, о котором я упоминал. Когда мы осматривали у них озимое поле, что-то забарахлило в моторе трактора, работавшего на вспашке. Механизатор тут же по рации связался с передвижной ремонтной бригадой и не успел докурить сигарету, как появился крохотный грузовичок с двумя слесарями и полным набором запчастей. Через четверть часа трактор снова вышел в поле. А разве нельзя у нас, на предприятиях Госкомсельхозтехники, создать на обменных пунктах такой запас узлов и агрегатов, который позволит ускорить восстановление машин, а в дни уборки урожая наладит их бесперебойную эксплуатацию? Можно и нужно.

На днях мне пришлось выступать перед молодыми механизаторами, — продолжал мой собеседник. — Интересный народ, большинство из них со специальным средним образованием. Работу свою знают и любят. Так вот, поднимается один из них и говорит, обращаясь ко мне: «Пора, товарищ директор, создать нам нормальные условия, а потом по-партийному спрашивать с нас выполнение обязательств». И действительно, как можно требовать с механизатора максимальной отдачи, если он садится на новый трактор или комбайн и... сразу едет в мастерские ремонтировать его. Есть у нас в совхозе передовое звено механизаторов, которое возглавляет коммунист Ибрагим Цекмаев. Три парня, три специалиста и у всех троих золотые руки. В работе безотказны, горы своротить могут. И вот получаем как-то три новенькие «Нивы-5». Кому дать? Конечно же, звену Цекмаева. Поехала бригада за комбайнами на железнодорожную станцию. Не успела снять их с платформы, как у одного отказал тормозной цилиндр, у другого коленчатый вал полетел, у третьего... Одним словом, чтобы привести новую технику в божеский вид, звену Цекмаева понадобилось месяц не выходить из мастерских. Очень надеемся, что новые «Нивы-5А» завод будет делать лучше.

...Звонок из райкома партии прервал нашу беседу. Кто-то приглашал Б. Абаева немедленно явиться на внеочередное совещание. Абаев положил трубку и тяжело вздохнул:

— Самыми безжалостными расточителями в народе издавна считали тех, кто не бережет свое и чужое время. На Кавказе так говорят: время — казна для знающего ему цену. К сожалению, у нас эту казну опустошают безжалостно. И, что обиднее всего, не на пользу делу. Судите сами. Не меньше половины своего рабочего времени я трачу на заседания, активы, совещания у руководителей районного масштаба, где согласовываются, корректируются, утрясаются, исправляются и вновь дополняются планы, программы, социалистические обязательства. Потом я трачу время на то, чтобы по возвращении в совхоз довести «ценные указания» до коллектива. А ведь все эти ЦУ в большей части сводятся к очередной «накачке», «завинчиванию гаек», «подкручиванию пружины» и т. п. А было бы куда правильней не дергать руководителей хозяйств по мелочам, большую часть вопросов решать оперативно, в рабочем порядке и по существу дела. Что толку в том, что каждый понедельник в течение трех часов я выслушиваю крутые речи первого секретаря райкома партии в адрес отстающих хозяйств. Ни одно из них за это время не стало рентабельным. Зато директора ведущих совхозов потеряли столько времени, что ни на одном компьютере не подсчитать упущенный экономический эффект.

Мы вышли из кабинета. Надо было ехать в район.

— Договорим по дороге, — предложил Б. Абаев.

Он долго не мог завести свою видавшую виды «Волгу», которую собирал по частям. Наконец с подозрительным постукиванием в заднем мосту машина двинулась в сторону Шали.

— Сегодня наш совхоз один из самых богатых в республике, — говорил в пути Бака Даудович. — За десятую пятилетку только чистой прибыли мы получили около трех миллионов рублей. Деньги у нас есть, а вот купить на них лес, металл, трубы не можем. Фондов нет. С этим вопросом тоже сегодня надо разбираться. Ведь с руководителя хозяйства спрашивают за текучесть кадров. А разве можно без строительства жилья, детских садов, яслей удержать в хозяйстве молодежь? Тем более в нашем совхозе, когда столица Чечено-Ингушетии, город Грозный, в двадцати километрах. Еще несколько лет назад наш совхоз справедливо критиковали за большую текучесть кадров. Последние два-три года этой проблемы у нас нет. И если уходит из «Шалинского» специалист, то, как правило, на повышение. Мы гордимся бывшим секретарем парткома совхоза Асланбеком Шахгириевым, который возглавил большой виноградарский совхоз «Автуринский» и в короткий срок вывел его в передовые. На руководящую должность проводили мы нашего бывшего главного агронома М. Ильина, который сегодня является одним из лучших в районе директоров—руководит совхозом «Московский». Примеров таких сколько угодно. Ведь подавляющему большинству наших людей присуща активная заинтересованность в общих делах, горячее стремление всемерно содействовать их успеху. Поэтому-то мы и должны с повышенным вниманием — партия справедливо требует от нас этого — заботиться об улучшении условий труда и быта наших рабочих. У нас в совхозе немало сделано в этом направлении — построено сто пятьдесят квартир, три магазина, Дом быта, водопровод, на паях сооружен Дворец пионеров. И тем не менее справедливости ради надо сказать, что можно было бы сделать куда больше. И ручной труд на уборке сахарной свеклы сократить, и на фермах добиться большей чистоты, уюта, и жилья построить больше, и о современном клубе подумать черед настал. Секретарь парткома нашего хозяйства Албег Чинтаев ни минуты не дает мне покоя, добиваясь улучшения условий труда молодых рабочих. Сегодня мы должны были заслушать на парткоме его предложения, но вот звонок из райкома опять все карты спутал.

...Дорога, попетляв, вытянулась, как струна. Неожиданно из-за гор выглянул золотой слиток. Не опуская защитного козырька, Абаев сощурился и глядя перед собой, признался:

— Люблю двигаться навстречу солнцу. И грозе навстречу мчаться люблю,— добавил он и улыбнулся.

Чечено-Ингушская АССР.

СЧАСТЬЕ ХУДОЖНИКА

**Дмитрий НАЛБАНДЯН,
народный художник СССР,
Герой Социалистического Труда**

Каждый прожитый год — бесценное сокровище, а когда их скоро уже семьдесят пять, только тогда со всей полнотой чувствуешь, какое счастье жить, видеть, ощущать всю красоту бытия.

Самое главное для меня сегодня — это радость творчества, стремление отразить время, в котором я живу, людей, моих современников, природу моей Родины. Конечно, каждый век богат своими красками, интересными, значительными событиями, но я глубоко уверен, что мне довелось стать свидетелем удивительной и неповторимой поры рождения нового общества — эпохи построения социализма, коммунизма.

Я рос и видел, как менялся мир. Так уж сложилось, что моя юность совпала с молодостью Советского государства, и потому все рубежи, пройденные нашим народом,— это как будто и мои жизненные вехи. Как дорого отцу его дитя, так дорого мне каждое мгновение, что приходилось переживать с моими соотечественниками. Столько великих событий довелось увидеть, что я как художник, творящий в эту грандиозную эпоху,— поистине счастливый человек.

Помню тусклое мерцание осенних листьев, усыпавших булыжную мостовую старого Тифлиса — города моего детства. Редкий и потому волшебный в своей необычности снег, беззвучно окутывающий дома, сады, застилающий небо. И звенящее южное солнце, сопровождавшее меня потом в пути,— это все не просто первые детские впечатления, эти картины — словно ноты, звучащие во мне всегда, точно определившие на всю жизнь, что есть правда, добро, красота. С тех пор не было дня без работы, без набросков, этюдов, мольберта. Меня иногда спрашивают: кем бы вы стали, если бы не были художником? Сколько я себя помню, кисть — мое орудие труда, и не могу даже представить себе, чтобы рука моя не держала кисть.

В судьбе каждого художника огромную роль играет учитель. Человек, который открывает тебе мир прекрасного, как бы передает эстафету традиций большой культуры. Должен признаться, что в те годы, когда еще громко звучали голоса формалистов, мне просто по-человечески повезло. Когда началась учеба в Тбилисской академии художеств, моим профессором стал Евгений Евгеньевич Лансере. Вот от него я и получил те основы реалистического искусства, которые существовали века,— рисунок, понятие формы, тона, цвета, композиции, словом, всего того, что делает из начинающего художника профессионала. Сам Лансере был великолепным рисовальщиком, для которого любой ракурс, поворот, экспрессия не представляли загадок: он был поистине мастером. И его заветы я помню всю жизнь.

Другой мой педагог, Егише Мартиросович Татевосян, со всем темпераментом, присущим сыну Армении, рассказывал о великой роли русского искусства в развитии национальной культуры всех наших республик. Я из его уст услыхал о великанах русской школы — Иванове, Репине, Сурикове и ярче стал осознавать, что вершиной живописи является станковая композиция, хотя это нисколько не снижало роли психологических портретов Валентина Серова или лирических пейзажей Исаака Левитана.

Неоценимую значимость в судьбе каждого советского художника занимает непосредственное общение с шедеврами мировой и русской классики — наследием, находящимся в наших замечательных собраниях. Так мне открылась изумляющая глубина творений Рембрандта, этого гиганта, сумевшего проникнуть в самые бездны человеческого характера; его полотна в Эрмитаже являются поистине жемчужинами мировой культуры. Сколько мне после ни приходилось видеть ван Рейна в музеях Европы, эрмитажные «Блудный сын», «Даная», портреты позднего периода — подлинные вершины творчества мастера.

Годы штудии, изучения натуры — это не только нелегкий труд, но и радость. Молодость — всегда надежда, мы с друзьями писали этюды, посещали музеи, проводили вечера в спорах об искусстве,— все эти воспоминания сегодня для меня святы, как все, связанное с юностью. Годы воспитания чувств, осознания своей причастности к строительству нового, судьбе народа и дали мне силы одолеть трудности постижения мастерства. Дилетантизм — враг искусства, и это поистине бич нашего времени, когда любой более или менее нагловатый человек способен покрасить так или иначе холст и возомнить себя мгновенно чуть ли не гением.

Труд, и только труд, как бы ты талантлив от природы ни был, способен создать зрелого художника.

Именно в наши дни, когда создаются новые отношения между людьми, когда строится новое общество, живопись, как и вся культура, должна отражать с большой яркостью и мощью образ нашего замечательного времени и людей, созидающих эту новь. Тут уже ничего абстрактной мазней или сюрреалистическими вывертами не сделаешь — надо писать глубоко, сочно, реально! Но для этого надо уметь!

Наше сегодняшнее советское искусство создало уже немало прекрасных произведений, внесших свой вклад в развитие мировой культуры. Я не буду перечислять замечательные полотна и скульптуры мастеров нашего многонационального искусства, их прежде всего отличает жизнелюбие, стремление к прекрасному.

В приверженности советских художников к правде жизни, к красоте бытия — огромное моральное преимущество, их творения несут свет, добро, мир, нужные в наш сложный XX век, когда на Западе многие деятели искусства пропагандируют культ цинизма, силы, зла, мрака.

На нас лежит огромная ответственность, мы чувствуем, что окружающий мир так полон драматизма, борьбы, и в работах, отражающих успехи, победы, достижения, мы не просто пишем красивых людей, прелестные пейзажи, могучие силуэты новых строек,— мы утверждаем нашу правду, советский образ жизни.

Однако это не означает, что мы не должны видеть проблемы будней, отрицать сложности одоления новых высот. В этом понимании — диалектика нашей жизни. Этому нас учил великий Ленин, учит партия.

Ленин. Образ вождя социалистической революции озаряет все наши помыслы и дела. Лениниана в советском искусстве насчитывает сотни творений. И я пытался внести свой вклад в создание образа Владимира Ильича. Но всегда я чувствую, как мне еще и еще раз необходимо вернуться к этой любимой и особо значительной теме.

Много, много мне пришлось встречаться, слушать замечательных мастеров. Михаил Васильевич Нестеров, корифей русского искусства, очень доброжелательно отнесся ко мне, тогда еще молодому художнику. Портрет — это зеркало внутреннего мира человека, и поэтому живописец должен стараться передавать психологическое состояние героя, его характер, мысли, настроение, говорил он. За мою жизнь я написал сотни портретов людей труда. Птичница и колхозник, стекольщик и учитель, мастер кузнечного цеха и доярка, рабочий и грузинский виноградарь, простые люди Италии, Индии, Франции — в каждом конкретном случае интересно было увидеть то главное, что роднит индийского кули и русского пахаря, увидеть принадлежность их к великой нации людей труда.

Мне довелось немало путешествовать. И владела мной не просто страсть к перемене мест, нет, необходимо было видеть, как живут, чем дышат люди далеких стран, чтобы потом в своих холстах рассказать соотечественникам об их друзьях в разных уголках земли.

Индия потрясла меня в первую же поездку. Я возвращался туда пять раз, и всегда открывались иные, неизведанные грани этой удивительной страны, ее прекрасного народа. Картина «Бомбей. На пристани» написана в одной из таких поездок.

Люблю рисовать гавани разных городов. Накаленная солнцем, энергией движущихся людей атмосфера, шум, сверкание моря, та черта, что разделяет корабль и сушу, та щемящая тоска, что охватывает каждого, глядящего на землю из иллюминатора парохода,— все вместе делает порт местом необыкновенным, со своей особой жизнью, своим воздухом, светом, ритмом времени.

Интересно было работать над образом Рабиндарха Сингха. Когда я с ним познакомился, он читал Пушкина, Лермонтова, почти свободно говорил по-русски. Умный, проницательный взгляд этого человека, его особый внутренний мир — сложный, богатый, его щедрая душа, спокойная, исполненная глубокого достоинства манера вести беседу — все это вместе создало в моем сознании полнокровный образ сына свободной Индии.

Портрет грузинского колхозника символичен. Ведь спелая виноградная гроздь — олицетворение силы земли, ее мощи. Потому крестьянин этот не просто сборщик винограда, но воплощение счастливой гармонии человека, возделывающего сад земли, одаряющей нас своими плодами.

Жанр портрета мне очень близок, но люблю я и станковую композицию, отдал ей много сил, люблю пейзаж, натюрморт. Судьба свела меня с блестящим русским пейзажистом и искусствоведом Игорем Грабарем. Он привечал меня, брал с собой на этюды. Правда, я не столько писал, а наблюдал, как работает Грабарь. Он поведал мне очень много важного о самом сокровенном в нашем мастерстве.

— Этюд всегда лучше писать,— говорил он,— в один сеанс, зиму, лето, весну — все равно, но за один раз, ибо важно уло-

Окончание на стр. 24.

Д. Налбандян. Род. 1906. СТУДЕНТ РУССКОГО ИНСТИТУТА РАБИНДАРХ СИНГХ. 1970

Д. Налбандян. БОМБЕЙ. НА ПРИСТАНИ. 1978.

Михаил АЛЕКСЕЕВ

РОМАН

ДРАЧУНЫ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

IX

Приближалась весна-красна. Для меня же это самое волнующее время года не наряжалось в свои яркие, радующие сердце цвета, как было во все прошлые вёсны. А причина все та же: рядом со мною не было Ваньки Жукова. Бывало, поутру, когда солнышко чуть-чуть оторвется от горизонта и начнет стремительно набирать высоту, облачая все под собой, впереди себя и над собой в ликующие золотые ризы, кто-то из нас первым услышит пение жаворонка. В ослепительной глубине небес не вдруг, не сразу отыщешь глазами крохотный серебристый, трепещущий поплавок самого певуна — этого извечного и долгожданного гонца весны. Обладавший слухом, который мы бы теперь назвали абсолютным, Ванька обычно раньше всех улавливал жавороночьи трели и по ним, как паучок по невидимым, прозрачным нитям, добирался и до жаворонка. Обнаружив, орал во все горло: «Вон, вон! Вижу, вижу!» Мне же требовалось еще несколько минут прежде, чем я мог ухватить своими глазами звонкоголосое это существо и сопровождать его от края до края по пронзительно ясному, тщательно выстиранному и выутюженному кем-то полотну небес. Глаза при этом слезились, слезы не смаргивались, потому что ты боялся даже на короткий миг смежить веки: жаворонок мог ускользнуть от тебя, а потом попробуй-ка отыскать его вновь в синих глубинах поднебесья!

Наглядевшись на жаворонка вдоволь и наслушавшись его концерта, мы врывались либо в Ванькин, либо в мой дом и громко возглашали:

— Жаворонки прилетели!!!

— А не врете? Не рано ли им? — спрашивала с сомнением его или моя мать.

— Ей-богу прилетели! — хором кричали мы.— Сами счас видали!

— Ну, ну. Надо затевать. Что с вами поделаешь! Вот беда: мучицы пашеничной ни пылинки. Придется из ржаной...

— Пускай хоть какие! — поощрительно говорили мы и вскакивали на печь, где и дожидались, когда уже из горячего ее зева выпорхнут сотворенные мамиными руками «жаворонки». Они, конечно, не будут такими изящными, как те, что трепещут под небесами, но все-таки очень похожими на них — с растопыренными крылышками, с точеной головкой, с хохолком над ней и даже с двумя бусинками глаз, обозначенных янтарными пшенными зернышками.

Оказавшись в наших руках, «жаворонки» скачут из ладони в ладонь, потому что были еще очень горячими и оттого нетерпеливыми, и для остуды их приходилось перебрасывать из одной руки в другую.

Это был праздник, для детей не менее радостный и светлый, чем пасха и Первое мая,— я поставил их рядом потому, что и теперь еще во многих российских селениях они празднуются во всю мочь и с одинаковым эмоциональным зарядом, не говоря уже о двадцатых и тридцатых годах, когда новые (советские, как их именовали) праздники только еще укоренялись в деревенском быту, а старые, не особенно противоборствуя новым, сохраняли, однако, свои «прерогативы», свою духовную власть над людьми. Со временем сметливый русский народ сообразит, что такое двоевластие разных по своим исходным точкам праздников ему, народу, только на пользу: праздных дней стало вдвое больше и времени предостаточно, чтобы отвести душу, то есть гульнуть как следует. Жаль лишь, что Жаворонков день уже не празднуется, а если и празднуется, то в редких местах. А ведь он очень созвучен поре, когда все умирающее зимой возвращается к жизни, а живое еще более оживляется, как бы обновляясь изнутри, наполняясь волнующими жизнетворящими соками.

Жаворонок, прилети,
Красну вёсну принеси!..

Наигравшись всласть испеченными из теста «жаворонками», мы потом всласть ими и лакомились, хотя едва ли они были такими уж лакомыми. Не то что пшеничной, но и ржаной муки было в обрез или не было вовсе, как, скажем, в доме Поляковых, которым, чтобы не лишать детей радости, приходилось выпрашивать «горсточку мучицы» у соседей — у Архиповых или (до нашей с Ванькой ссоры) у Жуковых, Ванькиных родственников.

Зима в самом деле успевала к этому времени чисто подмести сусеки в амбарах у большинства односельчан, исключая разве очень немногих, над которыми, однако, уже была занесена ежели и не костлявая рука голода, то не менее грозная десница тридцатого года, неотвратимо приближающегося по воле действительно «неумолимого владыки», коим является неотвратимый ход истории.

Поедая ржаных «жаворонков», мы угощали друг друга: я позволял Ваньке отведать крылышка моей птички, он, в свою очередь, отламывал кусочек, «перышко», от веерообразного хвостика своей. При этом все время вопрошали: «Ндравится?» — и отвечали: «Очень, очень ндравится!» Матери украдкой поглядывали за нами и, видя, что нам было очень хорошо и весело, расцветали и сами в теплых, солнечных улыбках.

Жавороночья пора проходила и, на смену ей являлась не менее волнующая: со дня на день должны были прилететь скворцы. Эти озорные, веселые пересмешники-пародисты, объявившись, надолго останутся с нами как бы в награду за то, что мы, люди, избавляем их от больших забот-хлопот по сооружению гнездовий, строим для них домики один краше и замысловатее, затейливее другого. Я, например, с ползимы начинал одолевать своего дедушку Михайлу, чтобы он, великолепный мастер строить скворечницы, поскорее приступал к делу. Дедушка каждую весну обновлял скворчиные жилища, старые домики отправлялись либо на топку, либо на ящики для помидоров будущего урожая. На изготовление одной скворечницы у старика уходило несколько дней и даже ночей, поскольку конструкция была весьма сложной: скворечница снабжалась крылечком с железной крышей над ним, с какими-то изразцами по краям и еще чем-то, настолько уж хитроумным, что и не назовешь, что бы это было такое. При входе на крыльцо дед встраивал заграждение из тонкой проволоки: оно свободно впускало в дом его законного хозяина, то есть скворца, но не позволяло проникнуть туда пернатым хищникам — вороне или сороке да и кошке тоже. Над крышей самого домика маячила красивая, вся в радующих глаз придумках, маленькая кружевная труба, очень похожая на ту, что венчала избу отца Василия, нашего соседа,— в этом не было ничего удивительного, потому что поповская труба сооружалась тоже моим дедушкой. Правда, тогда помогал ему его средний сын, а мой отец Николай Михайлович. До́лжно заметить, что по плотницкой части и папанька наш был большой спец, и я бы мог попросить его, чтобы он построил скворечницу. Но я не без основания опасался того, что папанька — обязательно подведет — пообещает, а сделать не сделает, как с ним случалось довольно часто. К нашей и его беде, отец принадлежал к тому очень распространенному на святой Руси мужскому племени, которое чрезвычайно талантливо от природы, умеет делать почти все, но чрезвычайно и лениво, что мешает ему доводить начатое дело до конца, оставляет надолго или навсегда незавершенную работу где-то на полпути. В разных местах у нас валялось сиротски и ждало чего-то множество отцовских заделок, а вернее бы сказать, недоделок. Под полом, например, пересчитывая кроличье поголовье, я все время натыкался то на колесную ступицу, выточенную, с выдолбленными долотом ячейками для спиц, но давно позабытую там; то на новые грабли, которым недоставало лишь черенка; то на деревянные, тщательно отструганные и отфугованные дольки для будущего бочонка или квашни; то еще бог знает на что, также напрочь забытое, хотя начиналось горячо и с великим усердием. На чердаке, куда я любил забираться с Ванькой Жуковым, можно было увидеть тот самый черенок, без малого готовый, который почему-то не соединен с почти готовыми тоже граблями, что пылились под полом. Тут же, на чердаке, с незапамятных для меня времен покоились и все остальные части, которых недоставало ступице и спицам, чтобы стать колесами. Такая участь выпала бы и на долю скворечницы, если бы за нее взялся папанька. Потому-то я и канючил у деда:

— Деда Миша, скворцы прилетели.

— Правда? А не спутал ли ты, тезка, их с воробушками?

— Не. Не спутал. Ванька сказывал. Он видал на Хуторе.

— Врунишка твой Ванька. Скворцы так рано не прилетают.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 21—24.

— Почему? — спрашивал я. — На улице-то тепло.

— А снег?

— Он скоро растает.

— Вот тогда и прилетят твои скворцы, Мишанька. — И дед раскрывал передо мной свою неписаную азбуку природы. — Прилети они сейчас — помрут от голоду. Скворцы чем питаются?

— Червяками.

— Правильно. А где живут червяки?

— В земле.

— И опять верно. А где она сейчас, земля?

— Под снегом.

— Под снегом, стало быть, и хоронятся червячки и разные букашки. Уберется снежок с полей, объявятся на огородах большие проталины, выползут погреться на солнышке малые божьи твари — скворец тут как тут. Цап-царап их длинным своим клювом — он и сыт и нос в табаке...

— Разве скворцы табак клюют? — удивлялся я.

— Не клюют, конешно. Они не такие дураки, как твой отец или дядя Петруха. Просто поговорка есть такая: «Сыт, пьян и нос в табаке». Придумана она, Мишанька, для непутевых мужиков. Надеюсь, ты не будешь таким?

— Не буду, — заявлял я решительно, потому что успел в достаточной степени наглядеться на своего родителя, когда тот был и сыт, и пьян не в меру, и табачищем от него разило за версту, и когда он был не только противен внешне, но и опасен, потому что лез на всех с кулаками.

— И не надо, Мишанька, — удовлетворенно говорил дед и, успокоенный, возвращался к скворцам.

— Дней через десять, не раньше, твои крикливые гости пожалуют. А к тому времени я тебе сколочу не один скворечник (в нашем селе это слово произносилось в мужском роде), а сразу два и сам принесу к вам. Один поставим во дворе, а другой на улице, под окном, чтобы ты мог слушать песенника прямо из дому.

— Вот здорово! — восклицал я и, подпрыгнув, повисал на дедушкиной шее, обхватив ее своими тонкими, но крепенькими ручонками. Неловко тыкался в его бороду: мне хотелось расцеловать человека, который после моей матери был для меня, пожалуй, самым дорогим и близким.

В последующих главах расскажу о нем более подробно, а пока вернусь к весне, которую приходилось встречать без Ваньки Жукова.

С ним мы виделись теперь только в школе. Там Иван Павлович придумал для нас веселое занятие, которое введено в школьную программу и называлось коротко и ясно: «Труд». Уроки труда мы должны были получать в наскоро сооруженном помещении, нареченном, однако, солидно и внушительно: «Мастерская». Внутри ее, почти во всю длину, поставлен верстак, вдоль стен, на лавках и полках, размещались буравчики разных размеров, стамески, тоже разнокалиберные, рубанки и фуганки, молотки железные и деревянные, пилы поперечные и продольные, зубила и пробои, ящики с большими гвоздями и ящички с гвоздями малыми. Все это неслыханное по тем годам богатство Иван Павлович раздобыл в Саратове при содействии сына Виктора Ивановича, который был уже аспирантом университета и, готовя себя на смену отцу, обзавелся состоятельными шефами в лице двух директоров крупных предприятий. В течение всего прошлого лета и нынешней зимы к школе подкатывались таинственные для нас, учеников, возки, из них выносились картонные и деревянные ящики и тут же прятались в школьных кладовках. Одновременно возводилось и помещение, которому суждено было стать школьной мастерской.

Открытие ее было торжественным. Перед распахнутой настежь дверью Иван Павлович натянул красную ленту, сшитую из нескольких старых пионерских галстуков, и, когда вместе с моим отцом рассек ее в двух местах большими ножницами, мы хлынули вовнутрь и, увидев там все, огласили необычный учебный класс восторженным ревом.

Сейчас каждый на своем месте и по проектам, предоставленным нам на выбор учителем, принялись под наблюдением моего отца, согласившегося по совместительству стать преподавателем, мастерить скворечники. При этом я больше всего боялся того, как бы мое сооружение не оказалось хуже Ванькиного, а потому чаще, чем кто бы то ни был, обращался за консультацией к «преподавателю», демонстрируя, помимо всего прочего, свою близость к нему и возможность обращаться вот так, запросто. Важный до смешного, батяня мой изо всех сил старался показать, что тут, в классе, для него все равны, а сам нет-нет да и стукнет по моему творению своим молотком, и подпилит что-то там своей крохотной пилкой, еще что-то подладит и подправит, да так хитро и ловко, что никто этого и не заметит.

Как и следовало ожидать, преподавательская карьера отца оборвалась очень скоро и, как водится, в самом тонком и уязвимом месте. На третий, кажется, день занятий в мастерскую наведался Кот. Он вошел так тихо, что поначалу никто его не заметил. Может быть, еще и потому, что все мы были увлечены до крайности интересной работой. Быстрющими своими глазами Иван Павлович сразу же приметил, что движения рук старшего мастера что-то уж очень тороплива и размашисты, а взор повышенно оживлен и весел. Язык преподавателя был подозрительно боек и лишен необходимой стройности. Подойдя поближе и потянувши носом, Иван Павлович обнаружил и первоисточник такого поведения папаньки: по вздрагивавшим, пульсирующим от напряженного принюхивания ноздрям Кота шибанул устойчивый, невыветрившийся дух матушки-сивухи. Дождавшись окончания урока, Иван Павлович пригласил неосторожного выпивоху в учительскую, где и вынес свой приговор, сформулированный кратко и предельно ясно:

— Чтобы духу вашего не было в моей школе!

Употребленное в этой формуле слово «дух» придало ей определенный, глубокий и весьма ядовитый подтекст. Моему отцу ничего не оставалось, кроме как покорно проглотить сию горькую пилюлю и в тот же день, прервав занятия, передать мастерскую Петру Ксенофонтовичу Одинокову, мужику умному и грамотному, к тому же трезвеннику. Плотницкое дело он знал даже лучше, чем мой отец, и удивительно, почему не на нем поначалу остановился проницательный Иван Павлович. Правда, Петра Ксенофонтовича не шибко любили в селе, но объяснялось это не его отрицательными качествами, а скорее наоборот — положительными. Дело в том, что Петр Ксенофонтович был бессменным фининспектором и исполнял свои малоприятные обязанности в высшей степени добросовестно: не даст мужику покоя до тех пор, покуда тот не раскошелится и не погасит налога. Ценимый на вес золота в райфо, он был чрезвычайно неудобен для своих прижимистых односельчан, которых в большей степени устраивал бы какой-нибудь грамотей-пьяница, которого можно было бы без особенных трудов умаслить лампадкой самогона.

Многие надеялись, что, перейдя в школьную мастерскую, Одиноков охотно освободится от хлопотливых дел финансового агента. Но нет! Районные финансисты не дураки, чтобы выпустить из своих рук такого ценного работника. Так что служба у них оставалась для Петра Ксенофонтовича главной, а преподавание в школе — по совместительству.

Отделочные работы по изготовлению скворечников мы производили уже под наблюдением и при строгом руководстве нового мастера-учителя. Я видел (и это было немножко обидно), что дела в мастерской пошли спорее и, главное, качественнее. К прилету скворцов почти во всех дворах, на шестах, увенчанных ветвистыми сучьями, или на ветлах, растущих перед домом, золотились новенькие, некрашеные (краску эта избалованная птица не любит, мы это знали) домики для них, радуя расцветающие наши ребячьи души.

Каждому хотелось, чтобы именно на его подворье объявился первый скворец, чтобы потом можно было заявить об этом во всеуслышание. Зная, что прилетает он рано поутру, я просыпался до восхода солнца и, закутавшись во что попало, выходил во двор, усаживался на пеньке, на котором обычно рубят дрова, и не отрывал глаз от скворечника часами. Ежился при этом от утреннего морозца, чаще орудовал рукавом шубейки под своим все более увлажняющимся носом, но терпел, не уходил в избу: вдруг, думал, прилетит, а я и не увижу. Терпение мое в конце концов вознаграждалось. Правда, я не улавливал самого мига, в какой птица объявлялась, и обнаруживал ее лишь тогда, когда она уже высовывала свой длинный клюв из домика и издавала звонкий, характерный, предупреждающий всех и вся свист: вот он, мол, я, прилетел! Прежде чем вспорхнуть на ветку и уже оттуда сообщить эту новость всему белу свету, скворец раз десять кряду нырнет в свое новое жилище, исследует его со всей возможной тщательностью. Ведь ни кому-нибудь еще, а ему приходилось принять ответственное решение: годится ли домик для того, чтобы в нем жить и выводить потомство. На самце и лежала такая ответственность, он-то первым и прилетает к местам гнездовья. Найдя новое жилище вполне подходящим, он сперва взлетит на его крышу, помашет там часто-часто своими крылами, посребренными снизу под цвет брюшка, затем переберется на самую высокую ветку и там уж даст полную волю своему редкому дарованию петь и под соловья, и под воробышка, и под горлицу, и под грача и даже под гортанного долгожителя — черного ворона. Целая капелла в одном малюсеньком горле — это ли не диво, это ли не чудо?! И где только, когда и как подслушал он на коротком своем веку все эти разнозвучные птичьи голоса! И если бы только птичьи — скворец вам изобразит и кошачье мяуканье, и коровий мык, и блеяние овцы и промекекает по-козлячьи. Он все может, скворец! Воспетый поэтами всех времен и народов соловей не сможет исполнить и сотую часть этих песен, а мы не устаем хвалить его и восхищаться его голосом. Понимаем, что у соловья хоть и одна песня, но она соловьиная. У скворца вроде бы нету своей собственной песни, но собрать в одно целое великое множество песен и превратить их в нечто единое и неповторимое умеет лишь скворец и никто другой, — разве это мало?! Не потому ли ждем мы его прилета с не меньшей (если не большей) радостью, чем соловья?! Близок он нашему сердцу еще и потому, что не прячется от нас в темных зарослях где-то там за рекой, а заливается, радуется возможности жить, петь и творить прямо на наших глазах, ничего не скрывая — ни своих песен, ни своих любовных сцен, ни своих больших забот, явившихся следствием этой любви...

Дождавшись голосистого друга, я со всех ног мчался к Жуковым, чтобы упредить Ваньку и первым сообщить ему:

— Вань... Ванька! Скворцы прилетели!..

X

Прилет скворцов по времени совпадал с половодьем. Оно было для нас неповторимым, хотя повторялось почти в точности каждую весну. Все начиналось с робких ручейков, оживавших лишь к полудню, а к вечеру замиравших от зябкого прикосновения легкого в общем-то морозца, но вполне достаточного для того, чтобы до следующего полудня укротить, умертвить все ручейки. Однако они упрямо оживали и с помощью солнышка день ото дня становились смелее и напористее, а потом, объединив свои силы, давали настоящий бой вечерним и утренним заморозкам, уступая им лишь свои закраины, а двумя-тремя днями позже не уступая и этого. Колеи от саночных полозьев превращались в желоба, по которым вешние воды устремлялись в

низины и по ним добирались до реки, проникали под толстую твердыню льда, казавшуюся до поры до времени несокрушимой. Там и сям слышался звонкий, поначалу детский, лепет малых ручейков, вскоре к нему подключался басовитый — уже не лепет, а прямо-таки львиный рык: это заговорили овраги. Их желтые воды устремлялись сперва на Малые и Большие луга, в одну ночь (почему-то такое случается только ночью) заполняли их и мчались в лес, Салтыковский и Кологриевский, и через лес — сразу под ледяные панцири двух рек: Медведицы и впадающей в нее нашей Баланды. В такие-то ночи и раздавался, будя людей, пушечный залп на вчера еще тихих и смиренных речках. Это под напором хлынувших отовсюду потоков лопался, ломался, рушился лед. Дождавшись утра, я и Ванька бежали на берег Баланды, чтобы, по возможности, первыми возвестить селу волнующую, всегда сильно возбуждающую и малого и старого жителя новость: «Лед тронулся!»

Трогается же он не вдруг, не сейчас же. Первые дни и ночи только горбится, сопит, тяжко дышит, ноздреватая его поверхность, освободившись от снега, делается безобразно неряшливой от накиданных на нее зимою коровьих и лошадиных «говяхов», медленно оттаивающих и как бы плавящихся, распускающих вокруг себя красноватую сукровицу. Неприглядный вид реки в такое время усугубляют вороны. Каркая, наскакивая одна на другую, они дерутся из-за этих лепешек, выискивая в них, очевидно, то, что не успело перевариться в коровьей или лошадиной утробе. Мы запускали в воронье покамест еще мерзлыми конскими шарами; вороны взлетали, но на одну лишь минуту, а потом опять принимались за свое. Они не покидали реку и тогда, когда лед на ней трогался, распадался на отдельные глыбы (чки, по-нашему) и с шумом двигался вниз по течению. Едва ли не на каждой такой льдине сидело по вороне. Иногда думалось, что не от ребятишек ли набрались вещуньи этакой отваги? Ежели для

нас, скажем, Ванькой любимой игрой было деланье «зыбки» на тонком льду, то не менее любимой была и другая игра, может быть, еще более рискованная: выбрав подходящую чку, протискивающуюся вдоль берега, мы с разбега вскакивали на нее и вместе с нею продолжали путешествие по реке до Больших лугов, а через луга, по стремнине, до самого леса, где наш хрупкий плот должен был, встретившись со стволами вековечных дубов, распасться на мелкие куски. Мы отлично знали, что́ бы нас ожидало в такой момент, а потому и оставляли свою чку раньше, чем произойдет ее встреча с первым деревом. Оставив, бежали обратно, перескакивая с одной двигавшейся нам навстречу льдины на другую, как нынешние ребятишки-озорники скачут встречу ползущему эскалатору в метрополитене. Само собой разумеется, что такое путешествие было сопряжено с немалым риском и требовало от самих путешественников и большой смелости и такой же большой сноровки. Тем и этим в достаточной степени обладали Ванька Жуков и Гринька Музыкин; мы, которые не столь отважны, старались, тщательно скрывая свою робость, следовать их примеру. Предводитель на то и предводитель, чтобы вести за собой, подымать и смелых и робких. Стоит ли говорить, что и катание на льдине не всегда оканчивалось для нас благополучно. Случалось, что прогретая и как бы пронзенная насквозь острою саблей солнечного луча льдина неожиданно крошилась под нами, и мы оказывались в холоднющей воде, барахтались между льдин, как мокрые щенки, судорожно цепляясь кончиками коченеющих, красных от ледяной воды пальцев за кромку соседней чки, держась изо всех сил за нее, борясь таким образом за свои маленькие жизни. Должно быть, кто-то из взрослых на такой вот случай надглядывал за нашей забавой с прибрежных дворов, потому что почти всегда находился спаситель, который, не мешкая, бросался в воду, подплывал к терпящим бедствие и одного за другим выбрасывал на берег, а потом загонял в свою избу, вталкивал на горячую печку и обогревал, отгоняя простуду. И если среди несчастных магелланов оказывался сын спасителя, то его батька на наших глазах, как бы для всеобщего поучения устраивал ему выволочку. В отношении остальных обычно ограничивался угрозой сообщить об их проделках отцам, но почему-то никогда не исполнял этих угроз. Обогревшись и обсушив одежки, мы потихоньку разбредались по своим домам и первые дни после «кораблекрушения» вели себя действительно и тише воды и ниже травы: были послушны до невозможной уж степени. Это настораживало мою мать, присматриваясь ко мне, она спрашивала:

— Что с тобой, сынок?

— А что? — в свою очередь, спрашивал я, стараясь по ее глазам определить, не узнала ли она ненароком о причине такой резкой перемены в моем поведении.

— Да так... Больно ты, сынок, тихонький какой-то... Вот я и подумала: не стряслось ли с тобой что.

— Не, мам. Ничего не стряслось. Но ить ты у нас одна все дела делаешь.

— Ты, что же, сы́ночка, пожалел свою мамку? — Глаза ее уже быстро, как копытные следы на санной дороге, наполнялись мутноватой влагой. — Спаси те Христос, сынок. Хоть один пожалеет...

И, подняв кончик платка к глазам, она сейчас же выходила на двор, где уже в несколько очередей выстроились, ожидая ее, разные дела: недавно отелившаяся Рыжонка ждала, что хозяйка вынесет для нее корыто с мелко нарубленной кормовой свеклой; Хавронья хрюкала с повизгиванием, тыкалась «пятачком» в дверь хлева, требуя тоже жратвы; овцы, почуяв весну, не хотели оставаться долее в своей загородке, громко блеяли, просились на проталины, которые уже виднелись, слегка дымясь от испарений, на лужайке против нашего дома; толстобрюхая, жеребая Карюха (на этот раз мы все от нее с нетерпением ждали

рысачку, потому что отец мой за три «красненьких» устроил ей свидание с кровным жеребцом),— Карюха, вращая яблоко своего выпуклого глаза, косилась на дверь с тою же целью: мать моя должна замесить в деревянной колоде солому на отрубях и угостить ею старую трудягу, которая в ту весну пользовалась всеобщим нашим и притом повышенным вниманием. Куры также не дремали. Предводительствуемые своим поводырем-петухом, они уже мельтешили у порога, ожидая, когда хозяйка выйдет на крыльцо и высыплет перед ними горсть проса или раскрошит размоченную предварительно корку черного ржаного хлеба. И Жулик был тут как тут: не мигаючи, глядел на сенную дверь, нетерпеливо повиливал хвостом и время от времени просяще взлаивал.

Всяк ждал от мамы подношений. Лишь она одна ни от кого и ничего не ждала. Потому-то и растрогалась так от моих слов.

В вёсну, о которой идет сейчас речь, никто из мальчишек не катался на льдине и, к счастью родителей, не рисковал жизнью. Но это ни на вот столько не радовало меня, равно как и Ваньку Жукова да и всех прочих наших друзей-приятелей. Ну, что же это за половодье, ежели мы не можем выйти ни на Баланду, ни на ее старицу, прозванную Грачевой речкой?! И не выходили все по той же причине: хуторские боялись нас, непочетовских; непочетовские — хуторских.

К самому концу мая о нас начинали вспоминать: приспеет пора прополки огородов, да и на поле, опередив просяные всходы, появляется в угрожающем изобилии ничем не искоренимый осот и жирнющий молочай,— в борьбе с ними мотыга не годится, тут надо орудовать только руками, и притом голыми. И рук этих требовалось очень много, по этой причине не щадились и детские. Перед выездом (выезжали всей семьей) в поле мать предупреждала меня:

— Ты, сынок, мотри, не убеги в лес-то. Завтра просо поедем пропалывать. Кашу-то любишь?

Кашу пшенную я, конечно, любил, особенно сваренную на молоке или приправленную тыквой, но дергать голыми руками осот очень не хотелось: проклятый, он сильно кололся, и руки после него вздувались пузырем и чесались целую неделю так, что не было никакой моченьки. Расположившись у кромки поля и указав нам наши места, мать (она и тут главенствовала, поскольку папанька был занят «государственными делами» в сельсовете) осеняла себя крестом, шептала что-то и потом — уже громко — говорила:

— Ну, с богом, ребятишки! — и первой склонялась к земле, чтобы не распрямляться над нею, пока все поле не будет чисто выполото, то есть до самого вечера, или, как еще говаривали у нас, с темного до темного.

Увидев зеленые полчища презлющего осота и молочая, под широкими, резными и сочными листьями которых виднелись жалкие, заостренные вверху росточки проса, я еще до начала работы приходил в отчаяние. Понурившись, восклицал:

— Да разве мы сладим с такой пропастью!

— Сладим, сынок, ежели не будем стоять так вот, как ты, сложа руки.— И прибавляла свое привычное, постоянное, то, что мы, ее дети, не раз слышали: — Глаза пугают, а руки делают.

Но пугались лишь наши глаза, мои и моих братьев и сестры. Мамины же ничего не боялись, да им и некогда было страшиться, потому что мать не подымала их от полосы, а следила лишь за своими проворными пальцами, чтобы они, жаднющие до работы, не подхватили заодно с осотом и молочаем ростки проса. Она и нас то и дело предупреждала, чтобы и мы были повнимательнее, не набедокурили бы, не сгубили посева, от которого действительно зависело, быть семье с кашей или остаться без нее, а это все равно, что остаться без хлеба: пшенная каша часто заменяла его.

— А ты, сынок, не подымай глаз-то,— говорила она мне, заметив, что я частенько отрываюсь от дела и гляжу перед собой на устрашающе длинную полосу земли, сплошь покрытую сорняками — темно-зеленым осотом, белесоватым молочаем и не менее ненавистным для сеятеля привязчивым растением, именуемым просянкой. Ненавистна эта самая просянка потому, что принимала внешне личину злака, в данном случае проса, а еще потому, что создавала такую цепкую и разветвленную корневую систему, что была практически неистребимой: что ей с того, что ты сорвешь ее листья, когда она на другой же день даст такое изобилие новых отростков, что ты схватишься за голову, невольно подумаешь: черт меня дернул связываться с этой пакостью! Если осот и молочай занимались в отношении наших рук лишь иглоукалыванием, то от просянки ты мог получить, как от бритвенного лезвия, глубокие, долго не заживающие порезы: края ее жестких листьев были чрезвычайно остры.

Вот с какими «милыми созданиями» природы приходилось иметь дело нашим детским рукам, не успевшим (хоть нас и старались приобщить к делам взрослых очень рано) обзавестись толстой, задубелой кожей, которая одна только и могла бы противоборствовать и осоту, и молочаю, и проклятущей просянке.

Мамины советы хоть и были мудрые, но у меня не хватало сил, чтобы следовать им. От долгого ползания на четвереньках, от непрерывного выдергивания вредных растений, которым не было конца, от медленного, почти незаметного глазу продвижения вперед, а еще больше от того, что весь длинный-предлинный день пройдет в унылой этой работе в то время, когда в лесу ждет тебя столько интересных открытий,— от всего этого руки и ноги начинали нервно дрожать, а глаза слезиться, и ты уж невольно распрямишь спину и глянешь с тоскливой безнадежностью в колеблющуюся, стремительно наполняющуюся зноем даль.

— Мам, отпусти!.. Я лучше рыбы вам наловлю к ужину! — умолял я, готовый в самом деле заплакать.

— Еще, еще немножко потрудись, сынок! — говорила мать, не разгибаясь попрежнему и не отбрасывая назад длинных черных, отливающих синевой волос, славно оттеняющих голубые, под цвет майскому небу мамины глаза. Волосы сейчас не мешали ей, поскольку мать не подымала головы и не глядела перед собой, сосредоточив все свое внимание на горьких травах, которые надобно было беспощадно дергать, дергать, дергать.— Вон до того бугорка дойдем, тогда...

Она, не глядя, указывала черною рукой куда-то вдаль, а я уж сам отыскивал тот бугорок, и сердце мое сжималось в тоскливой безнадежности: до намеченного матерью рубежа было так далеко, что, судя по темпу нашего продвижения, до него не дойдешь и к завтрашнему дню.

— И-и-и-эх! — вырывалось у меня.

— И-и-и-эх, паря! — вторила за мною сестра так же тоскливо и горестно.

Мать тотчас же одергивала ее:

— А ты-то что скулишь, бесстыдница! Не вздыхай тяжело — не отдадим далеко. Он-то ребенок, а ты вон какая кобыла вымахала. На тебе пахать можно.

— Попашешь на ней! — откликался старший брат Санька, единственный, кто не отставал от матери в трудной, немилой работе.— На Настюху нашу где сядешь, там и слезешь.

— Ишь какой бойкий! Подлиза несчастный! — ответствовала сестра.— Только делаешь вид, что полешь, а сам...

Начавшаяся перепалка ничего хорошего не сулила, и мать решительно пресекала ее у самого истока:

— А ну перестаньте! Чего взъярились!

Один Ленька не подавал голоса, но вовсе не потому, что «весь ушел в работу». Ежели кто и делал только вид, что пропалывает, так это он, Ленька: пальцы его рук вяло, расслабленно касались сорняков, будто не дергали их, а гладили нежно, а мыслями своими малый этот был уже далеко отсюда, где-нибудь на лугах, под старой, стоявшей в полном одиночестве ветлой, под которой воскресными днями, сразу же после обедни, разгоралось горячее сражение в орлянку. Правая Ленькина рука время от времени ныряла в карман штанов и ласкала там отполированный с одной стороны большой медный пятак — главное орудие в далеко не безобидной игре, потому что в нее замешивались деньги. А где деньги, там и беда, особенно когда они попадают в руки детей. Игра в деньги — плохая игра, что уж там говорить! Но именно к ней и приобщился наш Ленька, или Лёха, как звали его в компании игроков. Работая по принципу «не бей лежачего», он спокойно ждал вечера, когда мать объявит шабаш и уведет всех домой, а там, поужинав, можно отправиться на улицу и включиться в любую игру, в том числе и денежную (по ночам играли в карты).

Моему, однако, терпению приходил конец, потому что я уже видел на землемерной вышке, поставленной на вершине Большого мара, маленькую Ванькину фигурку, означавшую, что мой дружок уже отпущен тетенькой Верухой, его матерью, на все четыре стороны, и давал мне знак, чтобы и я поскорее присоединялся к нему. Мое канюченье делалось настойчивее и нестерпимее для матери. Не выдержав, она говорила наконец:

— Да беги уж, нечистый тебя побери! Ай, не вижу, что тот дьяволенок давно уж тебя сманыват!

Непонятно было, как это она, ни на один миг не поднявши головы, не оторвавши глаз от земли, успела заприметить Ваньку Жукова? Но у меня не было времени для разгадывания этой загадки. Все мое тело, разбитое, размягченное, парализованное безразличием, в один миг превращалось в сгусток упругой энергии, ноги напружинивались так, что несли меня до Большого мара со скоростью скаковой лошади, и я не слышал их прикосновения к земле. Это уж был не я, а стрела, пущенная из лука.

— Негодяй! А сказывал, что устал... Вон как чешет! — говорила мать, распрямившись наконец на минуту и морща губы в скрываемой перед другими, оставшимися с нею старшими детьми улыбке.— Ну, погоди, зассанец, другой раз не отпущу!..

Но этого я мог уже не слышать, потому что к этому времени успевал взобраться на землемерную вышку, встать рядом с Ванькой и, задрав голову, следить за пустельгой, которая, высматривая суслика или полевую мышь, демонстрируя при этом свое искусство парения, стояла в небе на одном месте, удерживаясь тем, что часто-часто махала радужными крыльями.

— Как это она? — не раз удивлялся я.

— А кто ее знат?! — восклицал Ванька, щурясь и прикрывая лодочкой ладони глаза от поднявшегося уже в зенит солнца.

Внизу, под нами, и далеко во все стороны прозрачными, невесомыми волнами перекатывалось марево — это извечное обманчивое степное море, в котором купались теперь молодые травы, прятались перепела, жаворонки, важно расхаживали, выставив на всякий случай часового, гиганты-дудаки да вспархивали и скользили по его нереальной поверхности казавшиеся уже тоже нереальными пестрые нарядные стрепеты. Где-то в этом море раньше времени подавала свой одинокий голос перепелка, убеждая кого-то, что «спать пора, спать пора», хотя до вечера оставалось еще много-много часов.

— Она что, с ума спятила? — вновь удивлялся я.

— А кто ее знат! — отвечал на это Ванька и, по обыкновению, первым спускался по трапеции вниз на плешивую макушку Большого мара: на его вершине почему-то не росло ни единой травинки, как на песенном, легендарном Стеньки-Разиновом утесе.

Вслед за Ванькой быстро спускался и я.

Продолжение следует.

Парад войск на Красной площади. 7 ноября 1941 года.

22 ИЮНЯ 1941 ГОДА — НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ИЮНЬ СОРОК ПЕРВОГО — ИЮНЬ ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЕРВОГО

Маршал Советского Союза И. Х. БАГРАМЯН отвечает на вопросы специального корреспондента «Огонька» Б. СОПЕЛЬНЯКА

— Иван Христофорович, в книге ваших воспоминаний «Так начиналась война» есть такие строки: «У памяти человеческой, к сожалению, много врагов, медленно, но верно подтачивающих ее. В их числе неумолимое время, по зернышку выметающее из кладовых памяти многие интересные и поучительные факты...» Одно дело, если таким врагом является время как таковое, и совсем другое, если находятся люди, а то и целые организации, которые эти факты интерпретируют по-своему или вовсе предают забвению. В последние годы буржуазная печать усиленно пропагандирует небезызвестное заявление Гитлера о том, что, напав на Советский Союз, он нанес превентивный удар в интересах спасения Германии и всего западного мира от большевистской угрозы.

В предвоенные годы вы учились, а затем преподавали в Академии Генерального штаба, позже служили начальником оперативного отдела и заместителем начальника штаба Киевского Особого военного округа, так что обстановка в мире и на возможном театре военных действий вам была хорошо известна.

— Конечно, известно мне было многое, но далеко не все. Правда, позже удалось познакомиться с документами, которые проливают свет на события в Европе, происходившие в конце тридцатых — начале сороковых годов. Не буду говорить о мюнхенском сговоре, о попытках прощупать мощь Красной Армии на Хасане, Халхин-Голе и линии Маннергейма — эти исторические события всем известны. Известно и то, что империалисты всего мира, и прежде всего Англии и США, всеми способами подталкивали гитлеровскую военную машину на восток, против Советского Союза. В то же время наша страна всюду и на всех уровнях указывала на нарастание военной опасности для всего мира и разоблачала коварство и близорукость политики империалистических государств.

Наше правительство предлагало и конкретные меры по пресечению фашистской агрессии и предотвращению второй мировой войны. Летом 1939 года на проходивших в Москве переговорах между Советским Союзом, Англией и Францией советская делегация, возглавляемая К. Е. Ворошиловым, заявила, что Советский Союз в случае возникновения агрессии в Европе готов выставить 120 пехотных и 16 кавалерийских дивизий, 5 тысяч тяжелых орудий, 10 тысяч танков, 5 тысяч самолетов, а также войска укрепрайонов, ПВО и охраны побережья. Переговоры закончились безрезультатно: оказалось, что делегации Англии и Франции даже не имели необходимых полномочий. К чему это привело, хорошо знает все человечество: вопреки прогнозам, господствовавшим тогда в Лондоне, Париже и Вашингтоне, фашистская Германия начала вторую мировую войну нападением не на СССР, а на капиталистические страны Европы, в короткое время захватив Австрию, Бельгию, Голландию, Данию, Польшу, Норвегию, Грецию, Югославию, Чехословакию и другие страны. Гитлеровцы фактически оккупировали под флагом союза Венгрию и Румынию, нанесли поражение Франции и создали угрозу вторжения в Англию.

— Иначе говоря, к лету 1940 года на большей части западной границы Советский Союз и гитлеровская Германия стали непосредственными соседями. Чем чревато такое соседство, понимали, конечно, все. В это время вы уже служили в Киевском Особом военном округе. Вспомните, пожалуйста, какой была обстановка на границе, как шла учеба в войсках, как проходило перевооружение и, самое главное,— готова ли была Красная Армия к встрече с вермахтом?

— Очень непростой вопрос. Но отвечать на него надо, и отвечать откровенно, если так можно выразиться, с позиций нынешнего времени... Никогда не забуду заседание Военного совета округа, которое состоялось в конце первой декады июня 1941 года. Начальник разведотдела полковник Г. И. Бондарев доложил, что вблизи границы немцы оборудуют множество полевых аэродромов, прокладывают железнодорожные ветки, грунтовые дороги тянут прямо к нашей границе. С апреля началось интенсивное передвижение фашистских войск. Из приграничной зоны выселено все мирное население, больницы переоборудованы в военные госпитали, на территории всей оккупированной Польши введено военное положение. Участились нарушения нашей границы фашистскими самолетами. «Сбивать их надо! — гневно заявил командующий военно-

воздушными силами генерал Е. С. Птухин.— Я хорошо помню фашистов по боям в Испании. Это такие наглецы, что будут плевать в физиономию, пока не схватишь их за горло». «К сожалению, мы еще не имеем разрешения хватать их за горло,— сухо и спокойно сказал командующий округом М. П. Кирпонос.— Найдите способ без стрельбы помешать им вести разведку на нашей территории. Ясно одно: обстановка очень тревожная. Фашисты готовят что-то очень серьезное против нас: или крупную провокацию, или... В любом случае обстановка требует от нас решительных действий. Мы кое-что предприняли в этом направлении».

Военный совет принял в тот день очень важные решения, стремясь повысить боевую готовность войск округа на случай военного конфликта. Но имелись определенные недостатки в готовности войск и техники, которые невозможно было исправить никакими экстренными мерами...

Советские люди моего поколения, особенно те, кому довелось служить в Красной Армии и Флоте, никогда не забудут тех титанических усилий, которые в годы первых пятилеток прилагали партия, правительство, весь народ, чтобы повысить боевую мощь Вооруженных Сил страны.

В начале войны частенько можно было слышать критику в адрес высших военных органов, конструкторов и руководителей оборонной промышленности за их якобы отставание в создании новых видов боевой техники. Так могли говорить люди, имевшие очень смутное представление об истинном положении вещей. Создание новых типов сложного вооружения, организация их серийного производства и массовое освоение в войсках — дело чрезвычайно сложное, оно требует больших усилий, а главное — времени. К 1940 году был разработан, прошел испытания и запущен в серийное производство непревзойденный танк того времени Т-34, уже поднялись в воздух «ИЛы», «ЯКи» и «МИГи», поступали в войска новые орудия и артиллерийские системы. Но для полного оснащения армии новыми видами танков, самолетов и их практического освоения не хватило времени. Дело осложнялось и тем, что с переходом к выпуску новой техники промышленность резко сократила производство запасных частей к старым машинам. Поэтому элементарная поломка зачастую оборачивалась потерей танка или самолета, находящихся на вооружении.

Объяснялось все это просто: наша страна еще не была настолько богатой, чтобы быстро и полностью обеспечить армию всем необходимым.

В этом отношении фашистская армия обладала неоспоримым преимуществом. Она была полностью отмобилизована, на нее работала вся экономика Германии, уже давно переведенная на военные рельсы, а также экономика порабощенных стран Европы. В ее распоряжении оказалось огромное количество боевой техники армий оккупированных стран. К тому же немецко-фашистская армия уже вела военные действия в Европе и успела приобрести основательный боевой опыт... Мы понимали, что в случае нападения Германии нам нелегко будет отразить натиск. Драться придется в невероятно трудных условиях. Но были готовы к этому!

— И вот настал воскресный день 22 июня 1941 года... Прошло сорок лет, а очевидцы — и дети и взрослые — помнят его в мельчайших деталях. Я, например, до сих пор испытываю горечь оттого, что мать отменила поход в зоопарк, а отец, наскоро попрощавшись, улетел в свой полк. Пройдет еще сорок лет и еще сорок, а наши внуки и правнуки все равно будут вспоминать 22 июня 1941 года. И хотя об этом дне они будут знать лишь из книг и фильмов, он навсегда останется в истории страны как день величайшего горя и подвига. Иван Христофорович, а где 22 июня были вы?

— В дороге. За три дня до этого из Москвы поступила телеграмма Г. К. Жукова о том, что народный комиссар обороны приказал создать фронтовое управление и к 22 июня перебросить его в Тарнополь. Предписывалось сохранить это «в строжайшей тайне». Было еще светло, когда наша колонна пересекла людные городские кварталы и выбралась на житомирское шоссе. Рассвет застал нас неподалеку от Бродов. Здесь мы сделали очередную десятиминутную остановку. Возвратившись в голову колонны, я собирался уже подать сигнал «вперед», как вдруг в воздухе над Бродами послышался гул. Все подняли головы, вглядываясь в небо. Мы знали, что здесь у нас аэродром, на котором базируются истребители и штурмовики. Но вдруг послышались гулкие взрывы! За Бродами поднимались клубы дыма. Все замерли в тревожном ожидании. Обожгла мысль: «Неужели война?!» Последние сомнения покинули, когда мы увидели самолеты с черной свастикой на плоскостях. Три вражеских бомбардировщика оторвались от строя и ринулись на нас... С этого часа начался мой долгий путь военных испытаний.

Рассказывая о предвоенных годах, а в своей книге «Так начиналась война» и о первых, самых трудных 178 днях войны, я не старался приукрашивать события. Правда, как бы горька она ни была, всегда дороже самой приятной лжи. Опыт истории свидетельствует, что путь к победе тернист и с честью преодолевают его лишь те, кого окрыляют чувство патриотизма и благородство цели. Наше дело было правым, и мы победили! Причем победили, разгромив врага в его логове и, как мы тогда верили, уничтожив не только фашизм, но и эту человеконенавистническую диктатуру. Оказалось, нашлись силы, которые возродили идеи Гитлера, подновили их, подчистили и пустили гулять по миру. Казалось бы, один из главных постулатов Гитлера о превентивном нападении на Советский Союз опровергнут достаточно убедительно: даже из моего краткого рассказа видно, что Советский Союз никогда и никому не угрожал — по своей классовой природе он не был заинтересован в войне. Так вот, мало того, что некоторые западные идеологи и историки оправдывают нападение Гитлера на Советский Союз, они заявляют, что теперь «произошло чреватое драматическими последствиями изменение соотношения сил в пользу СССР» и если Запад нанесет первый удар, то это будет превентивный удар. Каково сказано?! Ведь если ставится вопрос о нанесении превентивного удара, значит, считается само собой разумеющейся возможность нападения Советского Союза. В этом вся суть, если хотите, весь фундамент политики капиталистических государств в отношении СССР. Но этот фундамент построен на песке.

— Но буржуазные идеологи утверждают, что с тех пор многое изменилось. В частности, говоря о «советском военном превосходстве» и «советской военной угрозе», они заявляют, что советская военная доктрина из оборонительной превратилась в наступательную.

— Еще одно голословное утверждение. А говоря проще, «утка», пущенная с целью соответствующим образом обработать мировое общественное мнение. Между тем глава нашей партии и государства Л. И. Брежнев, выступая в Берлине 6 октября 1979 года, сказал: «В наши намерения никогда не входило и не входит угрожать какому бы то ни было государству или группе государств. Наша стратегическая доктрина имеет сугубо оборонительную направленность».

Что касается пресловутого «первого удара», то и на этот вопрос Л. И. Брежнев дал исчерпывающий ответ: «...Советский Союз всегда был и остается убежденным противником концепций подобного рода.

Наши усилия на то и направлены, чтобы дело не дошло ни до первого, ни до второго ударов, чтобы вообще не было ядерной войны». Яснее о нашей миролюбивой внешней политике и военной доктрине не скажешь.

— Для чего же Западу потребовалось обвинять СССР в намерениях, которых Советский Союз не только не имеет, но которые не свойственны самой природе его общественного строя?

— Ответ может быть только один: чтобы оправдать свои собственные военные приготовления и военные доктрины, чтобы обмануть народы своих стран, заставить людей подтянуть ремешки, смириться с невиданными военными расходами и наращиванием всех видов вооруженных сил и вооружений. Еще в середине семидесятых годов многие задавали вопрос: перейдет ли военный бюджет США за стомиллиардный рубеж? Теперь этот вопрос звучит наивно: в проекте бюджета на 1982 финансовый год ассигнования на военные нужды далеко перешагнули двухсотмиллиардный рубеж! И при этом президент США Рейган, выступая в конгрессе с так называемой «программой оживления экономики», счел возможным без всяких на то оснований заявить, что Советский Союз за последние десять лет вложил в свои Вооруженные Силы на триста миллиардов долларов больше, чем США, в результате чего национальная безопасность США якобы «оказалась под угрозой». По таким подсчетам выходит, что СССР выделяет на Вооруженные Силы около восьмидесяти процентов всего государственного бюджета. Более абсурдного утверждения не может быть!

— Год назад другой американский президент — Картер — в интервью телекомпании «Си-Би-Эс» заявил: «С точки зрения военной мощи мы — лидеры. Однако и сам я и все мы отдаем себе отчет, что мы больше не занимаем доминирующего положения в том смысле, что не можем навязывать нашу волю другим».

— В этом все дело! Речь идет о ностальгии по ушедшим годам, когда США имели одностороннее ядерное превосходство. Ведь уже осенью 1945 года в США был составлен первый план нападения на СССР. По этому плану предусматривалась атомная бомбардировка двадцати советских городов. Но этого американским стратегам показалось мало. В соответствии с планами под кодовым названием «Чериотир» и «Флитвуд», составленными в 1948 году, в первый месяц войны предстояло сбросить 133 атомные бомбы на 70 советских городов. Руководители США зашли так далеко, что, опережая события, занялись разработкой политики в отношении «побежденного» Советского Союза. 18 августа 1948 года президент Трумэн подписал беспрецедентный документ — директиву Совету национальной безопасности № 20/1 «Цели США в отношении России». После капитуляции СССР, говорилось в этой директиве, США доставят в нашу страну различных антисоветских эмигрантов, которые и будут «править». Заранее определялась судьба тех, кто окажет сопротивление: физическое истребление, но руками не американских оккупантов, чтобы не «создавать местных мучеников», а с помощью тех самых «правителей».

— В сентябре 1949 года весь мир узнал: в СССР создано атомное оружие. Охладило ли это пыл американских генералов, изменило ли военно-политические доктрины?

— И да и нет. Первоначальная реакция Пентагона — немедленно нанести атомный удар по СССР. В большой спешке принимается план «Троян», по которому предусматривалось обрушить 300 атомных и десятки тысяч обычных бомб на сто советских городов. Начало войны — 1 января 1950 года. План решили проверить на штабных играх. Их итоги оказались столь удручающими, что от плана пришлось отказаться.

Но генералы на этом не успокоились: вскоре появился план коалиционной войны против СССР под кодовым названием «Дропшот». Предполагалось, что страны НАТО и ряд других государств Европы и Азии выставят против нашей страны 20 миллионов человек. О содержании этого нереального и коварного плана уже сообщалось в печати, поэтому нет необходимости рассказывать о нем подробно.

— Что же все-таки остановило американских вояк? Что не позволило осуществить эти варварские планы?

— Прежде всего возросшая мощь нашей страны. В 1953 году в СССР было создано термоядерное оружие, а к 1957 году межконтинентальные ракеты. Научно-технические достижения подтвердили то, что было добыто отвагой и кровью солдат Великой Отечественной войны, — равновесие в силах между миром капитализма и социализма. Это, разумеется, не положило конца военным приготовлениям Вашингтона: гонка вооружений продолжалась и продолжается по сей день.

— За последние годы в военно-политическом лексиконе появилось новое понятие — «паритет». В принципе это слово означает равноценность чего-либо, равенство сторон. В то же время бывший министр обороны США Лейрд говорил, что «паритет — это когда США в несколько раз сильнее партнера, когда они могут диктовать другим и защищать свои жизненные интересы всюду». О каком же равенстве может идти речь при таком истолковании понятия «паритет»?

— Увы, американские военные деятели и западные политики позволяют себе и не такое. Правда, когда это не требуется для прямой пропаганды военных приготовлений, паритет признают и на Западе. В феврале этого года госсекретарь США А. Хейг заявил: «Паритет сейчас существует. Однако СССР в будущем, к концу президентства Рейгана, может далеко обогнать США и поставить их в положение уязвимости». Характерно, что в те

же дни канцлер ФРГ Г. Шмидт говорил: «Я не утверждаю, что равновесие между Востоком и Западом в Европе нарушено, однако считаю, что русские намерены его нарушить».

Обратите внимание, оба государственных деятеля не отрицают имеющийся паритет и оба выражают опасение, что он якобы в будущем может быть нарушен в пользу СССР. Логика подсказывает, что при таких опасениях лучше всего было бы пресечь возможности дальнейшего изменения соотношения сил. Именно из этого исходил Советский Союз, ведя переговоры и подписывая документы об ограничении стратегических вооружений. Именно на это нацелены и наши мирные инициативы, выдвинутые XXVI съездом КПСС, в том числе о готовности продолжать без промедления соответствующие переговоры с США, с сохранением всего того положительного, что до сих пор было достигнуто в области стратегических вооружений, а также о моратории на размещение в Европе новых ракетно-ядерных средств средней дальности стран НАТО и СССР, включая, разумеется, ядерные средства передового базирования США... То, что с принятием этих предложений Запад не спешит, и дает ответ на вопрос, кто намерен нарушить сложившийся паритет, кто ставит цель изменить соотношение сил в свою пользу, для кого выгодна гонка вооружений.

И вот что еще важно иметь в виду: в военной области выразить паритет цифрами не всегда возможно. В связи с различием задач, которые ставятся государствами перед вооруженными силами, с особенностями экономики и научно-технических потенциалов, с разным географическим положением и природными условиями строительство вооруженных сил в каждой стране идет своими собственными путями. Поэтому даже при паритете может быть большая или меньшая асимметрия вооружений. Иначе говоря, нельзя судить о соотношении сил только по отдельно взятым видам или даже типам вооружений, по их количеству и качеству. К сожалению, на Западе к такого рода передержкам прибегают нередко. Знаменательно, что на XXVI съезде КПСС товарищ Л. И. Брежнев прямо сказал, что по одним видам оружия некоторое преимущество имеется у Запада, но по другим — у нас. В целом же «идет ли речь о стратегических ядерных вооружениях или о ядерном оружии средней дальности в Европе, в обоих случаях между сторонами существует примерное равенство».

Исходя из неукоснительных требований не нарушать это равенство, Советский Союз при проведении модернизации своих ракетно-ядерных средств в европейской части страны развертывает одну новую ракету взамен одной-двух старых, так что общее число носителей даже уменьшается. Наконец, нельзя не оценить по достоинству тот факт, что Советский Союз, руководствуясь исключительно миролюбивой политикой, в 1980 году в одностороннем порядке вывел из Центральной Европы тысячу танков и двадцать тысяч военнослужащих...

Иное наблюдается в действиях США. Сейчас американская администрация ведет переоценку своих военных программ. Планируется создание новых видов вооружений и форсирование работ по таким стратегическим системам, как система морского базирования «Трайдент», многозарядная мобильная ракета «М-Х», стратегические бомбардировщики, оснащенные крылатыми ракетами. Взяв курс на достижение военного превосходства, США и НАТО намерены сломать существующий ядерный баланс на европейском континенте, создав для себя дополнительный стратегический потенциал за счет развертывания здесь дополнительно около 600 американских ядерных ракет средней дальности. Дело зашло так далеко, что госсекретарь Хейг заявил о том, что «есть вещи поважнее, чем мир», звучат угрозы наказать Советский Союз за политические шаги, которые не устраивают руководителей Белого дома. Все это лишний раз говорит об авантюризме западных политиков, об агрессивности империализма. Больше того, США заставляют действовать по своим рецептам страны, которые следуют их политике. На Ближнем Востоке это Египет и Израиль, на азиатском континенте — Пакистан, в Африке — ЮАР, на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии — Китай и Япония. Мы хорошо помним, как в феврале 1979 года с негласного поощрения США во Вьетнам вторгся 600-тысячный экспедиционный корпус китайской армии с целью «наказать» свободолюбивый вьетнамский народ, который не хотел идти в русле пекинской политики.

«Наказать», «нанести превентивный удар», «спасти мир от большевистской угрозы»... Как стара и как знакома эта терминология! К ней всегда прибегали агрессоры, пытаясь оправдать свои неправые цели. Так было сорок лет назад, когда фашистская Германия напала на Советский Союз, так было совсем недавно, когда американский империализм развязал войну во Вьетнаме... Эти агрессии закончились сокрушительным поражением нападавших, а силы империализма никак не сделают правильного вывода из уроков истории. Что ж, раз так — нам надо держать порох сухим!

Я военный человек, прошедший путь от рядового до маршала. Я хорошо знаю, что такое война, что такое ратный труд, что такое советский солдат и что такое Вооруженные Силы Советского Союза. Тем, кто забыл об этом, кто рассчитывает поставить нас на колени, я со всей ответственностью хочу напомнить слова из песни моей молодости: «Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути».

На Красной площади сыновья и внуки участников войны.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

С. КАЛИНИЧЕВ
Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

Плакучие ивы... Зеленый луг, зеленый холм, подрезанный черной стеной лабрадорита. А на холме, освещаемые бликами Вечного огня, взметнулись в бронзе бессмертные образы погибших. Они в последний раз смотрят на вечное небо, родные леса и луга, на возрожденные из пепла Кортелесы. Днем и ночью, сегодня и завтра и во веки вечные — в последний раз.

Этот памятник — боль нашего сердца, нашей памяти, у которой нет срока давности.

...Ивану Сахарчуку было семь лет, когда хмурым осенним утром («Помню, картошку уже покопали, уже росы были холодные»,— рассказывает он) его разбудил тревожный голос матери: «Вставай, Иванку, одевайся». Он слез с печи, приник к окну и все понял. Возле их сарая в утреннем морозе маячила зловещая фигура часового. Чуть поодаль, на соседнем подворье, стоял другой часовой.

В свои семь лет Иванко уже не раз отсиживался с родителями в лесу по неделе, по две, голодал, спал в телеге, но до сих пор их семья уходила от облав. Сколько людей погибло, сколько хуторов выгорело дотла...

Мать торопливо одевала младших сестренок, следя взглядом и за его движениями. Когда он оделся, сказала: «Беги. Может, хоть ты останешься живой. Тато еще затемно погнал в лес лошадей, мог и успеть до оцепления». Иванко вышел в сени, едва дыша приоткрыл дверь, как тут же услыхал грозный окрик и увидел нацеленное на него дуло автомата. Вернулся в хату. Минут через двадцать снова выглянул — и снова часовой загнал его обратно.

На дворе уже посветлело, и они увидали в окно, как через двор к хате направляется немец. Не тот, что стоял в оцеплении,— другой. «Лезь под печь!» — приказала мать, а сама схватила еще спящего младшего братишку. На лавке стояли одетые сестры. И они — они тоже! — понимали происходящее. Едва Иванко нагнулся, как дверь растворилась, прижав его, согнувшегося, боком к печи. Подлезть под нее он не успел. Сапог фашиста стоял чудовищно близко от его глаз. Каратель постоял какое-то время, очевидно, обшаривая глазами тесную хату, потом нагнулся и скосил взгляд под печь. На свои сапоги он не взглянул. Потом выпрямился и длинной очередью расстрелял в упор мать с годовалым братишкой на руках и обеих сестер — трех и пяти лет.

И вышел. За окном проплыла его черная тень. А Иванко поднялся, долго, как замороженный, стоял перед залитыми кровью трупами матери, двух сестренок и брата, а потом выскочил из хаты. Даже не заметил сначала, что она уже горит. Моросил дождь, и дым серыми прядями ниспадал с соломенной крыши. Немец из оцепления бросился за ним, крикнул и едва не ухватил за ворот, но плотный дым поглотил Иванка. Он перескочил через дорогу, а там, на лугу, стояла некошеная трава. Она была выше него, потому что ему едва исполнилось семь и он был низкорослый. Он бежал и слышал, как ревет, набирая силу, огонь и как треск пожара сливается с выстрелами.

В то утро от хутора Попливцы, в котором было 22 усадьбы, не осталось ни жителей, ни строений. Это была лишь одна из целой цепи трагедий — гитлеровцы сожгли, уничтожили, сровняли с землей еще девятнадцать таких хуторов вокруг села Кортелесы.

Само село было уничтожено за год до трагедии в Попливцах — 23 сентября 1942 года.

Многолюдным, широко раскинувшимся среди лесов, полей и заболоченных лугов было село Кортелесы. В первые недели и месяцы войны здесь нашли приют около ста бойцов и командиров Красной Армии, оказавшихся во вражеском окружении. Сюда удалось прорваться и нескольким защитникам Брестской крепости. К ним тянулась сельская молодежь. И вскоре был создан партизанский отряд, который провел не одну боевую операцию. В этих местах Полесья действовали другие партизанские группы, отряды и соединения.

Взбешенные их активными действиями, гитлеровцы решили выместить свою злобу на мирных жителях, чтобы устрашить край. Они разработали зловещий план «Треугольник», целью которого было полное уничтожение белорусских сел Борки и Заболотье и украинского — Кортелесы. Уничтожению подлежало и все население хуторов, относящихся к селу.

Фашисты бросили в оцепление несколько воинских подразделений, чтобы ничто живое не выскользнуло. Палачи из спецбатальона сгоняли всех жителей на площадь перед церковью. Матери несли на руках детей, которые еще не научились ходить. Гитлеровцы заставляли класть больных и немощных на подводы и тоже везти в центр. А там группами отводили людей к ямам и расстреливали. Методически, одиночными выстрелами, чтобы никого не пропустить.

В Борках они уничтожили 705 человек, в Заболотье — 289, а в Кортелесах — 2875 душ, среди них только детей — 1620.

Некоторые эпизоды невозможно пересказать — сердце останавливается от боли. Ни хлевчика, ни даже собачьей будки не осталось на месте села. Убив всех жителей, выведя весь скот, вытащив из опустевших хат все, что было там ценного (для этого приходил специально снаряженный большой обоз), фашисты сожгли все остальное дотла.

Лишь немногим из жителей Кортелесов удалось спастись. Они жили в лесу, прятались на болотах, а к зиме рыли норы неподалеку от родных пепелищ. Но гитлеровцы еще приходили сюда, охотились за уцелевшими жителями, уничтожали окрестные хутора.

И все же Кортелесы возродились. Когда советские войска освободили эти места, из лесов и болот вышли несколько десятков изможденных людей, вернулись оставшиеся в живых фронтовики и партизаны, часть людей переселилась с дальних хуторов.

Сейчас, через тридцать шесть лет после окончания войны, в селе насчитывается 2868 жителей, а в сорок первом году их было больше четырех тысяч. Но что удивляться, если и вся Волынская область, которая в послевоенные годы в 31 раз увеличила уровень промышленного производства, до сих пор так и не восстановила довоенную численность населения.

Трагедия Кортелесов — одна из очень и очень многих, которые пережил этот край. И потому весь мемориальный комплекс, торжественно открытый здесь в год 35-летия Победы советского народа над фашистской Германией, стал памятником жертвам фашизма, которые понесла Волынская земля. И не только Волынская. Трагическую участь Кортелесов в годы фашистской оккупации разделили более 250 сел Украины.

Вечный огонь у нового памятника зажег член Политбюро ЦК КПСС, Первый секретарь ЦК Компартии Украины товарищ В. В. Щербицкий.

«Сегодня еще одним памятником павшим на нашей земле стало больше,— сказал он.— Украинское село Кортелесы своей страшной трагедией, болью невозвратимых потерь вошло в историю, вошло в бессмертие вместе с белорусской Хатынью, чешским Лидице, французским Орадуром.

...Пепел Кортелесов призывает нас к бдительности, ибо и сегодня еще бродят по миру палачи-душегубы, те, кого история ничему не научила, у кого не отбила желания к новым авантюрам.

Фашистское подразделение, уничтожившее Кортелесы, носило название «Нюрнберг». Какая это мрачная и красноречивая символика: «Нюрнберг» — карательная рота и город, в котором нашли бесславный конец гитлеровские заправилы».

Вместе с бронзовым памятником на высоком холме, выполненным скульпторами А. Олейником, М. Олейником и архитектором А. Корнеевым, неотделимой частью всего мемориального комплекса стали сегодняшние Кортелесы — благоустроенное современное село, с новым Домом культуры, восьмилетней школой и десятилеткой-интернатом, где живут и учатся дети с дальних хуторов, детсадом и амбулаторией, Домом быта и магазинами...

Преобразилось не только село, но и земля вокруг. Возросли урожаи в местном совхозе, расширились его поля за счет осушения болот. В будущей пятилетке, например, здесь на мелиорацию, на вовлечение новых земель в сельскохозяйственный оборот государство отпускает почти 5 миллионов рублей. Это позволит совхозу получить около четырех тысяч гектаров новых пахотных земель.

И все же главное богатство села — люди. Тех немногих, кто пережил трагедию фашистского «Треугольника», знает каждый. Часто своим отношением к труду, к жизни они становятся примером для других. Это Иван Викторович Сахарчук, Дарья Александровна Паливода, Степан Яковлевич Дордюк...

Председатель Кортелесского сельсовета Михаил Константинович Краглик рассказал о семье Трофимук, в которой так ярко проявилась неистребимая сила жизни.

— Наталья Ивановна и Андрей Павлович Трофимуки чудом спаслись в тот страшный день 23 августа. Им и позже пришлось пережить немало таких дней. Но уцелели, даже троих малолетних детей сберегли, перепрятываясь по лесам и болотам,— рассказывает председатель.— А всего они вырастили и воспитали тринадцать детей. И почти все, кроме двоих, остались жить и работать в родном селе, почти все имеют правительственные награды за труд... У каждого из детей уже и своя семья, почти у всех по трое — пятеро, а то и шестеро детей. Да что там... Старикам уже на правнуках можно со счету сбиться. И есть у всех фамильная черта — трудолюбивые, приветливые, подельчивые. С такими приятно в одном селе жить. Если торжество или кто-то женится из Трофимуков, то собирается вся родня — человек двести!

На шоссейной дороге Киев — Брест, уже совсем недалеко от границы с Белоруссией, стоит указатель. Здесь начинаются Кортелесы. Сворачивают сюда туристские автобусы, приезжают пионеры и школьники, везут цветы, отдавая дань непокоренным...

Плакучие ивы посажены недавно. Им еще расти и расти вверх — и все ниже ронять шелковистые косы к священной земле нашей Родины.

У могилы погибших * Вечный огонь.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: мемориал—негасимая боль и память * Обгоревший дуб-памятник * Рабочий — ветеран совхоза в Кортелесах Степан Яковлевич Дордюк — очевидец преступления.

БОЛЬ ПАМЯТИ

Семен ЦВИГУН

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Рисунки И. ПЧЕЛКО

УРАГАН

Ровно в 15.00 будильник зазвонил, фон Хорн проснулся, потянулся в кресле, встал, подошел в угол к туалетному столику, освежил лицо специально приготовленным лосьоном, протер белоснежным платком глаза, надел очки. Внимательно взглянув на висевшую на стене топографическую карту, отыскал на ней Гнилое озеро, смерил линейкой расстояние от него до линии фронта, сел за стол, нажал на кнопку. Когда в дверях появился адъютант, Хорн сказал:

— Гейдрих! Пожалуйста, пригласите сегодня ко мне на 17.00 бригаденфюрера Отто Кранца.

— Будет исполнено, господин командующий,—ответил адъютант и скрылся за дверью.

Фон Хорн вынул из объемистого желтого кожаного портфеля присланные ему из абвера разведсводки о дислокации войск Красной Армии на Западном фронте, стал их читать, делая пометки черным карандашом на оперативной карте. За этой работой его и застал прибывший к нему бригаденфюрер Кранц. Увидев командующего, он вытянулся в струнку и, мгновенно выбросив правую руку вверх, воскликнул: «Хайль Гитлер!»

— Хайль! — спокойно отозвался фон Хорн. Подойдя вплотную к бригаденфюреру Кранцу, он поздоровался с ним за руку и, вглядываясь ему в глаза, тихо проговорил:

— Отто, я вас не видел целую вечность. Что у вас нового? Какая обстановка в моих тылах?

Отто переступил с ноги на ногу, ответил:

— Господин командующий! Прошла всего лишь одна неделя, как я не виделся с вами, и то не по своей вине, вы были слишком заняты наведением порядка на левом фланге армии, я не смел вас в это время беспокоить.

Фон Хорн побледнел:

— В моей армии везде царит порядок, левый фланг полностью восстановлен, но вы, бригаденфюрер, как кадровый военный, должны понимать, что война не всегда приносит победы, иногда приходится получать и сдачи, испытывать горечь потерь и временных поражений. К большому сожалению, такое случилось с моим левым флангом. Генерал Виноградов сумел втайне провести перегруппировку своих войск, подтянуть резервы и внезапно нанести контрудар по моим войскам. Кстати, ему оказали в этом значительную помощь разведчики майора Млынского.

В поражении наших войск на левом фланге виноваты не только командиры некоторых моих дивизий, но в первую очередь абвер и ваша служба, милейший Отто, которые не сумели вовремя разгадать замыслы русского командования.

— Господин командующий! С абвера я вины не снимаю, зафронтовая агентурная разведка — это их кусок хлеба, их компетенция, а мы при чем? Мы разведкой не занимаемся. Задача вверенной мне службы — искоренять коммунистические элементы на оккупированной нами территории, в полосе наступления вашей армии, короче говоря, укреплять ваши тылы.

— А то, что из моего тыла по левому флангу ударили отряд Млынского и партизаны, в этом кто виноват?

Густая краска залила лицо Отто Кранца. Волнуясь, он дрожащим голосом проговорил:

— Разрешите закурить?

— Курите,— ответил фон Хорн и сам потянулся за сигарой.

Кранц, выпуская дым, начал оправдываться:

— Господин командующий! Отряд Млынского действительно причинил нам много неприятностей. Если бы мы сразу бросили на его ликвидацию серьезные силы, думаю, что мы бы уже забыли о нем. Но вы отлично знаете, что моя служба такими возможностями не располагает.

Фон Хорн строго посмотрел на Кранца, спросил:

— Где сейчас отряд Млынского?

Отто подумал и не спеша ответил:

— По имеющимся у нас данным, к нашему счастью, он прорвался через линию фронта на Большую землю и соединился с Красной Армией.

Фон Хорн облегченно вздохнул, пригласил Кранца сесть к столу, вызвал адъютанта, сказал:

— Гейдрих, передайте, чтобы нам подали кофе.

— Сию минуту,— ответил Гейдрих и вышел из кабинета.

Не прошло и десяти минут, как в комнату вошел толстый, с огненно-рыжими волосами, веснушчатый денщик Вилли. Он поставил на стол рюмки с французским коньяком, чашечки с черным кофе, положил сигареты и вышел. Фон Хорн присел напротив Кранца, поднял рюмку, тихо сказал:

— Ну, Отто! За нашу победу в великой битве за Москву. Скоро, надеюсь, очень скоро, мы по-настоящему отпразднуем ее в поверженной Москве.

— Дай бог, отозвался Кранц и, глотнув коньяку, принялся за кофе.

Фон Хорн, несколько повеселев, начал рассуждать:

— Каждый командующий армией заинтересован в том, чтобы его дивизии первыми ворвались в Москву. Я, конечно, не исключение и буду принимать все зависящие от меня меры, чтобы эта честь выпала именно моим войскам. Но для этого, Отто, ваша служба должна укрепить мои тылы. Я надеюсь, что новые Млынские больше не появятся на наших коммуникациях.

— Господин командующий! Мои люди делают все, что в их силах, и даже больше, для выполнения приказа нашего великого фюрера и ваших указаний. Они почему-то все уверены, что в этой великой битве пальма первенства будет принадлежать вам.

Улыбка озарила лицо генерала фон Хорна, он воскликнул:

— Это будет самый счастливый день в моей жизни. Да поможет нам бог!

Потягивая коньяк, генерал задумался.

— Но битва эта будет тяжелой,— медленно произнес он,— мы недосчитаемся многих наших соотечественников. За Москву придется заплатить немалую цену. Уже и сейчас все идет не так гладко, как мы планировали. К тому же зима крепко дает о себе знать. Солдаты мерзнут, теплое обмундирование не поступает, ощущается недостаток резервов и горючего. Откровенно говоря, я сильно этим озабочен, докладывал командующему группой армий «Центр» генерал-фельдмаршалу фон Боку. И, хотя он говорит, что принимает все меры, я-то знаю, что не все зависит от него.

— Нам во что бы то ни стало Москву нужно взять до наступления знаменитых русских рождественских морозов,— отозвался Отто Кранц.

— Да, мы должны преподнести великому фюреру этот новогодний подарок. И все же, Отто, что делает противник в моем тылу? Что-то вы от меня утаиваете.

Отто вздрогнул, поставил чашечку с недопитым кофе на блюдце, отодвинул ее от себя, раскрыл папку, стал докладывать:

— Обстановка в полосе наступления вверенной вам армии за истекшую неделю была относительно спокойной. Но партизаны, преимущественно в лесистой местности, пустили под откос два эшелона с боевой техникой и войсками и сожгли один эшелон с горючим.

Фон Хорн поморщился.

Кранц не обратил на это внимания:

— Из строя выведены 345 солдат и 25 офицеров. В ответ на это мы сожгли пять сел и расстреляли около тысячи заложников, преимущественно из местного населения. В районе Гнилого озера радиоконтрразведывательная служба уже третьи сутки по ночам фиксирует работу неизвестной радиостанции. Судя по почерку ее работы, можно предполагать, что там действует русская агентура или дислоцируется партизанский отряд.

Фон Хорн нахмурил брови, встал, подошел к висевшей оперативной карте.

— Господин Кранц, взгляните на карту: в пятидесяти — семидесяти километрах от Гнилого озера дислоцируются важные аэродромы 2-го воздушного флота генерал-фельдмаршала Кессельринга. Если там действует агентура противника, то она легко может навести русские самолеты на наши воздушные базы, и те разнесут их в клочья.

— Господин командующий, мы за ее работой внимательно следим и делаем все возможное, чтобы в деталях во всем этом разобраться.

— Вы слишком долго возитесь с этим, нужно действовать смело и решительно; кстати, мне сегодня звонил генерал-фельдмаршал Кессельринг. Он просил меня организовать в этом районе поиск выбросившихся на парашютах из сбитого самолета двух его летчиков. Один из них обладает особо важными секретами. Думаю, что медлить с этим тоже нельзя. Возьмите роту парашютистов, выбросьте ее прямо на берегу Гнилого озера, пусть тщательно прочешут указанный район и ликвидируют это осиное гнездо под боком у наших баз, иначе они наделают нам много бед.

— А если наши парашютисты напорются на большой партизанский отряд? Тогда мы напрасно потеряем много солдат,— несмело возразил бригаденфюрер.

Фон Хорн задумался, заложил руки за спину, прошелся по комнате, потом, повернувшись к Кранцу, строго сказал:

— Вы, бригаденфюрер, отвечаете за безопасность тылов вверенной мне армии. Накануне генерального наступления на Москву я не могу позволить, чтобы в моих тылах действовала русская агентура и партизанские отряды. Потрудитесь ликвидировать их до на-

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 21—24.

Из пепла выросло новое село * Фрагмент мемориала * Окрестные места.

чала наступления. Как вы это будете делать — ваше дело. Если вам потребуется моя помощь войсками, я готов ее оказать, конечно, в разумных пределах. Но, чтобы действовать наверняка, советую сначала провести воздушную разведку не только в районе Гнилого озера, но и в прилегающих к нему обширных лесных массивах. Генерал-фельдмаршал Кессельринг для этой цели выделит вам несколько самолетов, я с ним договорюсь.

— Господин командующий! Я благодарен вам за разумные советы, но с самолетами давайте пока повременим. Я боюсь, что этим мероприятием мы спугнем русскую агентуру, и она уйдет с насиженного места. Может, лучше провести разведку с помощью наших негласных возможностей? Установим точное место нахождения русской радиостанции, численный состав разведгруппы, а потом выбросим парашютистов, окружим базу и возьмем всех тепленькими.

— Делайте, как хотите. Я вам это уже сказал. Я заинтересован в одном: чтобы действующая в моих тылах агентура противника была обезврежена как можно быстрее,— с раздражением закончил генерал фон Хорн.

— Вас понял, господин командующий! Разрешите вернуться к себе и приступить к подготовке операции?

— Желаю удачи! И, пожалуйста, своевременно информируйте о результатах операции.

— Слушаюсь, господин командующий! — Отто Кранц быстро поднялся с кресла, взял лежавшую на столе папку и, стукнув каблуками и выбросив руку вверх, со словами «Хайль Гитлер» вышел.

Как только Отто Кранц вернулся к себе в кабинет, к нему заглянул его заместитель штандартенфюрер СС Вейдеман. Помаргивая белесыми ресницами, резко выделявшимися на красном лице, он как-то виновато топтался у дверей.

— Что случилось, Альфред?

— Только что сообщили из штаба 2-го воздушного флота, что сегодня ночью партизаны напали на их аэродром, который дислоцируется в семидесяти километрах западнее Гнилого озера. На аэродроме уничтожены 23 «мессершмитта», 10 «хейнкелей», взорвано бензохранилище, убито и ранено 78 летчиков и техников. Генерал-фельдмаршал Кессельринг взбешен, он уже доложил в Берлин, представляете себе, какие теперь последуют неприятности?

— При чем здесь мы? За безопасность тылов второго воздушного флота отвечает служба «СД», возглавляемая бригаденфюрером Браверманом.

— Это верно, но нам уже поступило указание начальника службы «СД» группы армий «Центр» группенфюрера Шредера срочно оказать помощь Браверману в розыске и уничтожении партизан, действующих вблизи аэродромов.— Вейдеман вынул из коричневой папки телеграмму и положил перед Кранцем. Тот прочитал ее, поморщился, взглянув на Вейдемана, спросил:

— Альфред! Как вы себя чувствуете?

— Превосходно,— вытягиваясь в струнку, выпалил штандартенфюрер.

— Вот и отлично. Оперативная обстановка в районе Гнилого озера вам хорошо известна, теперь мы с вами узнали, что в примыкающих к нему лесах также активно действуют партизаны. Я получил указания от фон Хорна в ближайшее время прочесать эти места и уничтожить бандитов. Учитывая важность предстоящей операции, я поручаю общее руководство ею возглавить лично вам.

Вейдеман нерешительно переступил с ноги на ногу.

— Почему именно мне? Вы хорошо знаете, что я очень загружен другими делами.

— Я убежден, что именно вы отлично справитесь с этой операцией.

— Бригаденфюрер! Спасибо за доверие, я оправдаю ваши надежды, но мне потребуются войска.

— Вы их получите, хотя и в небольшом количестве, фон Хорн обещал помочь. Прочесывайте только те места, где находятся партизанские базы или скрывается русская агентура. Для того, чтобы заранее выявить эти места, вам нужно шире использовать наш негласный аппарат и местную полицию.

— Я полностью с вами согласен, но меня будет лимитировать время.

— Да, Альфред, времени у нас в обрез. Операцию нужно тщательно подготовить и осуществить в течение недели.

— Бригаденфюрер, я никак не уложусь в это время, операция слишком серьезна. Нужна большая и кропотливая подготовительная работа.

— Вы хорошо понимаете, штандартенфюрер, что нам грозит, если мы затянем это дело. А неприятностей у нас и без того хватает. Поэтому не будем терять времени. Свои срочные дела передайте оберштурмбанфюреру Мольтке, остальные отложите и приступайте к разработке плана операции. Как только он будет готов, немедленно доложите мне,— закончил Отто Кранц.

— Слушаюсь,— ответил Вейдеман и вышел из кабинета.

В НОГИНСКЕ

Через три часа после окончания совещания у командарма генерал-лейтенанта Виноградова майора Млынского вызвал к себе начальник штаба армии генерал-майор Ермолаев.

— Ну, Иван Петрович! Ваши люди после трудов праведных получают заслуженный отдых.

— Что, уже есть приказ?

— Да, только что поступил.— Ермолаев подошел к сейфу и вынул оттуда телеграмму.

Срочная

Командующему армией
генерал-лейтенанту тов. Виноградову
Члену Военного Совета
генерал-майору тов. Голубю.

Прорвавшийся из тыла немецко-фашистских войск отряд под командованием майора Млынского срочно передислоцируйте в город Ногинск. В течение двух недель переформируйте его в полк особого назначения, пополните за счет пограничников и добровольцев — бывалых фронтовиков, вооружите по нормам десантных стрелковых частей. Отличившихся в боях представьте к правительственным наградам, командиров — к очередным воинским званиям. Об исполнении доложите в штаб фронта.

Жуков.

Закончив читать, генерал Ермолаев проговорил:

— Вам все ясно, Иван Петрович?

— Ясно, да не совсем. Когда и на чем прикажете ехать?

— Завтра в пять утра к вам подойдет вторая авторота, которая доставит ваших людей прямо на место.

— У нас много раненых, в машинах их будет везти тяжело.

— Раненых и больных сдайте в ближайший госпиталь, зачем их везти с собой?

— Но они в один голос просятся не оставлять их, боятся, что после выздоровления в свой родной отряд не попадут. Да и мне, откровенно говоря, было бы жаль с ними расставаться — очень уж боевые, надежные товарищи. Сроднился я с ними.

— И тем не менее, Иван Петрович, медицинская помощь им нужна. Отправьте их в Подольск, в госпиталь, расположенный в клубе завода имени Калинина. Начальником там работает старший брат мой, Сергей, горвоенкомом недавно после ранения стал бывший командир нашей дивизии полковник Охрименко, я с ними договорюсь, чтобы после выздоровления всех ваших людей вернули к вам в отряд.

Млынский улыбнулся:

— Ну, если вы, Михаил Степанович, даете слово, тогда согласен. Только раненых все же лучше отправить поездом: в машинах холодно и растрясет.

— А в тылу противника теплее было?

— Бывало очень даже жарко!

— Не замерзнут, машины новые, только что с завода, крытые брезентом, кузова отапливаются маленькими «буржуйками».

— Ладно. Тогда спасибо вам, Михаил Степанович, за заботу.

— Я тут ни при чем, так распорядился командарм Виноградов.

— Передайте ему сердечную благодарность от всего личного состава нашего отряда за хорошую встречу и заботу о нас.

— Непременно,— отозвался Ермолаев.— Ваш отряд вместе с партизанами своими решительными действиями на коммуникациях армии генерала фон Хорна наносил ей значительный урон и этим в какой-то степени облегчал наше положение. Добываемые вами в глубоком тылу противника исключительно ценные разведданные отличались точностью. Мы всегда учитывали их при планировании и ведении боевых операций нашей армией. Командарму и мне понравились ваши красноармейцы и командиры, настоящие бывалые солдаты. Как обживетесь на новом месте,— напишите, не хотелось бы терять с вами связь.

— Вам обязательно напишу, Михаил Степанович, хотя письма сочинять не мастак.— И озабоченно спросил: — А как быть с Наташей? Я говорил с ней, просил, чтоб она навестила мать с братишкой, эвакуированных в Челябинск. Она сначала загорелась, но потом сказала, что не может уехать от раненого мужа — Семена Бондаренко. Мы сегодня вечером хотим его отправить в Москву на лечение, в Центральный госпиталь. Может, с ним и Наташу отправить?

— Поступайте с моими детьми так, как со всеми,— строго сказал Ермолаев.— Они теперь солдаты.

— Понял вас, Михаил Степанович,— ответил Млынский. В это время в кабинет вошел дежурный по штабу.

— Товарищ генерал-майор! Командарм генерал-лейтенант Виноградов просит вас срочно приехать к нему на командный пункт.

— Передайте, что выезжаю немедленно.

— Есть передать,— проговорил дежурный и, стукнув каблуками, скрылся за дверью.

Ермолаев стал собирать разложенные на столе бумаги. Положил их в походный сейф, наложил на дверцу мастику, поставил печать и вместе с Млынским вышел из штаба.

У подъезда Ермолаев сказал:

— Иван Петрович, если понадоблюсь, ищи меня на КП,— и сел в стоявший под сосной «газик».

Млынский, вернувшись к себе, скинул полушубок, снял поясной ремень, расстегнул ворот гимнастерки, включил маленький будильник, лег на топчан и тут же уснул. Часы разбудили его через тридцать пять минут. Млынский быстро поднялся, привел себя в порядок и пригласил комиссара отряда капитана Алиева.

— Гасан Алиевич! У нас новости.— Млынский пожал комиссару руку.— По приказу командующего фронтом генерала армии Жукова наш отряд должен передислоцироваться в Ногинск, там отдохнем, переформируемся, получше вооружимся и снова в бой. Садись-ка, давай поглядим, какой маршрут определил нам штаб армии.

Комиссар сел за стол. Лицо его не выражало радости.

— Гасан Алиевич, что-нибудь случилось в отряде? На тебе лица нет.

— В отряде все в порядке. Да как-то стыдно отходить в тыл, когда фашисты на всех фронтах наступают.

— Э, брат, хоть ты и комиссар, а мыслишь неточно. Люди наши измотаны, многие ранены, простужены, влившиеся в отряд партизаны одеты не по форме, вооружены наполовину, да и то трофейным оружием. За две недели они отдохнут, подлечатся, а мы с тобой переформируем отряд в полк особого назначения и еще сильнее будем бить фашистов. Война-то, по всему видно, не один год продлится, так что еще навоюемся по горло.

— Товарищ майор, все это так, но стыдно, поймите, стыдно сейчас уезжать в тыл.

— Ну, в конце концов ты человек военный и понимаешь, что приказы вышестоящих командиров не обсуждают, а исполняют. Одни части Красной Армии сейчас воюют на фронтах, другие движутся к фронту, чтоб сменить их, третьи находятся в резерве, а четвертые только формируются — таков закон войны. Генштаб все планирует и с учетом складывающейся оперативной и боевой обстановки на том или ином фронте подбрасывает резервы, наращивает силы, а когда нужно, вво-

дит их в бой. Так будет и с нашим полком, думаю, что мы долго не засидимся.

— Возможно,— отозвался Алиев и, закурив папиросу, склонился над картой, разложенной Млынским на столе.

Млынский, делая на карте красным карандашом пометки, сказал:

— Основной нашей колонне, как предписано штабом армии, нужно двигаться в обход Москвы по маршруту: Пушкино — Щелково — Ногинск. Думаю, что это наиболее удачный маршрут.

— Я согласен. Раненых тоже берем с собой?

— Нет, я обсудил это с генералом Ермолаевым, если не возражаешь, мы отправим их отдельной колонной в Подольск, в госпиталь. До Щелкова обе колонны будут двигаться вместе — так надежнее, а из Щелкова раненых отправим по маршруту: Балашиха — Люберцы — Домодедово — Подольск.

Важно договориться, чтобы раненых после выздоровления вернули в отряд,— забеспокоился Алиев.

— Ермолаев это обещал, а как уж получится на самом деле — трудно предположить. Все зависит от того, сколько времени их будут лечить и как долго мы задержимся в Ногинске. Должно быть, те, у кого тяжелые ранения, вернуться к нам не успеют. А кого-то и вовсе спишут по чистой. Поживем — увидим. Подольск от Ногинска недалеко, будем их навещать. Давай теперь подумаем, кого назначить начальниками колонн.

— У нас с вами, Иван Петрович, увы, выбор небольшой. Из тех, кто остался в живых, рекомендую старшего лейтенанта Хвата — на основную колонну, а колонну с ранеными пусть ведет мичман Вакуленчук.

Млынский прошелся по комнате, подумал.

— Согласен, Гасан Алиевич. Вызови их и подробно проинструктируй. Обрати их внимание на то, что машины должны идти с интервалом не более 40—50 метров друг от друга. В пути и на стоянках обеспечить надежную охрану колонн. Раненых до Подольска пусть сопровождают медсестра Зина и радистка Наташа. После того, как сдадут больных в госпиталь, они вместе с Вакуленчуком и охраной должны вернуться в отряд.

— Может, раненого лейтенанта Бондаренко в сопровождении Наташи отправить на лечение в Москву?

— Нет, генерал Ермолаев дал указание не делать для его детей никаких исключений.

— Коли так, то не возражаю, пойду проинструктирую командиров, пусть готовят людей в дорогу,— ответил Алиев и, одевшись, вышел во двор.

На поселок спустилась ночь, сквозь густой мокрый снег сильный западный ветер доносил глухие раскаты далекого боя.

Млынский, оставшись один, прошел на узел связи, снял трубку, покрутил ручку и услыхал голос: «Я — Днепр», «Я — Днепр».

— Вызовите «Волгу».

— Соединяю,— простуженно прохрипели в трубке. В то же мгновение Млынский услышал знакомый, четкий голос:

— Оперативный дежурный по штабу армии майор Загоруйко вас слушает.

— Товарищ Загоруйко, с вами говорит майор Млынский, соедините с генерал-майором Ермолаевым.

— К сожалению, не могу выполнить вашу просьбу, генерал Ермолаев находится на КП, исполняет обязанности командующего армией.

— А где командарм генерал-лейтенант Виноградов?

— Тяжело ранен во время воздушного налета, санитарным самолетом отправлен в Москву. Может быть, я чем-нибудь смогу вам помочь?— несмело спросил Загоруйко.

— Я хотел уточнить: выделенная в наше распоряжение авторота уже получила приказ?

— Так точно, получила, машины все подготовлены, ровно в пять 00 часов они будут поданы вам под погрузку. Иван Петрович, не беспокойтесь, я проконтролирую.

— Спасибо, товарищ майор.— Млынский положил трубку. Надев полушубок и шапку, он вышел во двор и направился к бывшему зерновому складу, где размещались раненые. Его встретила расстроенная Зина. В просторных помещениях, где лежали больные, стоял шумок, в котором нетрудно было услышать крепкое русское словцо. Зина доложила, что большинство раненых волнуется, почему их не берут с отрядом, а отправляют в госпиталь. Млынский вошел в «палату». Раненые притихли. Несмотря на обширное помещение, воздух здесь стоял тяжелый, пахло лекарствами, кровью, несвежими бинтами и чем-то неуловимым, что всегда сопровождает большое скопление больных.

— Дорогие товарищи, мы отправляем вас в госпиталь, чтобы вы могли поскорее вернуться в отряд. Разве это не ясно?— сказал Млынский.— И будем вас навещать.

— А в маршевые роты нас оттуда не загонят?— раздался бойкий голос. Млынский узнал старшину разведроты Еремеева.

— Все зависит от вас. Если не будете слушаться врачей, плохо лечиться, закладывать за воротник, нарушать дисциплину, то вы можете не попасть и в маршевую роту.— Раненые дружно засмеялись.— А будет все в порядке — скоро встретимся и воевать будем вместе...

Продолжение следует.

К. БАРЫКИН

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

Ударила по июню война, сломала лето. Неубранными стояли хлеба в прифронтовых районах. А хлеб был нужен даже больше прежнего. Но это уже был военной поры хлеб. Таким он и оставался — с июня 1941-го по май 1945-го, до Дня Победы...

Не случайно именно в мае собрались в Москве хлебопеки той поры. На встречу, организованную Министерством пищевой промышленности СССР вместе с редакцией журнала «Огонек», пришли московские ветераны-хлебопеки, приехали пекари блокадного Ленинграда, индустриальных центров — Челябинска, Нижнего Тагила, Свердловска. Собрались те, кто создавал походное армейское хлебопечение, собрались ученые, конструкторы, организаторы хлебной промышленности.

Здесь присутствуют те, кто причастен самому трудному и самому святому хлебу — хлебу военной поры,— сказал министр пищевой промышленности страны Вольдемар Петрович Леин.— Почетна работа людей, создающих хлеб. Вдвойне почетен труд тех, кто пек хлеб в блокадном Ленинграде, кто давал его армии, кто в годы войны кормил хлебом челябинцев, свердловчан, москвичей; словом, всех, кто был на фронте и в тылу.

...Москва в ту пору ежесуточно пекла точно выверенные тонны хлеба. Везли его с заводов в булочные, в магазины. Вечером, а то и за полночь подходили к заводским воротам автомашины. Подъедет к экспедиции автомобиль с притушенными фарами, загрузят его полной нормой, и уходит машина в ночь. Уходит на фронт — ломаная его линия одно время проходила в десятках километров от столицы. «С завода мы тогда вовсе не уходили,— вспоминает Валентина Гавриловна Галицина, бригадир хлебозавода № 11, на котором и происходит сегодняшняя встреча.— Испечет хлеб, на сани его или на телегу — и в магазины. Укрывали поплотнее: и чтобы не очень простыл и от дурного глаза. Ведь не каждый мог сдержать себя, когда видел хлеб... Отвезут хлеб, а обратным рейсом, глядишь, дровишек подкинут. Но чаще мы сами за топливом отправлялись...

После смены — в подшефный госпиталь или подсобное хозяйство. Трудно жили, но правильно! Все совестью выверялось. Главное, отдать побольше фронту, общей нашей победе. Оглянусь я на ту пору, иногда даже завидую той себе. Все как одна семья, у всех одна забота. Выстоять, помочь, сделать все, что надо. Два раза завод получал знамя Государственного Комитета Обороны— значит, правильно работали».

Стоит неподалеку от Останкинской телебашни бывший 11-й завод, ныне экспериментальный кондитерско-булочный комбинат «Звездный» — одно из лучших в Дзержинском районе столицы предприятий. Делают на комбинате редкой вкусноты фирменные торты, пекут батоны, ситный, сухари готовят. Не те военные, черные, а деликатесные. Стоит завод-ветеран. Прикрепить бы на его стену памятную доску: **«Здесь пекли хлеб в военную пору».**

И не только 11-му такой бы знак. В первую очередь ленинградским хлебозаводам... Сегодня из Ленинграда приехали три пекаря — Лидия Ивановна Винокурова, Домна Федоровна Густова и Мария Ивановна Горшкова. Одна ныне мастер-пекарь в Петроградском районе, вторая работает на хлебозаводе «Красная Заря», а Мария Ивановна — как и прежде, на хлебозаводе Московского района.

Дни и ночи, без выходных — какие выходные на войне? — трудились они, выпекая скудный блокадный хлеб. Чтобы кормил он людей, чтобы спасал от голода, в который был ввергнут целый город. В записках английского публициста Александра Верта есть страницы, посвященные ленинградскому блокадному хлебу. Верт удивлялся поведению ленинградцев, их мужеству и благородству. Верт никак не может понять, откуда это у голодных людей; он поражен тем, что в блокадном, голодном городе не было случаев воровства хлеба.

— От голода мы с ног валились, но никогда мысли такой не появлялось — чтобы съесть лишнюю, не свою корку хлеба...— Лидия Ивановна Винокурова говорит, снова и снова переживая те дни. Не первый раз делится своими воспоминаниями, можно бы, казалось, привыкнуть. Но ком подступает к горлу. Таясь, словно стыдясь слез, украдкой подносят платки к глазам и Мария Ивановна Горшкова и Домна Федоровна Густова. Накатилось что-то из блокадного Ленинграда, захлестнуло, замер зал.

— Такой вот хлеб пекли,— говорит Горшкова, протягивая небольшой, вроде бы и не черный, какого-то не хлебного цвета ломоть.— Норма на день — сто двадцать пять граммов. Ехали мы сюда, испекли по блокадной рецептуре две буханки специально для этой встречи, чтобы попробовали вы...

Не только скуден, но и горек блокадный хлеб. Ржаная обойная мука, жмых, отруби, пищевая целлюлоза, обойная пыль, овсяная мука и рисовая лузга. «В ноябре дистрофия и холод угнали в могилы 11 085 человек,— напишет позже в своих воспоминаниях бывший в ту пору уполномоченным ГКО по снабжению войск Ленинградского фронта и населения Ленинграда продовольствием Д. В. Павлов.— За восемь дней удалось завезти всего 800 тонн муки, или меньше двухдневного расхода». Муки оставалось все меньше...

— Жили, работали, носили из проруби воду для теста, от печей почти не отходили: и до дому добираться нелегко, да и теплее около них.— Домна Федоровна Густова работала на заводе, который был в прифронтовой зоне. Случалось, отключали электроэнергию, а хлеб уже стоял в печи. Через полчаса обуглится, пропадет. Тогда женщины крутили вручную конвейер печи.— Вся одежда просолилась от такой работы. Да кто на это внимание обращал? Главное, чтобы хлеб испечь.

А однажды на заводе под вовсе заклинило. Ни туда, ни обратно. «Пропал хлеб». И тогда инженер Николай Антонович Лобода ломом взломал кирпичную стенку печи, натянул второй ватник и ушанку — и шагнул в огонь. Обгорел, но хлеб спасли...

— Говорите, горьковат хлеб? Да не было ничего слаще и желаннее, чем кусочек такого хлеба.

Трудно, непомерно трудно работали блокадные пекари. В лаборатории Ленинградского треста хлебопечения группа ученых под руководством директора лаборатории П. М. Плотникова искала заменители хлеба, на заводах перетряхивали каждый мешок, выбивая из него все мучные пылинки; и каждое утро из ворот выезжали саночки или тележка — везли хлеб в булочную.

— Надо нам знать о блокадном хлебе. Знать и помнить. И о том, как голодные ленинградские девушки возили на себе воду из проруби, как работали по двенадцать—четырнадцать часов под вражеским обстрелом, как разбирали на дрова разрушенные дома. Как свято относились к каждому кусочку хлеба...

Вольдемар Петрович Леин говорит и о том, как переезжали в глубь страны оборонные заводы, шли эшелоны с оборудованием и людьми. И небольшие еще вчера города сразу выросли. И всех надо было накормить — прежде всего хлебом.

Немало забот легло на плечи тыловых хлебопеков.

— Работала я в Кусинском хлебопекарном объединении — это горнозаводская зона Челябинской области.— Анна Ивановна Никифорова начинает свой рассказ неторопливо, обстоятельно.— Вызвали однажды в трест, сказали: получайте особое задание. Ржаная мука поступала к нам с большими перебоями, и надо было быстро научиться печь из овсянки. Норовистая это мука, для печенья, может, она хороша, а хлеб из нее попробуй приготовь... Растекается тесто, не пригодна для него обычная хлебная форма. Думали-кумекали, переделали все формовое хозяйство на низкие противни. Возьмешь, бывало, лист железа, молотками на рельсах загнешь края — вот и форма готова. Руки у всех изнывали от боли. Чтобы забыться, затянешь фронтовую песню, и все вроде по-другому. А как радовались, когда пришло известие: «Выполнение задания в срок обеспечило бесперебойное снабжение хлебом рабочих оборонных заводов, госпиталей, детей и население городов».

— Училась в школе фабрично-заводского ученичества при челябинском тресте «Росглавхлеб», а тут — война. Я заплакала, но еще не понимала, что это за горе такое — война. Мы досрочно сдали экзамены — и на производство. Катишь дежу, в ней шестьсот килограммов, думаешь, вот еще шаг — упаду. Ничего, довозили. Делили тесто вручную, все делали этими вот руками.— Технолог первого хлебокомбината Челябинска Анна Ивановна Невзорова показывает ладони.— Муку тоже возили сами, на вагонетке, от мельзавода — к нам. А когда приходил вагон муки — была не мука, а мука. Разгружать-то надо тоже самим... Отработаешь смену — и к вагону. А он такой большой, что приступиться боязно. Но правду говорят: глаза страшат, а руки делают.

Блокадные 125-граммовые пайки и сегодняшний щедрый каравай.

Всяко случалось, но никогда никто никого не подводил. Бывало, отработаешь смену, а подменить некому, то ли заболела сменщица, то ли еще что непредвиденное. Не было, чтобы бросили рабочее место: найдут замену — хорошо, не найдут — сами оставались.

В смену мы пекли 40—42 тонны ржаного формового хлеба, весовой он назывался. И еще дополнительно вырабатывали армейский сухарь — уж как мы его пестовали, как хотели, чтобы повкусней был да посытнее. Было у нас правило: в мешок с сухарями вкладывали записочку — на фронт. Однажды вызывают меня в дирекцию, говорят: вот письмо с фронта. «Мы тут с парткомом посоветовались, решили тебе вручить — для ответа». Читаю адрес, а на нем: на хлебозавод, лучшему патриоту. Да на-

Встреча сама собой переходит в беседу рабочих-пекарей с руководителями министерства.

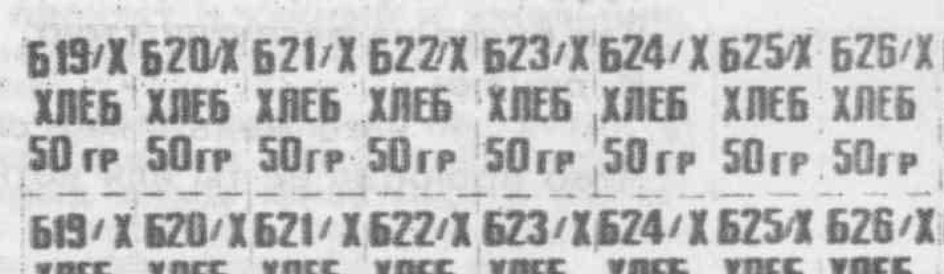
Воспоминания о блокадном хлебе. Домна Федоровна Густова, Лидия Ивановна Вискурсва и Мария Ивановна Горшкова.

Делегаты XXVI съезда партии М. И. Пантюхина и В. В. Мартынова.

ХЛЕБ ВОЕННЫХ ЛЕТ

Б19/Х ХЛЕБ 50 гр | Б20/Х ХЛЕБ 50 гр | Б21/Х ХЛЕБ 50 гр | Б22/Х ХЛЕБ 50 гр | Б23/Х ХЛЕБ 50 гр | Б24/Х ХЛЕБ 50 гр | Б25/Х ХЛЕБ 50 гр | Б26/Х ХЛЕБ 50 гр

ЛЕНИНГРАД

КАРТОЧКА НА ХЛЕБ

НА ОКТЯБРЬ 1941 г. М.П. ФАМИЛИЯ

НОРМА 200 ГР. В ДЕНЬ ИМЯ ОТЧЕСТВО

ПРИ УТЕРЕ КАРТОЧКА НЕ ВОЗОБНОВЛЯЕТСЯ

Б3/Х ХЛЕБ 50 гр | Б4/Х ХЛЕБ 50 гр | Б5/Х ХЛЕБ 50 гр | Б6/Х ХЛЕБ 50 гр | Б7/Х ХЛЕБ 50 гр | Б8/Х ХЛЕБ 50 гр | Б9/Х ХЛЕБ 50 гр | Б10/Х ХЛЕБ 50 гр

Хлебная карточка.

кой я патриот, говорю. «Какой? Тут же написано — лучший!» Так мне стало тепло, так радостно... А когда объявили — конец войне! — испекли мы отменную буханку: хлебом-солью встретить выстраданную Победу...

Да, у войны был свой хлеб. Нещедрый, отмеренный карточкой, суровый и необходимый. Как ни в какое иное время необходимый. Но в общем-то такой же, как и сегодняшний. Ведь у хлеба всегда одна задача — кормить людей.

Встреча сама собой переходит в беседу руководителей Министерства пищевой промышленности страны (а приехали сюда министр В. П. Леин, заместитель министра Т. М. Селиванова, начальник хлебопекарного управления В. В. Кочергин и другие) с рабочими-пекарями. Мария Андреевна Куленкова из Свердловска, пекарь Нижне-Тагильского хлебокомбината Анна Григорьевна Матюкова, московские мастера — ветераны хлебопечения Анастасия Николаевна Башева, Зейтуня Хакимовна Юнисова, делегат XXVI съезда партии, Герой Социалистического Труда пекарь из Коломны Мария Ивановна Пантюхина рассказывали и о нынешних заботах хлебопеков. Делегат партийного съезда Вера Владимировна Мартынова с 18-го московского хлебозавода также возвращает нас в день сегодняшний.

— Как хлеб принято покупать? Батонами, буханками. Чуть зачерствел — свежий купим. Конечно, недорог у нас хлеб. Но как недешево он достается! На каждый батон уходит двенадцать тысяч хлебных зерен, а их надо вырастить...

Замечено, у тех, кто испытал недород или жил в тяжелые для хлеба годы, отношение к нему иное, бережное, святое. Но неужели для того, чтобы научиться бережливости, надо изведать недостаток хлеба?

У нас в стране его много: сотни сортов выпекают ныне. Ассортимент широк — булки, сдоба, баранки-бублики, буханки. Приходит на хлебозаводы страны новая техника, только за последние годы установлено более тысячи комплексно-механизированных линий. Ученые создали такие сорта хлеба, что лицензии на него охотно покупают западные фирмы, признавая тем самым: нет в мире хлеба лучше, чем русский ржаной...

А коль так, то и внимания к нему, к хлебу, каждый из нас мог бы проявить больше. Хлеб бескорыстен в своем служении человеку.

Будем же к нему внимательны.

ИЗ КНИГИ

Расул ГАМЗАТОВ

АВТОГРАФ НА КНИГЕ, КОТОРУЮ Я ПРЕПОДНЕС ДРУГУ МОЕГО ОТЦА СТАРОМУ АЛИ ИЗ АУЛА ЦАДА

В Цада не ты ли старший из аварцев
На годекане коротаешь дни?
Прошу тебя, почтеннейший из старцев,
В мои стихи однажды загляни.

И если моего отца при этом
Увидишь вдруг
ты в окруженье скал,
То это для меня по всем приметам
Дороже будет всяческих похвал.

АВТОГРАФ НА КНИГЕ, КОТОРУЮ Я ПОДАРИЛ АЛЕКСАНДРУ ТРИФОНОВИЧУ ТВАРДОВСКОМУ

Тебе я книгу поднося свою,
Как будто на распутии стою
И думаю:
чего желать мне след,
Чтоб прочитал ее ты или нет?

АВТОГРАФ НА КНИГЕ, ПОДНЕСЕННОЙ КАЙСЫНУ КУЛИЕВУ

Как лунь, голова моя стала седа,
Не время ль, Кайсын, возвратиться
к истокам,
Тебе в твой Чегем над мятежным потоком,
А мне в мой аул—поднебесный Цада?

Пока еще в седлах мы крепко сидим,
Пока не исчезли мы в суетном мире,
Пока еще сами себе мы визири,
Давай возвратимся к истокам своим.

И, может быть, в силу немногих заслуг,
Познавшим и славу и горечь кручины,
Отпустят грехи нам родные вершины,
А мы не безгрешны с тобою, мой друг!

АВТОГРАФ НА КНИГЕ, ПОДАРЕННОЙ МНОЮ ИРАКЛИЮ АНДРОНИКОВУ

Мои стихи, коль выпадет досуг,
Прочти, Ираклий, в долгий шкаф не спрятав,
Но утаи от Лермонтова, друг,
Что эту книгу написал Гамзатов.

Ему другое имя назови;
Теперь поэты, лишь в Союз их примут,
Тщеславью предаваясь, как любви,
Пред Пушкиным самим стыда не имут.

АВТОГРАФ НА КНИГЕ, КОТОРУЮ Я ПОДАРИЛ МАМЕ

Все то, что мной написано доселе,
Сегодня до строки готов отдать
За песню ту, что мне у колыбели
Вблизи вершин ты напевала, мать.

Там, где вознесся небу сопредельный
Кавказ, достойный славы и любви,
Не из твоей ли песни колыбельной
Берут начало все стихи мои?

АВТОГРАФ НА КНИГЕ, КОТОРУЮ Я ПОДАРИЛ ИРАКЛИЮ АБАШИДЗЕ

Три пожеланья шлю тебе, мой друг,
Я с первыми рассветными лучами:
Стократ пусть обойдет тебя недуг,
Красивого, с оленьими очами.

А если заболеешь — не тужи,
К себе твое приблизив изголовье,
Возьмут недуг твой горские мужи
И отдадут взамен свое здоровье.

То строже озаряясь, то добрей,
Твой взор глядит, как с фрески пред
свечами,
Еще тебе желаю: не старей
Ты—витязь мой с оленьими очами.

А если годы станут наступать,
То с гор тридцатилетние мужчины
Прискачут, чтобы молодость отдать
Тебе, мой брат, и взять твои седины.

А третье пожеланье:
чтоб и впредь
Ты, ощущая крылья за плечами,
В который раз мог Грузию воспеть,—
Ее поэт с оленьими очами.

АВТОГРАФ НА КНИГЕ СТИХОВ, ПОДАРЕННОЙ МНОЮ ЭДУАРДАСУ МЕЖЕЛАЙТИСУ

Вдали пределов выси нелюдимой
Приличествует нам в родном краю
Пред матерью,
отцом лишь и любимой
Клонить покорно голову свою.

А на плечах
давай нести, отважась,
Луну и солнце выкатив из тьмы,
Мужских забот пожизненную тяжесть
И павших, пока сами живы мы.

И перейдут к потомкам наши нравы,
Чтоб на колени,
как завет велит,
Вставать им лишь
пред знаменем державы,
И родником и у могильных плит.

Отчизну петь
и впредь нам как поэтам,
Не поминая собственных заслуг,
И пленниками женщин быть при этом
И данниками времени, мой друг.

АВТОГРАФ НА КНИГЕ, ПОДНЕСЕННОЙ МНОЮ ГЕОРГИЮ ГУЛИА

Мы — сыновья прославленных поэтов,
Которые, чеканя горский стих,
Не разряжали в воздух пистолетов,
И нам, Георгий, далеко до них.

Давай с тобой друг друга на досуге
Мы перечтем,
чтоб наших дорогих
Отцов еще раз оценить заслуги
И вновь понять: нам далеко до них.

Читают нас, но мы отцам не пара:
Слегка содвинув шапки набекрень,
Они, как в праздник, держат путь с базара,
А мы — из магазина в будний день.

АВТОГРАФ НА КНИГЕ, ПОДАРЕННОЙ МНОЙ ЯКОВУ КОЗЛОВСКОМУ

Когда стихи Гамзата и Чанка
Переводил ты,
сам слывя поэтом,
Я сожалел о том, что ты при этом
Аварского не ведал языка.

Теперь ты переводишь молодых,
Каких у нас в Аварии немало,
А то, что с языком оригинала
Ты незнаком, лишь ободряет их.

АВТОГРАФ НА КНИГЕ, ПОДАРЕННОЙ МНОЮ ДМИТРИЮ МАМЛЕЕВУ

Когда, бывало, мысль сверкнет,
То в это чудное мгновенье
Коней четверку подает
Мне преданное вдохновенье.

Где нынче страсть минувших дней?
О ней напомнить лишь готовы
Оставшиеся от коней
Луноподобные подковы.

АВТОГРАФЫ НА КНИГАХ, КОТОРЫЕ Я ПОДАРИЛ ПАТИМАТ

1.

Написан стих,
но я спешить не стану,
И прежде чем произнеся: «Аминь!»—
Его прочесть решусь я Дагестану,
Прочту тебе: одобри иль отринь.

А если Дагестана одобренье
Я получу в небесной вышине,
То всей стране явлю стихотворенье,
И за него не будет страшно мне.

2.

Ты знаешь, Патимат, над тем смеюсь
я ныне,
Что на заре непрозорливых лет
Писал стихи, где отдал дань гордыне
И мнил себя бог знает кем, мой свет.
Ты знаешь, Патимат, о том грущу я ныне,
Что скуден хлеб посева моего,
Что я порой,
так легок на помине,
Стучался в дом, где нету никого.

3.

Рожденное в бессоннице ночей
Творение мое нерукотворное
Прими скорее, свет моих очей,
Когда тебе прописано снотворное.

АВТОГРАФ НА КНИГЕ СТИХОВ, ПОДАРЕННОЙ ВРАЧУ М. П. ТАРАСОВОЙ

Вас, милый доктор, я благодарю,
И вы за грех, надеюсь, не сочтете,
Что собственной болезни вам дарю
Историю в нестрогом переплете.

От вас не утаил я ничего:
Кардиограмма, пульс и пламень крови—
Все налицо.
Молю: не хмурьте брови
Над вымыслом безумства моего.

«АВТОГРАФЫ»

НАДПИСЬ, СДЕЛАННАЯ МНОЮ НА КНИГЕ ОТЦА

Тобой, отец, гордился я немало
И лишь тебя боялся одного.
А кем теперь гордиться, как бывало?
По-прежнему бояться мне кого?

И вдруг над материнскою могилой
Раздался голос, излучая свет:
«Отцом и впредь гордись, сыночек милый,
Его лишь бойся до скончанья лет!»

НАДПИСЬ НА ПИСЬМЕ ЭФФЕНДИ КАПИЕВА К ЛИТЕРАТОРУ Н. Н.

Ах, Эффенди, тебе прощенья нет,
Для нас ты создал страшную угрозу,
Когда Н. Н.
писать еще и прозу
Неосторожный подавал совет.

Слагал бы твой усердный адресат
Стихи, как встарь, про соловья и розу,
Так вот, поди,
он стал писать и прозу,
И в этом ты пред нами виноват.

ОДНОМУ ПРОСИТЕЛЮ АВТОГРАФА

Способна быть безвольною рука ведь
И увенчать автографом стихи,
Но ты не заставляй меня лукавить,
Зачем приумножать мои грехи?

НАДПИСЬ НА КНИГЕ ОДНОГО АВТОРА, КОТОРЫЙ В ПРОШЛОМ БЫЛ АКТЕРОМ

Тебе б играть на сцене в наши лета,
Добился б ты успеха без труда,
Ведь ты давно играешь роль поэта,
Хотя поэтом не был никогда.

НАДПИСЬ НА КНИГЕ, ГДЕ В СНОСКАХ ДАЕТСЯ ОБЪЯСНЕНИЕ МНОЖЕСТВУ НЕПОНЯТНЫХ СЛОВ

Читать не легче, чем попасть в аварию:
На каждое из слов — по комментарию.

ЭПИТАФИЯ НА МОГИЛЕ ПОЭТА, ОТЛИЧАВШЕГОСЯ МНОГОСЛОВИЕМ И РИТОРИКОЙ

Лежащего под этою плитой
Зачем судить за прошлое сурово?
Охваченные вечной немотой,
Его уста не вымолвят ни слова.

А вспомните, как жаждал он похвал,
Зерна не отличая от мякины,
Но все, что он при жизни написал,
Сошло в могилу до его кончины.

НАДПИСЬ НА ПИСЬМЕ, В КОТОРОМ АВТОР РАССКАЗЫВАЕТ МНЕ О ЗАМЫСЛЕ БУДУЩЕЙ ПОЭМЫ

Еще твоя поэма впереди,
И как, любезный, оценить мне ныне
Черкеску с газырями на груди,
Какой покуда нету и в помине?

НАДПИСЬ НА КНИГЕ ГОРСКОГО ПОЭТА, КОТОРЫЙ СТАЛ ПИСАТЬ ПО-РУССКИ

— Аллах милосердный, ты вправду велик,—
Вздохнул с облегченьем аварский язык,—
Меня этот пишущий горец оставил.
Печально откликнулся русский язык:
— Был счет и без этого горца велик
Всем тем, кто не чтил моей чести и правил.

СТРОКИ НА КНИГЕ ПОЭТА, КОТОРЫЙ УГРОЖАЛ УМЕРЕТЬ ВО СЛАВУ ЛЮБВИ

Узнали мы, что за любовь он смело
Все от стихов отдаст до головы,
Но смерть, придя,
его отвергла тело
И увидала, что стихи мертвы.

ПОЭТУ, КОТОРЫЙ ПРЕЖДЕ БЫЛ ЧАБАНОМ

Ты пел овечек на плато,
Они тебя ценили,
И ныне пишешь,
но никто
Понять тебя не в силе.

НАДПИСЬ НА КНИГЕ ПОЭТА, КОТОРЫЙ ВЕЧНО ЖАЛУЕТСЯ НА ГОЛОВНУЮ БОЛЬ

Не от тебя ль, судить охочего,
Мы все в черед узнали свой,
Что ты во время дня рабочего
Страдаешь болью головной.

Твои стихи прочли мы новые
И к мысли вдруг пришли одной,
Что их на головы здоровые
Свалил ты с головы больной.

НАДПИСЬ НА ИЗДАТЕЛЬСКОМ ДОГОВОРЕ ДВУХ СОАВТОРОВ, РАЗОШЕДШИХСЯ В НАЧАЛЕ РАБОТЫ

Расстались вы,
но горевать не надо,
И в пору небо нам благодарить,
Что свет не увидало ваше чадо
И алименты не за что платить.

НАДПИСЬ НА ПРЕДИСЛОВИИ К КНИГЕ СТИХОВ

В застолье с полными бокалами
Мы ждем, поднявшись в полный рост,
Когда толкать губами вялыми
Окончит тамада свой тост.

Я с нетерпеньем в горском дворике
Открыл стихи, но, как назло,
Вдруг предисловье — дань риторики —
Мне к ним дорогу перешло.

И в ярости насупил брови я,
Невольный соблюдая пост.
Ах, сочинитель предисловия,
Когда же кончится твой тост?!

НАДПИСЬ НА СОБСТВЕННОЙ КНИГЕ

Есть примета, какую века
Сохранили вдоль горных дорог:
Сможет конь пережить ездока,
Если этот скакун белоног.

И на лоб лошадиный ладонь
Я кладу, не скрывая любви,
Ты меня, белоногий мой конь,
Как наездника, переживи.

Лег на горы клубящийся снег,
Смотрят звезды сквозь щели бойниц,
Пусть и впредь продолжается бег
Мной подкованных белых страниц.

**Перевел с аварского
Яков КОЗЛОВСКИЙ.**

ГОЛУБЫЕ ГОРОДА — МЕЧТА ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Помню, как лет пятнадцать назад в беседах со мной известный путешественник Тур Хейердал сетовал на то, что человек рушит тот дом, в котором он живет,— природу, окружающую среду. Сегодня этой проблемой занимаются в общем-то почти во всех государствах или, во всяком случае, во многих.

Да, проблема эта и острая и одновременно интересная, даже увлекательная. Недавно Политиздат выпустил весьма оригинальную, если не сказать уникальную в своем роде книгу Аркадия Удальцова «Поезд надежды», в которой автор в форме путевых заметок, очерков, интервью и репортажей рассказывает о том, как в разных странах занимаются охраной среды обитания человека. С литературной, познавательной и информационной точки зрения эта книга представляет собой тот самый случай, когда ее залпом прочтет и ученый и школьник. Одним словом, она рассчитана на самый широкий круг читателей.

Экология — это слово сегодня на устах у всех. Человечество всерьез обеспокоено исчезновением некоторых видов животных и растений, состоянием атмосферы, изменением климата. Как спасти нашу атмосферу, воду, растительный и животный мир от того страшного и необратимого явления, которое несет загрязнение окружающей среды?

А. Удальцов поездил по миру, побеседовал со специалистами — как у нас в стране, так и за рубежом. Он охотно делится с читателем своими беседами и с Ж. И. Кусто, и с академиком М. Стыриковичем, и многими другими.

Естественно, у каждой страны свои проблемы. Известна вдохновенная мечта Ж. И. Кусто — создать подводные города, где человек будет себя чувствовать, как он считает, гораздо лучше, чем на суше. Утопия? Для знаменитого исследователя моря это реальность, которая, как он утверждает, не за горами.

...Это произошло в Швеции. Хуго Хассель — скромный банковский служащий, а в свободное время любитель авиационного спорта. С борта спортивного самолетика он регулярно снимает побережье озера Венерн, где расположены промышленные предприятия. На фотографиях отчетливо видно, как фабрики безжалостно выпускают в светлые воды озера густые черные шлейфы отходов. А на других снимках — дохлая отравленная рыба, выброшенная на берег озера. Вот уже тридцать лет Хуго Хассель в одиночку ведет сражение с фабрикантами...

А. Удальцов встречается с известным французским ученым Ж. П. Дорстом, автором нашумевшей на Западе книги «До того, как умрет природа», которая только во Франции переиздавалась шесть раз. Глава о встрече с этим ученым, о беседе с ним — это целиком законченная новелла, каких, впрочем, в книге добрых два десятка.

В книге рассказывается о том, как в условиях научно-технической революции Коммунистическая партия нашей страны заботится о хозяйском, рачительном использовании естественных ресурсов, заботится о земле, лесах, реках, чистом воздухе, растительном и животном мире. В нашей стране многое делается для того, «чтобы небо было чистым и ясным, а вода прозрачной и соблазнительной». Книга «Поезд надежды» учит тому, как можно достичь таких идеалов.

В. КАТИН

А. Удальцов. Поезд надежды. М., Политиздат, 1981, 214 стр.

«ОГОНЕК» НА КОТЛАССКОМ ЦЕЛЛЮЛОЗНО-БУМАЖНОМ КОМБИНАТЕ

«БУМАГА — ДЕЛО ТОНКОЕ»

ВСКОРЕ ПОСЛЕ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЬИ «БУМАГА — ДЕЛО ТОНКОЕ» («Огонек» № 5, 1981 г.) В РЕДАКЦИЮ ПРИШЛО ПИСЬМО ИЗ ДНЕПРОПЕТРОВСКА. Директор производственного объединения «Днепротяжбуммаш» С. Смирнов объяснял, почему произошла задержка поставки оборудования, о чем писал «Огонек», и информировал, что долг погашен, монтаж завершен, производственные мощности приняты Госкомиссией с оценкой «хорошо».

Письмо из Днепропетровска в основном подтверждается и корреспонденцией, полученной из общественного корпункта «Огонька» на Котласском комбинате. Вместе с тем в этой корреспонденции высказывается общее пожелание коллектива Котласского целлюлозно-бумажного комбината поставщикам — машиностроителям и проектировщикам устранять оставшиеся недоработки некоторых узлов бумагоделательной машины. Мы ждем от «Днепротяжбуммаша» эффективной помощи, в том числе и поставку «Днепротяжбуммашем» резервного цилиндра наката — для замены бракованного. Нужны также резервные валы для четырехвального пресса.

...На обновленной машине после реконструкции уже выработаны тысячи тонн продукции. Все чаще поступают доклады о достижении проектной выработки. Партком одобрил опыт бригады машиниста Платона Васильевича Козюка, которая в сложных условиях дефицита сырья ищет пути высокопроизводительной работы.

В дни работы XXVI партийного съезда бумажники пересмотрели свои обязательства. Не тоннаж теперь стал главным мерилом, а качество продукции и освоение новых ее видов, в частности понижение веса квадратного метра бумаги.

Более 100 тысяч кубометров ценной древесины позволит сберечь за год переход на выпуск «тонкой» бумаги. Это дополнительная продукция, которую ждут типографии.

Пришли в редакцию письма и из соответствующих ведомств. Из Госснаба СССР, начальник управления снабжения и межотраслевых связей по лесобумажной продукции и таре А. Бакланов, пересказав и без того известное, замечает, что для «улучшения обеспечения целлюлозно-бумажных предприятий древесным сырьем в 1981—1985 годах Минлесбумпром СССР и Госснаб СССР утвердили схемы рационального прикрепления целлюлозно-бумажных предприятий к производственным объединениям — поставщикам древесного сырья». Госснаб СССР с участием заготовителей и поставщиков древесного сырья провел на Котласском целлюлозно-бумажном комбинате заседание «Об опыте Котласского ЦБК по использованию лиственной древесины в производстве целлюлозно-бумажной продукции». В рекомендациях предусматривается осуществление комплекса работ по увеличению приемки лиственной древесины со сплава. При разработке мероприятий будут учтены предложения, изложенные в статье «Бумага — дело тонкое».

Как видим, в письме из Госснаба СССР говорится лишь о существе проблемы, о ее, так сказать, глобальных аспектах. Но обходятся конкретные, частные, однако весьма важные для Котласского комбината вопросы, о которых и шла речь в публикации «Бумага — дело тонкое». Неясно, в частности, что делается (и делается ли вообще) для того, чтобы пересмотреть планы поставки сырья именно этому комбинату, что предпринимается (если предпринимается) для сокращения расходования деловой древесины в отраслях, где легко заменить дорогое и дефицитное дерево другими материалами. Напомним: бумажники получают менее пятнадцати процентов заготавливаемой древесины. А вот на тару, на изготовление ящиков, на обшивку грузов мы тратим дерева непомерно много, словно усердствуем в этом. Факт: картонная тара заметно экономичнее деревянной. Но с упорством, которое и объяснить-то трудно, отличный лес направляется на ящики и иную упаковку.

СЛОВОМ, ВОПРОСЫ ОСТАЮТСЯ. И РАЗГОВОР НЕ ЗАВЕРШЕН. ПОМИМО ТОГО, МЫ НАДЕЕМСЯ, ЧТО ГОССНАБ СССР ИЗВЕСТИТ РЕДАКЦИЮ ТАКЖЕ О РЕЗУЛЬТАТАХ МЕРОПРИЯТИЙ, О КОТОРЫХ УПОМИНАЕТСЯ В ПИСЬМЕ А. БАКЛАНОВА.

Столь же неконкретно отозвался на статью в «Огоньке» начальник отдела лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности Госплана СССР В. Татаринов. Он сообщает о том, что ежегодно предусматривается «выделение Минлесбумпрому СССР древесного сырья в количествах, полностью обеспечивающих планируемый объем производства целлюлозы по установленным нормам расхода и создание переходящих нормативных запасов». Однако, спокойно констатирует далее тов. Татаринов, «невыполнение плана подачи вагонов министерством путей сообщения под перевозку древесного сырья и невыполнение плана производства этого сырья Минлесбумпромом осложняет работу этой отрасли промышленности, в том числе и Котласского целлюлозно-бумажного комбината».

Позвольте, но именно об этом шла речь в публикации «Бумага — дело тонкое». Эти факты известны, зачем же повторять их?

Из ответа Госплана мы были вправе ждать анализа проблемы, информации о том, что предпринимается для того, чтобы впредь подобное положение, когда из года в год Котласский комбинат недополучает и запланированное сырье, не допускалось? Об этом в госплановском ответе сказано: «За последние месяцы этот вопрос рассмотрен...» А решен ли? Есть ли гарантии того, что теперь Котласский комбинат будет получать древесину в достаточном количестве? Об этом начальник отдела не сообщает.

Подход формальный (нельзя не ответить) к той или иной журнальной публикации не новость. Вроде бы отреагировали, вроде бы статья или фельетон не прошли незамеченными, но... Во всяком случае, письмо товарища Татаринова мало что добавляет к тому, что известно, и не сообщает о том, какая конкретная работа ведется, чтобы такое зло, как невыполнение плана, было исключено из практики работы.

СЧАСТЬЕ ХУДОЖНИКА

Начало см. на стр. 8.

вить в природе неповторимый момент, поймать мгновение, состояние, которое не возвратится больше никогда, почувствовать дыхание земли.

Собственно, что есть пейзаж? Это портрет природы, ее настроения. И неисчерпаемо разнообразие пейзажей, как неисчерпаемо разнообразие человеческих лиц. Ведь согласитесь, что солнце в Италии одно, в Подмосковье — другое, в Армении — третье. Прозрачный воздух Италии, осыпанный искрами солнца, я никогда не спутаю с голубоватой дымкой, окутывающей Арарат, или с мягким золотом московского заката. Праздничные маки Грузии и строгие, неповторимые в своей простоте русские ромашки, скромные северные цветы завораживают человека, способны пленить душу. Я написал сотни натюрмортов с цветами и не устаю писать их по сей день.

«Сирень» не просто натюрморт — это почти музыка. Очень хорошо помню, как писал этот холст. Был ослепительно яркий весенний день. Бывают в это время года такие дни, когда почти нет полутонов, полутеней, а все отчетливо, наполнено до краев роскошным цветением земли. Внесли эту сирень в комнату, и она заполнила ее всю, и свет будто сделался лилово-сиреневым.

Не могу прожить и недели, чтобы не выехать за город, на этюды. Эта работа держит художника в постоянной творческой форме. Живописец всегда должен проверять себя правдой природы. Без этого багажа невозможны большие полотна, невозможно творчество вообще.

Искусство модерна утверждает, что художник может существовать вне натуры, в придуманной им обстановке. Но авангардисты, занимаясь пустым формотворчеством, обрекают свое искусство на гибель. Порой мне даже кажется: ну разве это не очевидно? Ведь мы живем в реальном мире, само понятие прекрасного даровано нам природой и мы не можем существовать вне ее. Ни одно самое изощренное геометрическое построение никогда не сможет передать даже отголоска волнующей тайны, заключенной в свежести березового листа, а лишенная смысла абстракция не вспыхнет никогда лучистым светом женских глаз, не засияет милой в своей выразительности улыбкой ребенка.

Не знаю, каким будет искусство XXI века, но верю, что оно будет реалистическим, потому что вижу, как работают нынешние молодые живописцы. Пусть многие из них увлекаются популярным сегодня ранним Ренессансом, интересуются русским лубком, но я чувствую неизменное желание многих молодых художников осознать гармонию и красоту мира.

Последняя выставка молодых в залах Академии художеств СССР показала, что большинство из них бережет традиции русской и мировой реалистической живописи.

Советское искусство всегда было бастионом реализма, и оно будет таким всегда, сохраняя святые понятия красоты и правды.

Когда сегодня я беру этюдник и еду на пленэр, пишу прозрачный июньский день, меня не оставляет ощущение, что я продолжаю то дело, что вершили живописцы всех времен. Я счастлив, что пишу людей, землю, тишину. Тишина эта так беззащитна, хрупка, совершенна, и мне трудно, невозможно представить: есть в мире люди, утверждающие, будто нормальный ход событий — это балансирование на острие войны, что покой, счастье людей — категории слишком отвлеченные, чтобы их принимать всерьез.

...Я помню, как ворвались в мою юность полыхающий цвет знамен, мелодии революционных песен. Я был свидетелем великих деяний нашего государства в преобразовании мира. Участие в таких событиях всегда возвышает душу живописца, заставляет его строже относиться к себе, к делу своей жизни. И сейчас, когда годы, оставшиеся позади, позволяют мне судить о том, каким должен быть художник, творящий во имя своего народа, я скажу, что ему необходима верность. Своей школе, дружбе, традициям, призванию, верность взятой на себя жизненной задаче. Эта верность дает возможность мастеру твердо стоять на земле, открыто смотреть в глаза людям.

Д. Налбандян. СИРЕНЬ. 1978.

Д. Налбандян. ПОРТРЕТ КОЛХОЗНИКА. 1980.

Юрий ОСИПОВ

СОЗВУЧНЫ ВРЕМЕНИ

Каждый художник по-разному приходит к главной своей теме, иногда и долгим, кружным путем, минуя подъемы и спуски. Бывает, тема сама находит его, завладевает им, меняет привычное русло жизни. Так случилось с Виталием Александровичем Закруткиным.

«Сейчас, оглядываясь на пройденный путь, я все чаще думаю о том, что на всю жизнь меня привязали две темы: земля и война, вернее — человек на земле и человек на войне»,— говорит он в автобиографическом очерке «От земли к земле», который открывает четырехтомное собрание его сочинений, недавно выпущенное в свет Ростовским книжным издательством.

Да, сначала была война. Она оторвала молодого, подающего надежды литературоведа от академических занятий и увела его к самым страшным «неслыханностям» века. Автор оригинальных работ о Пушкине и Лермонтове, доцент, заведующий кафедрой русской литературы Ростовского педагогического института, он добровольцем пошел на фронт и сразу же оказался на переднем крае кровопролитных боев. Корреспондентом армейских газет будущий писатель принимал непосредственное участие в битве за Кавказ, дошел до Берлина...

Большая хроникальная повесть «Кавказские записки», вышедшая вскоре после войны, вобрала в себя суровый фронтовой опыт В. Закруткина, и сегодня, десятилетия спустя, она читается с неослабевающим интересом, ибо в ней — неподвластная времени правда боевых событий, точные наблюдения над поведением солдат и командиров. Впечатляющий документ великой стойкости и мужества нашего народа в смертельной схватке с фашизмом, эта повесть успешно продолжила давнюю военно-мемуарную традицию отечественной литературы, наиболее ярко представленную записками офицеров Отечественной войны 1812 года — Д. Давыдова, Ф. Глинки, К. Батюшкова и других.

Причем данная традиция, хорошо знакомая автору еще с аспирантских лет, освоена им здесь на совершенно новом идейно-тематическом уровне, далеко раздвинувшем ее жанровые рамки. Художник-воин органично сочетается в повести с художником-историком, что в свое время дало основание П. Павленко, отметившему эпический характер «Кавказских записок», назвать их летописью, а не боевыми зарисовками, годом жизни фронта, а не годом поездок и встреч фронтового корреспондента.

Увиденное и пережитое на дорогах войны потом еще не раз всплывает на страницах произведений Виталия Закруткина. Однако эпическая широта охвата событий сменяется в них теперь углубленной психологической разработкой военной темы, исследованием истоков духовной мощи советского человека перед лицом выпавших на его долю тяжких испытаний. При этом фронтовой опыт сливается в книгах писателя с опытом сельской жизни, которую он избирает в послевоенные годы.

Младший земляк, а впоследствии друг и единомышленник Михаила Шолохова навсегда оставляет город со всеми его благами и соблазнами и возвращается на берега Дона. То была не прихоть, не дань моде, но судьба, властный зов земли, стремление «в полной мере познать трудную работу в полях, сладостную вечернюю усталость... до сердечной дрожи наслаждаться шумом древесной листвы, журчанием лесных ручьев, сокровенным языком птиц и зверей...». То была насущная потребность дать отстояться в душе новым чувствам, мыслям и переживаниям, найти свое слово, свое место в мире.

Здесь, в тихой станице Кочетовской, В. Закруткин создает вещи, прославляющие цельных и чистых людей, которые активно преобразуют облик земли. Наиболее значительные из этих вещей составили содержание второго тома и воспринимаются как единый цикл. В центре его — роман «Плавучая станица», за который писатель был удостоен Государственной премии СССР.

Критика неоднократно обращала внимание на поэтичность прозы Виталия Закруткина, на созвучие в ней человека и природы. Вот почему столь частые в романе лирические пейзажи — это прежде всего средство постижения тонких взаимосвязей тружеников земли с родной почвой, с бесконечно многообразной жизнью лесов и полей, тихого Дона и донской степи, которая не перестает восхищать автора своими красками.

«Негреющее, чуть повитое морозной дымкой зимнее солнце тускло светило над белыми холмами. После короткой оттепели жестокие морозы затянули снег ледяной пленкой, и вся степь сияла ровной холодной желтизной».

Так начинается «Плавучая станица», поэтично изображающая колхозные будни и самобытные народные характеры. Душевно щедрые, напористые в своем созидательном порыве герои романа, подобно прекрасным ветвистым деревьям, украшают землю и сами питаются ее живительными соками, утверждает автор. Эта же мысль красной нитью проходит через повесть «За высоким плетнем», рассказы «Подсолнух» и «Млечный Путь».

В них чувствуются творчески воспринятые чеховские и бунинские мотивы, хотя каждый из рассказов непохож на другой ни по фабуле, ни по стилю. Герои их тоже очень разные—суровые, немногословные, калмыцкие чабаны в «Подсолнухе» и скромный деревенский учитель Глеб Иванович в «Млечном Пути» со своей незадавшейся любовью к обывательски ограниченной Лизе.

Горечь разочарования не ослабляет оптимистического пафоса обоих рассказов, не затушевывает романтическую окрыленность персонажей, их влюбленность в жизнь. Падает от ножа случайного прохожего на неродящую, иссохшуюся землю золотистая головка подсолнуха, с таким трудом выращенная чабанами в безводной степи. Но люди все равно не расстаются с мечтой, не утрачивают веры в новые всходы. И как символ надежды остаются в почве семена погибшего подсолнуха, к которым обязательно придет вода.

Так же и Глеб Иванович не изменил в результате испытанного потрясения возвышенной чистоте своих идеалов и вечером на крыльце школы рассказывает ученикам о звездах Млечного Пути, где «уже шумят горячие, окутанные облачными парами океаны — источник появления и развития новой жизни».

Пусть не покажется парадоксальным, но, быть может, ни в одном произведении Закруткина оптимистическое созвучие человека и природы, наполняющее душу писателя, не выразилось с такой проникновенностью, как в щемяще трагической и просветленной повести «Матерь Человеческая».

Толчком к ее созданию послужила давняя фронтовая встреча автора на пепелище, которую он тогда описал в очерке «О живом и мертвом». И вот спустя годы, уже в Кочетовской, В. Закруткин вновь вернулся к запавшей ему в сердце истории, дав ей новое, художественное толкование и вложив в эту повесть все, что он вынес из огня войны, все, что узнал о нелегком крестьянском труде.

Образ Марии — простой русской женщины, познавшей в военное лихолетье неимоверные страдания и лишения, выдержавшей жесточайшую борьбу за существование с голодной зимней стужей, пытку одиночеством, мучительные видения подле безмолвного хуторского кладбища с родными могилами,— этот образ женщины-матери, женщины-героини воплощает победу жизни над смертью, любви над ненавистью, созидания над разрушением.

Совсем одна остается Мария на поруганной и сожженной фашистскими карателями земле. Оккупанты повесили ее мужа, коммуниста Ивана, сгубили сынишку Васятку, подругу Феню, расстреляли и угнали в неволю односельчан, дотла спалили родной хутор... Но она. с будущим ребенком под сердцем не сдается и совершает подвиг, по крупицам возрождая обуглившийся кусочек своей Родины.

Жесток реализм писателя в этой повести, страшен ее фон. Но все же и здесь беспощадные краски войны сочетаются с теплыми, лирическими тонами, с поэзией красоты жизни и труда, без которого не мыслит свое существование Мария. Правда ее истинно народного характера, диалектика действительности проявляются и в придающей героине силы памяти о своей комсомольской юности и любимом человеке, и в чувстве долга перед ним и другими погибшими, и в чисто крестьянском бережном отношении к уцелевшему зверью, к дереву, к каждой живой травинке. В этой непобедимой гармонии Марии с окружающим миром, в ее кровном родстве со всем сущим на земле — залог будущего.

...На покатом холме с младенцем на руках, окруженная стайкой потерявшихся детей из блокадного Ленинграда, встречает Матерь Человеческая советских солдат-освободителей.

«Подъехав к Марии, командир полка остановил эскадрон, сошел с коня. Слегка прихрамывая, он подошел к ней, пристально посмотрел в глаза, снял фуражку и, марая жидкой грязью полы щегольского плаща, опустился перед Марией на колени и молча прижался щекой к ее безвольно опущенной маленькой жесткой руке...»

Такой величественной и прекрасной — одной из тысяч советских женщин, безымянных героинь Отечественной войны,— запомнится нам неприметная русская крестьянка из повести Виталия Закруткина.

Крупнейшим и наиболее ответственным созданием писателя, безусловно, является его двухтомный роман-эпопея «Сотворение мира».

Свыше двух десятилетий трудился он над этим широким историческим полотном. Задача была им поставлена сложная — на примере судьбы семьи Ставровых показать дерзновенные судь-

В. Закруткин. Собрание сочинений. Ростовское книжное изд-во.

бы России двадцатых — начала тридцатых годов.

Собственно говоря, по своему принципу и структуре закруткинский роман можно уподобить «Хождению по мукам» А. Толстого, не проводя, разумеется, прямых сравнений между ними. Закруткиным тоже взят тип семейного романа-эпопеи, действующие лица которого оказываются сорванными революционным вихрем с привычных «винтов» жизни, постепенно включаясь в передел старого мира.

Коллективизация и связанные с нею процессы привлекают особое внимание автора. Он рисует галерею образов людей новой, советской деревни, выводит их явных и тайных врагов, прослеживает действия ленинской партии, сделавшей народ хозяином и творцом истории. Видим мы на страницах романа и вереницу других персонажей, порой намеченных одним-двумя выпуклыми штрихами, которые возводят мосты, варят сталь, штурмуют высоты науки, отстаивают интересы нашей страны на международной политической арене...

Огромный исторический материал вводит В. Закруткин в художественную ткань повествования, раздвигая границы сюжетных событий от хуторских полей до трущоб западных городов, где ютится основная масса русских эмигрантов. Их лживых вождей, вынашивающих под сенью роскошных особняков планы свержения Советской власти, также показывает писатель. Показывает правдиво и убедительно, как и фашистских главарей, вербующих себе сторонников в рядах морально опустошенных и разложившихся белогвардейцев.

Не просто и не сразу находит в этих трагических условиях дорогу домой, к своему народу бывший казачий есаул Максим Селищев, волею обстоятельств заброшенный на чужбину. Не прост жизненный путь представителей старшего и младшего поколений семьи Ставровых. Немало трудных испытаний выпадает на их долю. В. Закруткин не сглаживает острых углов, не обходит стороной противоречия действительности, вызванные непримиримой социальной борьбой, которая захватывает и героев его романа. Вдумчиво панорамируя важнейшие события тех лет, он выделяет в них главное, то, что помогает читателю лучше уяснить движущие силы истории, масштаб преобразований и накал борьбы партии и народа за построение социалистического общества. В этом — значение и актуальность романа.

Книги Виталия Закруткина вырастают из жизни-борьбы и потому созвучны Времени. Творчески относиться к жизни, воспринимать ее без иллюзий и прикрас, не пугаться трудностей и верить, что будущее начинается сегодня и что оно прекрасно,— такова философия писателя, его нравственная и житейская позиция. Этому он учит в своих произведениях и сам учится у жизни, у своих односельчан,— человек по-настоящему деятельный, принимающий активное участие в делах общественных и колхозных, прозаик-реалист с душою романтика, зорко ловящий взглядом привольное течение «могучей, вечно стремящейся к морю реки».

Михаил ТАЛЬ,
международный гроссмейстер

8. РЯДОМ С ЧЕМПИОНОМ

Когда Анатолий Карпов предложил мне быть его консультантом во время матча за шахматную корону, я вспомнил один случай из далекого шестьдесят третьего года. Тогда одновременно с матчем Ботвинник — Петросян в Москве проходило юношеское первенство страны. В турнире играл рижанин Витолиньш, юноша талантливый, но очень застенчивый. И вот на правах земляка и старшего по возрасту я оказывал ему небольшую тренерскую помощь. Однажды он сказал мне, что играет в последних турах с мастерами Кареном и Левоном Григорянами и боится их как огня. «Проиграю как пить дать».

Утешать или подбадривать в таких случаях бесполезно. Братья Григоряны и впрямь играли тогда посильнее Витолиньша.

— Покажи-ка парочку своих выигранных партий,— попросил я.

Он начал показывать, а я с самым серьезным видом комментировал примерно так:

— Вот это замысел! Неужели ты просчитал весь вариант за доской? Блестяще... С такой игрой я бы не проиграл матча Михаилу Моисеевичу.

И Витолиньш ожил на глазах. «Что, правда хорошо?» «Конечно! Ты же по-гроссмейстерски понимаешь позицию!» На следующий день Витолиньш победил Левона, а затем и Карена. И вышел на первое место. Добавлю, что такая «психотерапия» хороша не для всех. С тем, у кого нос кверху, надо смотреть проигранные партии.

«Да... невелик опыт!» — скажет читатель и будет, конечно, прав. Но в Багио многое и для многих было впервые. Смело дерзали на новом поприще секунданты Юрий Балашов и Игорь Зайцев, впервые возглавил делегацию космонавт Виталий Севастьянов, да и сам чемпион мира с такой долгой, насыщенной шахматными страстями борьбой еще не сталкивался...

В этой ситуации исключительную роль сыграла дружба и сплоченность, царившая в нашей команде. Я бы добавил — коммуникабельность. Не вспомню даже вспышки раздражения в наших отношениях. Все отдавали себя целиком единой цели — победе в матче, стоически переживали неудачи, сообща радовались победам.

Мне уже приходилось немало писать о ходе борьбы в Багио, и я боюсь повториться. Полагаю, что основные события хорошо известны самому широкому кругу любителей шахмат. Но об одном, несомненно переломном, моменте матча хочу рассказать.

Откладывалась тринадцатая партия... Дома смотрим позицию — дела неважные... Час смотрим, два — ведь завтра доигрывание. Каждый в своем углу анализирует, а потом собираемся вместе, делаем выводы. А они неутешительные: во-первых, у претендента богатый выбор продолжений и все они для нас неприятны, во-вторых, четкого пути к ничьей не видать... Но вот в «штаб» заходит директор Центрального шахматного клуба Батуринский. Виктор Давыдович юрист по образованию и в Багио защищал интересы чемпиона в специальном жюри, где разбирали конфликтные ситуации. Увы, их было немало, но не по нашей вине... Так вот, Виктор Давыдович входит, извиняется перед гроссмейстерами (сам он кандидат в мастера) и показывает отличную идею защиты: 43... Cе5 и 44... Крg7!

Карпов самолично проверил варианты — все верно! А потом мы дружно смеялись: четыре гроссмейстера проглядели простой ход... Почти до рассвета шлифуем позицию. Кто-то предложил Анатолию идти спать, но он лишь махнул рукой: «Да разве усну...»

Утром позвонил главный судья матча. Доигрывания не будет. Корчной взял тайм-аут. Расчет претендента был ясен: четырнадцатую партию Карпов сядет играть под грузом тяжелых мыслей о неоконченной, очевидно, проигранной партии... Но он просчитался. Мы уже отыскали план, как защищать позицию!

Часа за два до начала четырнадцатой Карпов позвонил тренерам: «Думаю сегодня запустить пепельницу. Как считаете, не рано?» Спешу разъяснить — словом «пепельница» мы закодировали дебютную заготовку в испанской партии, точнее, первый ход этой заготовки h3. Все-таки телефонные разговоры в чужой стране... Теперь уже можно рассказать, что в честь Севастьянова мы называли поле g6 «космической перегрузкой». Соответствующее поле g3 окрестили «белой горячкой». И так далее...

Так вот, получив наше одобрение на «запуск пепельницы», Анатолий применил заготовленный вариант и быстро получил преимущество. А на двадцать девятом ходу он пожертвовал качество и отложил партию в позиции, где Корчному было в пору сдаваться. Ситуация изменилась. На следующий день претендент пришел на доигрывание тринадцатой в стрессовом состоянии...

Нарвавшись на хорошо организованную оборону Карпова, он стал нервничать, потерял нить и, естественно, допустил промах. Анатолий немедленно перешел в контратаку

КОГД
ОЖИВ
ФИГУ

и в пять ходов буквально развалил позицию белых. Две победы подряд позволили чемпиону мира создать перелом в матче и повести в счете — 3 : 1.

Но вернемся в салон самолета, летящего в Монреаль. Давно подмечено, что в дороге вспоминаются самые неожиданные вещи. Особенно если за окном ночь, а спать почему-то не хочется. И сколько ни гляди в темный иллюминатор — кроме звезд, ничего не высмотришь. Второй час пути, пассажиры чуть не поголовно спят, а мне лезет в голову всякая чертовщина. Вспомнил вдруг турнир на Мальорке, да не только турнир, но и корриду... Вообще в Испании к шахматам относятся с почтением, но если в день игры идет хорошая коррида, то зрителей бывает маловато. Все там, где быки!

Наверное, ревущий за бортом мотор напомнил мне черного, как преисподняя, быка, который шел в мою сторону. А я находился не на трибуне... Подшутили тогда надо мной устроители турнира. Договорились с хозяевами корриды, вывесили афишу: «Советский гроссмейстер Михаил Таль выступит в роли тореадора перед заключительным боем». А мне сказали: «Не волнуйтесь и не отказывайтесь, вас подстрахуют. Действуйте смело, вы ведь любите комбинировать». Добавив в заключение, что афиши уже висят по всему городу и в случае моей неявки публика может решить, что Таль смел лишь за шахматами, организаторы удалились. И вот, мысленно простившись с родными, я прихожу в комнату, где сидят видавшие виды тореадоры. Мне да-

Окончание. См. «Огонек» №№ 20—24.

ют мулету и шпагу. Звучит бравурный марш, я выхожу на арену. Тут же вспоминаю черные очки Пала Бенко и начинаю гипнотизировать идущего навстречу быка. Очевидно, Бенко все-таки преувеличивал мои возможности, так как спас меня вовсе не гипноз и не «страхующий» тореадор (он куда-то запропастился), а бедняга корреспондент, неожиданно появившийся с огромным фотоаппаратом и яркой наклейкой на пиджаке «Пресса». Судя по всему, он замыслил запечатлеть веселый сюжет на тему «Гибель гроссмейстера» и сорвать немалый куш с местных газет. Но случилось непредвиденное... Рычащее животное изменило курс и бросилось в сторону направленного на него телевика.

Погоняв по арене бедного фоторепортера, бык с достоинством удалился, а я вернулся к своим турнирным обязанностям. После корриды мне ни один партнер не был страшен, и я легко занял первое место...

В мае 1977 года я снова играл в Испании, но теперь вместе с Анатолием Карповым, который в очередной раз удивил и любителей шахмат и специалистов, набрав 13 $^{1}/_{2}$ очков из пятнадцати. Подобный результат ранее был по плечу только таким корифеям, как Алехин, Ботвинник, Фишер, да и то в годы их творческого взлета.

А
АЮТ
РЫ

После турнира нам предложили задержаться на несколько дней в Барселоне. Нет, сеансами одновременной игры нас не мучили. Остановка была связана с весьма приятным событием: президент Международной федерации шахматных журналистов вручил Анатолию Карпову самую почетную шахматную награду — очередного «Оскара». Как лучшему шахматисту года.

А все-таки быстро летит время! Давно ли в больницу ко мне пришел застенчивый паренек, тогда еще не выигравший даже первым среди юношей? А теперь он чемпион мира, имеющий блестящую коллекцию трофеев — семь шахматных «Оскаров»!

Читатель, конечно, наслышан о победах Анатолия Карпова. Широко известны и его партии. Но я хочу поделиться своими личными впечатлениями о чемпионе, с которым близко знаком более десяти лет. За эти годы мне довелось видеть его и в минуты триумфа и во время спортивных неудач и огорчений. Конечно, мои впечатления о молодом чемпионе мира могут грешить субъективностью, но они свидетельства очевидца...

Прежде всего отмечу, что Карпов удивительным образом сочетает в себе качества турнирного и командного игрока. А, между прочим, известно, что не каждый сильный шахматист хорошо играет в командах. Яркий пример — Бент Ларсен. Он сам знает это и даже уклоняется от участия в Олимпиадах... Неважно играл в командах и Роберт Фишер, который обычно находил причины для отказа выступить за сборную США. А Анатолий любит выступать в коллективе и всегда приносит большую пользу как набранными очками, так и советом... Впервые он показал эти качества еще в 1972 году на Всемирной Олимпиаде в Скопле. Тогда создалась исключительно трудная спортивная обстановка. На старте мы проиграли нашим постоянным конкурентам — команде Венгрии. Проиграли с минимальным счетом, но теперь приходилось наверстывать. А тут, как на беду, происходит драматический случай в партии Хюбнер — Петросян: экс-чемпион мира не обратил внимания на новую конструкцию шахматных часов, флажок на которых падал раньше обычного... Насколько я помню, Петросян никогда так не проигрывал.

Как бы там ни было, но перед пятым туром мы отставали не только от венгров, но и от югославских шахматистов. Такое случилось впервые! Собрали команду, поговорили по душам... Стали докапываться: в чем же причина сбоя? И тут попросил слова самый молодой участник, дебютант сборной Анатолий Карпов. Он напрямик заявил, что команда, привыкшая к легким победам на Олимпиаде, почивает на лаврах, не играет в полную силу и, очевидно, полагает стать первой чуть не автоматически... Но соперники стали посильнее — надо работать! Кто-то из тренеров попробовал возразить, но Карпов конкретно указал на случай плохого анализа отложенных партий и слабую дебютную подготовку к матчам. Примеры сыпались один за другим...

Признаться, Смыслов, Керес и я с удивлением поглядывали на новичка. Вот так запасной! Металл в голосе, словно у многоопытного ветерана. Но Анатолий был прав, и с ним в конце концов все согласились.

Начиная с пятого тура команда уверенно набирала темп. Карпов, хотя и числился запасным, играл почти в каждой встрече. Он принес команде 13 очков из 15 (!) и убедительно доказал, что силен не только в критике недостатков, но и в игре за доской...

С каждой новой победой все большее число болельщиков собиралось около столика, где играл Анатолий Карпов. Все более длинная очередь выстраивалась за получением автографов, за коротким (хотя бы!) интервью для газеты...

Американский мастер И. Туровер, давно закончивший свои шахматные выступления, но постоянно приезжающий на Олимпиады, заявил журналистам, что именно Карпова он считает главным соперником тогдашнего чемпиона мира Роберта Фишера. Забегая вперед, скажу, что на следующей Олимпиаде в Ницце среди многочисленных фотокорреспондентов была замечена и не аккредитованная в пресс-бюро дама, с особым старанием фотографировавшая Анатолия. Как выяснилось, это была мать Роберта Фишера, выполнявшая «секретную миссию». Добровольно затворившийся в американском городке Пасадена, Роберт хотел видеть претендента на шахматный трон, что называется, анфас и в профиль...

В предыдущих главах я уже рассказывал о наших встречах с американским гроссмейстером. Но это было время, когда Фишер играл в шахматы... После матча в Рейкьявике, где он победил Спасского, Фишер совершил малопонятный, всех удививший шаг... За прошедшие девять лет он не сыграл ни одной партии. И, увы, с каждым годом крепнет уверенность, что мы уже не увидим Роберта на турнирной или матчевой встрече. Что с ним? Роковой недуг или обострившаяся, ставшая психозом боязнь неудачи? Насколько я помню Фишера, он и раньше проявлял психологическую неуравновешенность перед ответственным стартом. Не исключено, что эта черта, которая еще в семьдесят втором чуть не привела к срыву матча в Рейкьявике, стала непреодолимым барьером для впечатлительного американца.

В подтверждение этой версии можно вспомнить, как нарочито неуступчив оказался Фишер в семидесятом году. Тогда и причин для спора не существовало, а он... Дело было так. Шахматный клуб голландского города Лейдена решил отметить свой вековой юбилей организацией матча между Фишером и Ботвинником, имевшим в этой стране особую популярность. Замечу, что первый советский чемпион мира вот уже много лет является председателем правления общества дружбы «СССР — Нидерланды». Сыграть матч с Ботвинником интересно и почетно для любого шахматиста. Для Фишера это была последняя возможность осуществить давнюю мечту (я не раз слышал об этом): ведь Ботвинник собирался через год отойти от практической игры.

Просто находкой был для Фишера такой матч. Он стал в то время претендентом, и лучшего партнера для обогащения своей игры трудно было придумать! Но в ходе переговоров он повел себя так, как человек, просто боящийся сесть за доску... Он требовал от шестидесятилетнего экс-чемпиона, чтобы тот играл матч без ограничения числа партий! Михаил Моисеевич только руками разводил: «Что он хочет, свести меня со света?» Ботвинник предложил несколько приемлемых вариантов, но Фишер с необъяснимым упрямством стоял на своем. И шахматный мир уже тогда начал догадываться: комплекс неуверенности овладевает Робертом перед стартом... Эта боязнь возможной неудачи стала совершенно явной перед матчем со Спасским, а позже она, видимо, переросла в непреодолимую, роковую болезнь...

Не буду останавливаться на предыстории так и не состоявшегося матча Фишер — Карпов. Во всяком случае, Анатолий сделал все

Анатолий Карпов в Багио.

от него зависящее, чтобы играть матч. А Фишер так и не рискнул.

И вот нынешний чемпион уже шестой год — постоянно в борьбе. Он участник крупнейших международных турниров, Олимпиад и командных матчей. Он активно сотрудничает с ФИДЕ и вообще многое успел сделать для авторитета шахмат. Играющий чемпион! Об этом всегда мечтали миллионы любителей древней игры. А тут еще — чемпион, постоянно выигрывающий, постоянно подтверждающий свое высокое звание.

Я давно с удовольствием наблюдаю за партиями Карпова, хотя мы с ним играем в разные шахматы. Можно сказать, его сильных сторон как раз недостает мне. Анатолий просто классически реализует преимущество — я этого делать так и не научился. Он умеет в критические минуты борьбы контролировать свои порывы — я не сдерживаю эмоций... Анатолий всегда поражал меня умением вести защиту, что называется, на последней черте, там, где многие уже опустили бы руки. Особенно понравилась мне партия еще совсем молодого Анатолия Карпова с Ратмиром Холмовым на 38-м чемпионате СССР. Поначалу Холмов добился многого: он имел лучшую позицию и лишнюю пешку. Что еще надо такому опытному гроссмейстеру, чтобы достичь победы? Но... чередуя скромные защитительные маневры с активными (порой взрывны-

ми) ходами, Анатолий уверенно привел свой корабль к ничейной гавани. Холмов только головой покачал: «Ну и ну, где это видано, чтобы юноша так защищался?»

Еще более удивительной была ситуация в восьмой партии претендентского матча Спасский — Карпов. Экс-чемпион мира применил дебютную новинку и начал опаснейшую атаку на позицию короля черных. После 25-го хода Спасского все находящиеся в пресс-бюро гроссмейстеры наперебой показывали эффектные матовые финалы.

— Прекрасная партия! — воскликнул один из них, словно подчеркивая, что встреча практически закончена. Не скрою, и мне так казалось...

Пятнадцать минут обдумывал Карпов создавшуюся позицию. И вот 25... Kf6!! На первый взгляд ничего не меняющий ход. Но только на первый взгляд! Чем больше вникали в позицию «гроссы» и зрители, тем очевидней становилось почти невозможное — атака белых отражена по всему фронту. Фигуры Спасского еще сохраняли угрожающие позиции, но ничего конкретного достичь уже не могли... Еще несколько четких ходов Карпова, и разочарованный в своих надеждах уравнять счет (он проигрывал 1 : 2), Борис сам предложил ничью.

Что за сверхъестественный ход сделал молодой претендент? Обычный ход, о котором потом говорят: «Все его видели». Да! Видеть-то видели, но отвергали с порога! Никто не обратил внимания, что скромный маневр коня удивительным образом цементирует позицию черных, делает ее неприступной.

Наверное, многие заметили способность Карпова к «переключению скоростей». Иной раз он начинает турнирную борьбу не торопясь, врабатывается, словно приглядывается к общей ситуации. Он прекрасный турнирный стратег и, находясь некоторое время в тени, зорко следит за лидерами, не давая им «уйти в отрыв». А затем мощно финиширует. Так было во многих соревнованиях. Например, на мемориале Алехина в 1971 году, в одном из первых наших совместных турниров. Собрался тогда первоклассный состав — Б. Спасский, Т. Петросян, Д. Бронштейн, Р. Бирн, Ф. Олафссон, Л. Штейн... Никто бы не упрекнул молодого гроссмейстера (всего год назад принятого в высшее шахматное общество), окажись он где-то в середине таблицы. К этому как будто и шло... Анатолий сделал семь или восемь ничьих, выиграв лишь одну партию. Он словно прислушивался к своей игре, соразмерял свои силы с силой «великих мира сего». А потом понял, что компания ему по плечу. И все увидели совсем другого Карпова, который словно переключил скорость. И сделал это легко...

Вначале Анатолий тонко переиграл Горта, причем столь элегантно жонглировал своими ладьями, что партия была признана лучшей на мемориале, а югославский «Информатор» поставил ее в ряд наивысших творческих достижений года. Окрыленный победой, Карпов выиграл еще несколько партий и вместе со Штейном стал победителем турнира.

А как не вспомнить знаменитый 44-й чемпионат СССР 1976 года? Впервые за много лет он собрал всех сильнейших шахматистов страны. Как в добрые старые времена, у входа в ЦДКЖ болельщики останавливали прохожих, спрашивая лишний билетик. Интерес к чемпионату подогревался и тем обстоятельством, что уже двадцать один год чемпионы мира (не путать с экс-чемпионами!) не выступали в отечественных турнирах такого ранга. А в 44-м играл Анатолий Карпов. Он стал чемпионом мира, но не был чемпионом страны. Случай тоже беспрецедентный.

Позади пять туров — у Карпова лишь два с половиной очка. Маловато... Выходит, нет пророка в своем отечестве?! Но вот Анатолий начал великолепный спурт, и все стало на свои места. Чемпион проводит блестящую атаку в партии с идущим впереди Дорфманом, затем побеждает Ваганяна и Гулько и буквально врезается в лидирующую группу. На финише он не снижает темпа и оставляет всех за спиной.

Взрывной финиш — дело хорошее, но все чаще Карпов применяет другую тактику — стремительный старт. Выиграет несколько партий и словно приглашает отстающих: догоняйте, кто может! Так было и на международном турнире в Москве в апреле 1981 года. Карпов уже в первых турах создал приличный запас очков и уверенно финишировал первым. А надо заметить, что с чемпионом все играют с полной отдачей.

В Монреале, на «Турнире звезд», где собралась шахматная элита, гроссмейстеры тоже принялись было «проверять» своего чемпиона, но быстро поостыли... Добавлю, что в те дни весь шахматный мир живо интересовался, как выступит Карпов в первом своем турнире после Багио. С чисто психологической стороны его положение было не из легких. Действительно, от чемпиона все ждут только первого места, а тут — первоклассный состав, где чуть не половина участников может претендовать на победу. К тому же не было аутсайдеров. В первом круге таким мог показаться американец Кавалек, но во второй половине он развил поразительный темп... А Ларсен? Разве кто мог предположить, что многолетний претендент на шахматный трон займет последнее место?

Оглядываясь назад, прихожу к выводу, что турнир в Монреале был самым интересным за последние годы. И говорю это вовсе не потому, что вместе с Карповым занял верхнюю строку таблицы. Просто давно не играл в столь сильном турнире, где не надо никуда отбираться! А если так, то можно сражаться раскованно, без оглядки на результат. Что может быть увлекательней и для гроссмейстера и для зрителя?

Так уж случается, что, если шахматист в ударе, ему удается все. Атака пробивает любую оборону, собственная защита оказывается непреодолимой для партнера. В Монреале мне удавалось многое. Я одержал шесть побед и не потерпел ни одного поражения. Говорю об этом не для того, чтобы похвалиться, а чтобы посетовать на свою загадочную спортивную форму. Ведь через несколько месяцев я с треском проиграл претендентский матч Льву Полугаевскому. Потерпел три поражения и не одержал ни одной победы. Такие вот перепады...

Из Монреаля я увозил трофей, который мне особенно дорог,— приз за красивейшую партию турнира. На этот раз за победу над Спасским. Шахматисты всегда ценят такую награду, ведь шахматы — в родстве с искусством. В тех случаях, когда удается завоевать этот приз, всегда вспоминаю своего давнего партнера Гедеона Барцу. Венгерский гроссмейстер (в дни моей молодости он уже был в преклонном возрасте) рассказал на турнире в Портороже развеселивший всех случай... Однажды на французской границе его багаж тщательно осмотрели. Внимание сотрудницы таможни (это была очаровательная блондинка) привлекла статуэтка из мрамора. «Откуда она у вас?» Давно поседевший ветеран спокойно ответил, что статуэтка — заслуженный им приз за красоту. Девушка с иронией взглянула на гроссмейстера: «Представляю, как выглядели остальные»...

Во время последнего чемпионата СССР в Вильнюсе на экранах демонстрировался новый фильм «Белый снег России». Кинопрокат удачно выбрал время для показа киноленты о шахматах. Собственно говоря, шахматы — только фон, на котором мы увидели судьбу русского чемпиона Александра Алехина. Судьбу трудную, подчас изломанную, но до последнего дня принадлежащую Родине. И невольно подумалось, что по-настоящему мы узнали и оценили Алехина лишь благодаря литературному труду гроссмейстера Котова. Это он собрал по крупицам все, что оставил шахматному миру Алехин, и все, что помнил шахматный мир о гениальном чемпионе. Воистину подвижнический труд!

Котов написал сценарий этого фильма, которого так ждал, но, увы, не увидел... Последние годы, после того, как он отошел от практической игры, телезрители хорошо его знали в роли ведущего «Шахматную школу». Его перу принадлежат и несколько книг. Коллеги-гроссмейстеры поначалу иронизировали, говоря, что нельзя сильно играть в шахматы и хорошо писать. А привычные к точности шахматные журналисты оспаривали его право на домысел. «Ну откуда ты знаешь, что Алехин играл с Капабланкой именно в сером костюме?» Котов добродушно отшучивался: «Алехин звонил мне из Буэнос-Айреса и просил заказать в Калуге серый костюм...»

В моей памяти Котов остался веселым и обаятельным человеком. Вокруг Александра Александровича всегда множились шутки, как изобретенные им, так и нацеленные в его адрес. В последнем случае дольше всех смеялся сам пострадавший. Как-то один известный шахматный журналист решил его разыграть: «Неважно вы написали заметочку...» Котов мгновенно среагировал: «Но зато как ее подписал! Гроссмейстер Котов! Вы так способны завершить статью?»

Наши шахматные пути разминулись во времени. Я только начинал свой путь на чемпионатах страны, когда Котов сыграл в своем последнем XXV чемпионате. Тогда, в 1958 году, мы впервые (и в последний раз) встретились за турнирной партией. Котов играл неудачно (вершину спортивной формы он уже миновал), и мне удалось выиграть. Когда мы начали анализировать партию, я в какой-то момент понял, что варианты его вовсе не интересуют. Подняв голову, заметил, что мой партнер задумчиво смотрит куда-то в сторону...

— Ладно, Миша,— вдруг сказал он,— и так все ясно...

После этого чемпионата он сыграл еще в нескольких международных турнирах, причем в Гастингсе и Стокгольме поделил первое-второе места. Кстати, со Стокгольмом связано самое блестящее выступление Александра Котова. В межзональном турнире (1952 год) он установил рекорд, до сих пор не побитый никем. Восемь побед в первых восьми турах! Помню, незадолго до финиша шведские газеты писали приблизительно так: чтобы стать первым в турнире, Котову достаточно сделать ничьи в оставшихся партиях. Впрочем, он может даже проиграть их или вовсе сесть на поезд и уехать в Москву. Котов набрал тогда 82,5 процента очков (случай невиданный) и на три очка оторвался от второго призера!

Свой бойцовский характер он ярко проявил еще в Гронингене, где состоялся первый после войны международный турнир. Черными он в двадцать четыре хода победил Ботвинника, а в последнем туре разгромил другого лидера — Макса Эйве. Вообще, когда Котов был в настроении (а оно много значило в его творчестве), он создавал за доской настоящие произведения искусства. В 1953 году, во время претендентского турнира в Цюрихе, он осуществил роскошную жертву ферзя, после чего Юрию Авербаху пришлось отдать чуть не целый комплект фигур, чтобы отдалить неизбежный мат. Эта жертва ферзя за пешку и сейчас кочует по страницам учебников.

А все ли читатели знают, что гроссмейстер и литератор Котов был награжден орденом Ленина за создание миномета, который воевал на фронтах Великой Отечественной? Фантазию и любовь к изобретательству он пронес через всю жизнь и, конечно, перенес на шахматную доску. Ведь Котов был одним из последних романтиков в наш век отточенной техники и спортивного рационализма...

Время неумолимо. Немало соратников по шахматному искусству ушло из жизни только на моей памяти. Александр Толуш, Леонид Штейн, Исаак Болеславский, Пауль Керес и вот недавно — Александр Котов. Шахматный мир их не забудет. И я старался выполнить свой долг очевидца — рассказать о людях, которые посвятили жизнь прекрасной и мудрой игре.

С каждым годом всходят новые имена, и потому шахматы будут вечно волновать легионы своих приверженцев. Не за горами матч на первенство мира, а затем грядет новый трехгодичный отборочный цикл. В шестой раз в своей спортивной карьере начну я борьбу в межзональном турнире, чтобы снова сделать попытку стать претендентом. Всерьез ли надеюсь? Скажу откровенно — бороться буду всерьез.

Для шахматиста, не потерявшего такую надежду, раз в три года жизнь начинается заново...

Литературная запись
Олега СКУРАТОВА.

«Зеленая революция» Ливии

Л. КОРОБОВА

Ливия с давних пор привлекала к себе внимание цивилизованного мира. На обширных пространствах Средиземноморья проходили пути международной торговли. Жизнь текла из века в век монотонно, однообразно: бедуины мирно пасли стада овец и верблюдов, изредка вступая в войны с иноземными захватчиками или междоусобные конфликты. Но что бы они ни делали на иссушенной жгучим солнцем земле, взоры их всегда обращались к небу с одной молитвой — о дожде. Бывали такие страшные годы, когда песок не увлажняла даже капля воды. Недавно один ливиец полушутя, но с гордостью сказал мне: «Просили у аллаха воду, а он обрушил на нас нефть...»

Когда в Ливийской пустыне были открыты колоссальные запасы нефти, взбудоражилась вся страна. Лихорадка захватила даже самые глубинные берберские племена. Люди устремились к побережью, где возводились мощные нефтяные комплексы: Марса-аль-Брега, Бенгази, Рас-аль-Ануф... Кочевники почти без сожаления покидали землю, которая за присутствие здесь человека нередко взымала слишком большую плату — жизнь. О новых местах они знали понаслышке, но в одном не сомневались: хуже не будет, ибо здесь, в пустыне, им приходилось жить на пределе сил человека и его выносливости. Чего же еще страшиться?

Да, девяносто восемь процентов всей территории Ливии — это пустыня и полупустыня, где зарегистрировано самое жаркое место в мире — Аль-Азизия (плюс 65,2 градуса по Цельсию в тени!). Однако просторы пустыни только с виду кажутся мертвыми. Стоит пролиться нескольким каплям дождя, и тут же появляются признаки жизни. Когда я с группой советских геологов приехала в оазис Себха, первое, что нас удивило,— зелень: пшеница, кукуруза, гранаты. Нам показали участки, на которых получают до 75 центнеров пшеницы с гектара! Возле каждого дворика зеленели плантации с овощами, дающими два-три урожая в год. Над всем этим сочным изумрудным плато высились финиковые пальмы. И все же...

— Все же, несмотря на большие урожаи, несмотря на то, что водой оазис обеспечен, люди покидают его,— сказал Абдель Хамер-Халеф, секретарь народного комитета.— Тропа у всех уходящих ведет к северу, туда, где нефть.

Открытие нефти в североафриканской стране — так называемое ливийское «экономическое чудо» — конечно, принесло ей доходы немалые, но практически разорило и без того бедное патриархальное сельское хозяйство. В оазисах осталось совсем мало людей, некому стало выращивать зерно. В Ливию спешно прибывали представители сотен иностранных фирм; запах большой нефти всполошил не только американские, но и многие западноевропейские фирмы. По официальным данным, только в 1965 году в стране вели работы 4645 поисковых партий. Запущенные, обезлюдевшие оазисы никого не волновали, у всех на устах было одно слово — нефть.

...Сентябрьская революция 1969 года принесла Ливии большие социально-экономические перемены; перед обновленным обществом сразу встало много проблем, одна из них, важнейшая,— улучшение сельского хозяйства и освоение новых земель. Стране предстояло полностью обеспечить себя продуктами питания, а не ввозить их из других стран, как это делалось на протяжении предшествующих лет. Уроки истории вдохновляли ливийцев, напоминая о том давнем времени, когда их страна была житницей Греции и Рима.

Однако история историей, но ныне решение проблем сельского хозяйства было очень трудным делом. В Ливии не увидишь ни одной речки; лишь сухие русла вади — остатки древних рек — наполняются в период дождей водой. Пустыня истыкана колодцами — воду ищут и для человека и для животных. Во многих оазисах сельское хозяйство ведется примитивно — как сотни лет назад. Но ливийские специалисты утверждают, что один только горный массив Джебаль-аль-Ахдар — «Зеленая гора» — с равниной Мардж может обеспечить зерном всю страну. Здесь намечено создание ферм, оснащенных новейшей техникой. Тем, кто уже поселился на отведенных для этого землях, государство выделило тысячи голов скота. К концу пятилетки будет построено более тысячи километров асфальтированных дорог. Только под фруктовые сады отводится около девяти тысяч гектаров. А сколько таких бесплодных равнин раскинулось вдоль побережья, начиная от Мисураты и до самой границы с Египтом! Освоение их невозможно без орошения, вот почему здесь не прекращаются поиски пресной воды. Не так давно в пустынном районе Сарир-Тазерба обнаружили уникальное подземное озеро с большими запасами пресной воды, сейчас рассматриваются различные варианты, как лучше подать воду к побережью — к городам Марса-аль-Брега и Бенгази. Мощную реку спрячут в металлические трубы, и она устремится почти через всю пустыню — на 600 с лишним километров.

Правительство Ливии заключило контракты с иностранными фирмами по комплексному использованию земель. По некоторым контрактам уже осваиваются тысячи гектаров к югу от Мисураты и в оазисе Куфра (центр Ливийской пустыни). Не имея своих квалифицированных специалистов, Ливия не всегда может проконтролировать действия иностранных фирм, а иные из них не заинтересованы в развитии страны и к делу относятся недобросовестно. Но выясняется это лишь спустя годы, когда кончается срок гарантии. Потому-то с такой настороженностью и недоверием встречают в Ливии каждого иностранца.

По десятилетнему плану сельскохозяйственного развития (1973—1983) создаются крупные животноводческие и зерновые кооперативные хозяйства. Намечено освоить 650 тысяч гектаров земли, создать зеленые полосы на юге — от египетской до алжирской границы. Зеленые насаждения пока являются единственным и самым надежным способом остановить наступление песков.

Претворять в жизнь «зеленую революцию» нужно было конкретными делами. В Секретариате по делам сельского хозяйства понимали, что начинать надо с начала всех начал — почвы, а сведений о ней слишком мало, да и те неполные.

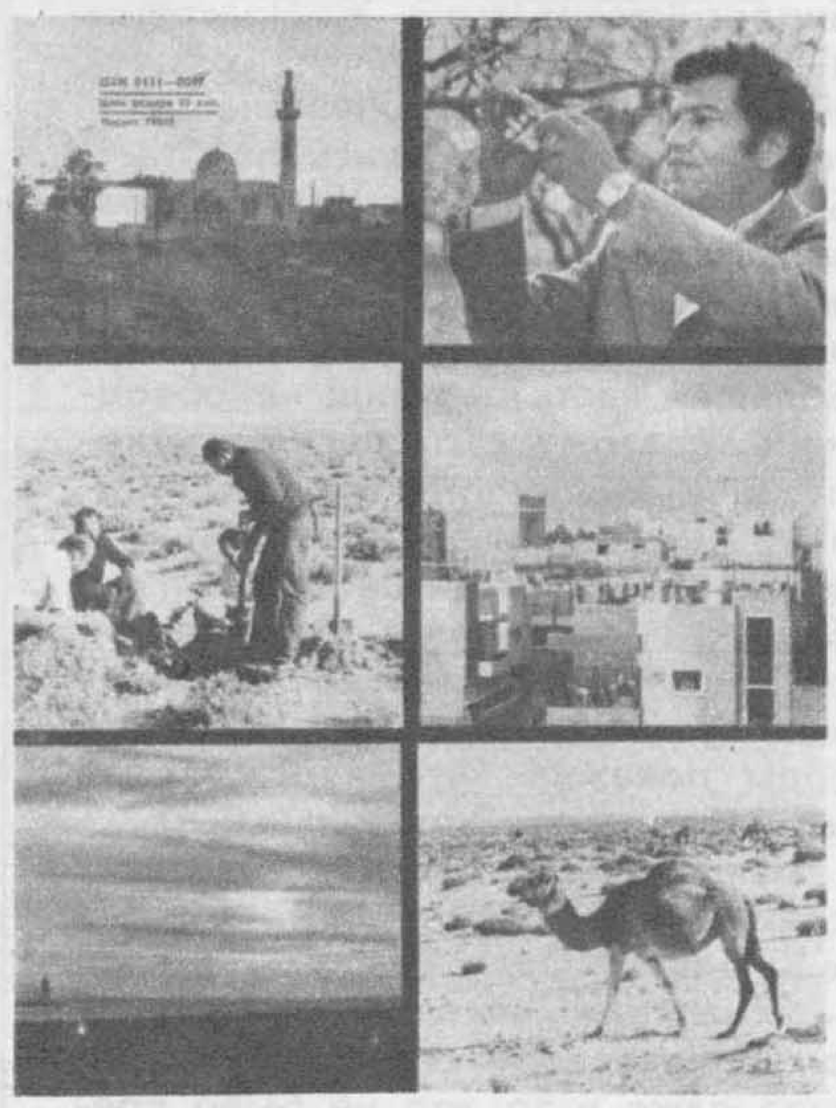
Три года назад приехали в Ливию первые специалисты из почвенно-экологической экспедиции при Министерстве сельского хозяйства СССР. Им предстояло не только проделать анализ почв, составить их характеристику, но и дать по окончании всех исследований рекомендации по использованию почв и уходу за ними.

В составе экспедиции было 46 кандидатов и два доктора наук. Главным инженером ее назначили профессора Льва Львовича Шишова, тогда заведующего кафедрой университета Дружбы народов имени Патриса Лумумбы, а ныне директора института почвоведения. Лев Львович разрабатывал новое направление в почвоведении — тропическое.

Геоморфолог Леонид Пантелеев впервые дал Ливии классификацию форм рельефа и подробно описал геоморфологические особенности горных плато и равнин северной части страны. Пантелеев — один из немногих, кто работал в самых отдаленных оазисах Сахары.

Почвенные и геоботанические обследования в Ливии советские специалисты проводили на обширном пространстве — 3,5 миллиона гектаров, охватывающем самую плодородную прибрежную зону. До сих пор территория страны, несмотря на длительное пребывание там иностранных специалистов, по существу, не изучалась; противоречивыми и неполными были сведения о почве и растительности. Сначала нашим исследователям пришлось нелегко: ливийские специалисты настороженно относились к советскому направлению в почвоведении,— воспитанники американских и французских институтов, они почти не признавали русской докучаевской школы.

— Вообще-то почвоведение — наука русская, — рассказывал Л. Л. Шишов,— начало ее мы ведем от 1883 года, когда был опубликован замечательный труд Докучаева «Русский чернозем». Американские ученые довольно долго следовали русской школе, но в шестидесятых годах предложили свой, особый подход к изучению почвы — с другой методикой, с новыми терминами, обозначениями. На Кубе они насчитывали 250 серий почв! В конце концов победила все-таки генетическая классификация, и Куба, например, отказалась от формального американского направления в почвоведении. По мнению М. Е. Нехорошева, с первых дней возглавившего экспедицию, работы наших ученых-почвоведов в условиях тропиков и субтропиков позволили познать здешнюю специфику почвообразования, заложить основы для классификации почв жарких стран, модифицировать методику почвенных исследований применительно к этим условиям.

Велись долгие и утомительные дискуссии с ливийскими специалистами, обговаривались понятия, классификация, уточнялась методика и т. д. Контроль со стороны заказчика был весьма строгим, а поскольку своих почвоведов у Ливии почти нет, приходилось приглашать их из других стран. Высший народный комитет по улучшению сельского хозяйства и освоению земель Ливии устроил советским исследователям своего рода экзамен, на который пригласил ученых, занимающихся Сахарой и Северной Африкой. Беседы длились три дня. Позднее кандидат экономических наук Михаил Ильич Абузов, главный инженер схемы освоения пастбищного массива, рассказал, что особо острую дискуссию вызвала составленная проектной группой схема освоения пастбищ центральной зоны Ливии—полмиллиона гектаров. Только по этой схеме нашим исследователям было задано 60 вопросов. «Когда все закончилось,— вспоминает он,— зарубежные коллеги признались, что, поскольку они впервые встретились со специалистами из Советского Союза, их интересовал уровень нашей подготовки, и они узнали от нас много нового...»

Было сделано около пяти миллионов анализов, как в лабораториях экспедиции в Триполи, так и в лабораториях Советского Союза; плотные мешочки с ценным грузом — пустынной и полупу-

стынной почвой — отправляли в Москву на самолете. Анализы показали, что для земледелия пригодна значительная часть Ливии.

В итоге работы экспедиции составлены детальные почвенные и геоботанические карты, а также необходимые в сельском хозяйстве карты тематические — эрозии почв, производительной способности земель и оптимального перспективного их использования. Эти последние карты особо привлекли внимание специалистов сельского хозяйства Ливии, поскольку дали им конкретные рекомендации по рациональному использованию земель и размещению сельскохозяйственных культур. Материалы изысканий использованы, например, для разработки проекта Национального парка Вади-Куф.

Участки, обследованные геоботаниками во главе с кандидатом биологических наук У. Пратовым и доктором биологических наук Н. Хариным — полмиллиона гектаров, рекомендовались под пастбища, которые здесь из-за неправильного использования земли полностью выбиты. Разрушает почву и сильная ветровая эрозия. Большая часть пастбищ не обводнена, поэтому скот пасется у колодцев. Единоличным хозяйствам, какой бы техникой они ни располагали, восстановить пастбища не под силу. Государство создает на добровольных началах кооперативные фермы. Истекшие годы показали, что курс, взятый на кооперацию, правильный.

Ныне рекомендации советских специалистов уже применяются в Ливии.

Советская экспедиция сделала для ливийского сельского хозяйства даже и то, что не было предусмотрено контрактом.

Уктам Пратов, известный в Узбекистане как автор книг о флоре, в Ливии систематизировал растения, определил их правильные научные названия; всего он описал 306 пастбищных растений, большая часть которых описана впервые для пустынной и полупустынной зоны. Экспедиция подарила Триполийскому университету, а также Ботаническому институту АН СССР в Ленинграде уникальные гербарии, собранные Пратовым.

В январе нынешнего года, на сессии Всеобщего народного конгресса, обсуждавшего новую пятилетку Ливийской Джамахирии по сельскому хозяйству, были использованы материалы советской почвенно-экологической экспедиции, которые получили высокую оценку правительства этой североафриканской страны.

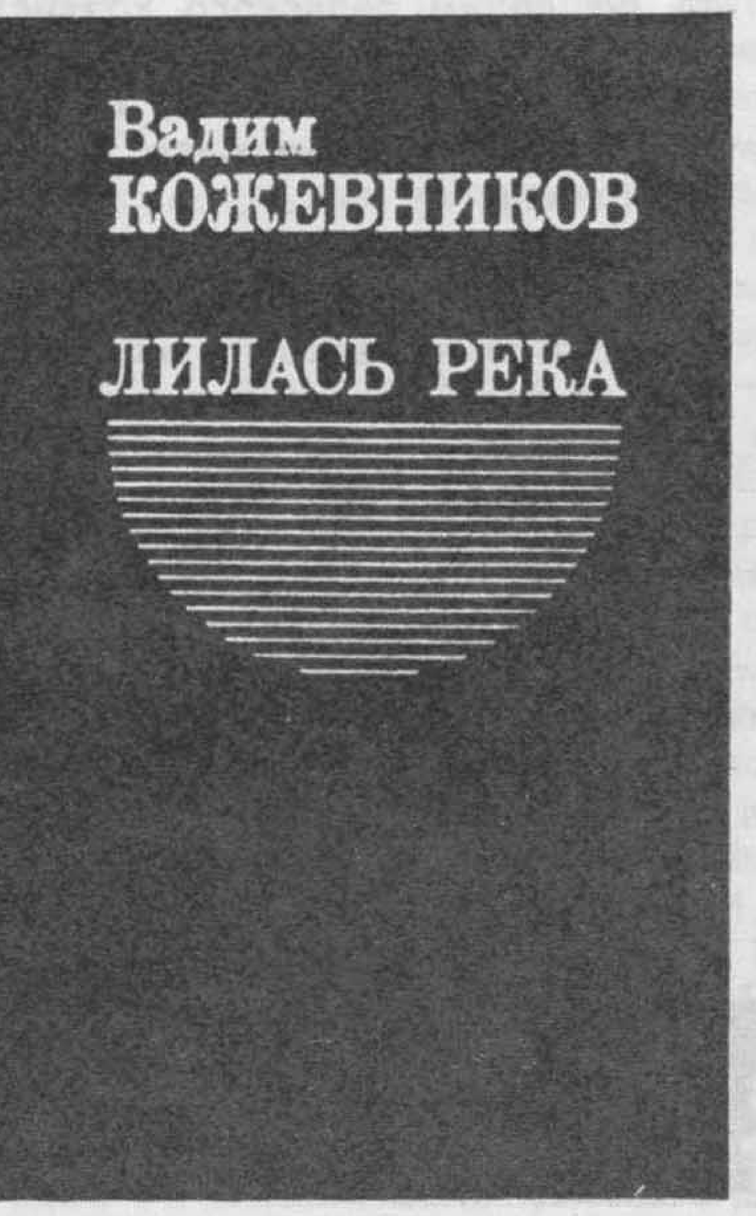
Ливия намерена обеспечивать сельскохозяйственными продуктами не только себя, но и продавать их другим странам. Теперь уже специалисты Ливии понимают, что высокоурожайный сорт пшеницы — это не самое главное. Почва и правильное ее использование — вот с чего надо начинать.

На лекции о почвах Ливии, которые читал в Триполийском университете советский профессор Шишов, приезжали издалека, даже за тысячу километров, из Бенгази — второго по величине города после Триполи.

Сотрудничество с Ливийской Джамахирией в области сельского хозяйства будет продолжено.

Триполи — Сирт — Москва.

В ТРУДЕ — КАК В БОЮ

Книгу Вадима Кожевникова «Лилась река» составляют девять повестей. География мест действия — от раскаленной среднеазиатской пустыни до Заполярья; от берегов сибирской реки до штормящего океана.

Вадим Кожевников. Лилась река. М., «Советский писатель», 1980, 384 с.

Различны и профессии действующих лиц: гидростроитель, колхозник, таежный охотник, моряк, рабочий, генерал...

Однако существуют общие свойства, которые объединяют повести, не связанные ни сюжетами, ни «сквозными» героями, и создают цельное полотно — книгу.

Действие повести «Так было» происходит на фронте Великой Отечественной войны. Герои остальных восьми повестей живут в мирное время, и, как на войне главное — бой, так для них главное — работа, иногда в экстремальных условиях, требующая подчас фронтового героизма. Это одна из главных особенностей книги — человек оценивается «по способностям, выказываемым в труде». Во всех «мирных» повестях жизнь героев поверяется повседневным подвигом прошедшей войны, подвигом необходимым — без него бы не было Победы. «Кто мы сейчас? Бойцы хлебного фронта»,— говорит одноосельчанам председатель колхоза в «Полюшке-поле». «Кто воевал и выжил, тому навсегда заказано на высоком уровне оставаться» — это из повести «В дальнем плавании». Герой повести «Иван Ефимович» горячо возражает против фразы: «Ты на фронте себя не жалел, а теперь время мирное».

В этом видится пафос книги: если человек предан своему делу, его труд равен ратному подвигу.

Но людьми, действующими на страницах книги, руководит не только чувство долга. Они любят свой труд. В повести «Полюшко-поле» Анастасия Андреевна считает, что современный крестьянин должен хорошо владеть техникой, но не утратить при этом крестьянской любви, крестьянской преданности земле; в «Иване Ефимовиче» бригадир говорит о том, что природу не побеждать надо, как иногда призывают, а понимать и помогать ей. Бульдозерист Сорокин из «Пустыни» настолько предан своей работе, что «делится» с машиной, на которой работает, своей нормой воды.

Еще одна из общих тем повестей, вошедших в книгу,— тема преемственности труда и подвига от поколения к поколению. И, конечно, говоря о книге «Лилась река», невозможно не сказать о теме человеческих отношений. В «Пустыне», например, описана дружба строителей канала Фонарева и Кононыкина, дружба, родившаяся еще на фронте и оставшаяся фронтовой — немногословной, но надежной и верной. Через повесть "Полюшко-поле" проходит история любви Никитина и Насти. Эта любовь началась в юности. Сначала обстоятельства помешали героям повести соединиться, потом это оказалось непросто для них самих, но любовь — высокая и чистая — осталась на всю жизнь.

Автор книги «Лилась река» глубоко знает те сферы жизни, производства, которые описывает,— проблемы современного колхоза, заботы тружеников Заполярья, специфику работы моряков. Однако, как писал сам Вадим Кожевников, «главное — не в знании технологии производства, а в «человекознании», в умении понять характер героя». Это «человекознание» известного советского писателя ярко выражено в книге «Лилась река».

Г. ПОПОВ

СЛОВА НОВОЙ ЭПОХИ

Словам, которые появились в новую, социалистическую эпоху, посвящена книга известного лингвиста, профессора Н. М. Шанского «Слова, рожденные Октябрем». Да и само слово «Октябрь» — не в значении десятого месяца года, а как олицетворение новой эпохи — появилось в русском языке вскоре после залпа «Авроры».

Н. М. Шанский. Слова, рожденные Октябрем. М., «Просвещение», 1980, 112 стр.

В 1920 году великий вождь Октября В. И. Ленин говорил: «Наше русское слово «Совет» — одно из самых распространенных, оно даже не переводится на другие языки, а везде произносится по-русски».

В этой небольшой по объему книге собрано огромнейшее лексическое богатство советской эпохи. Но речь идет не просто о новых словах, в каждом из которых глубочайший смысл, целый мир. Вслушайтесь — «красноармеец», «субботник», «комсомолец», «колхоз», «ударник», «катюши», «спутник», «космонавт»...— многие из них также не переводятся, а произносятся во всем мире по-русски. Изначальный смысл этих и многих других слов, историю их создания излагает автор этой интересной и полезной книги.

Знаменательно, что вышла она накануне XXVI съезда партии, открывающего новый исторический этап коммунистического строительства СССР. Именно в дни съезда советские люди с особой силой ощутили величие и могущество любимой Родины; именно в дни съезда по-особому раскрылся смысл слова «пятилетка».

Это от пятилетки к пятилетке увеличивается национальное богатство страны, растет производительный и научно-технический потенциал, повышается уровень благосостояния и культуры нашего народа.

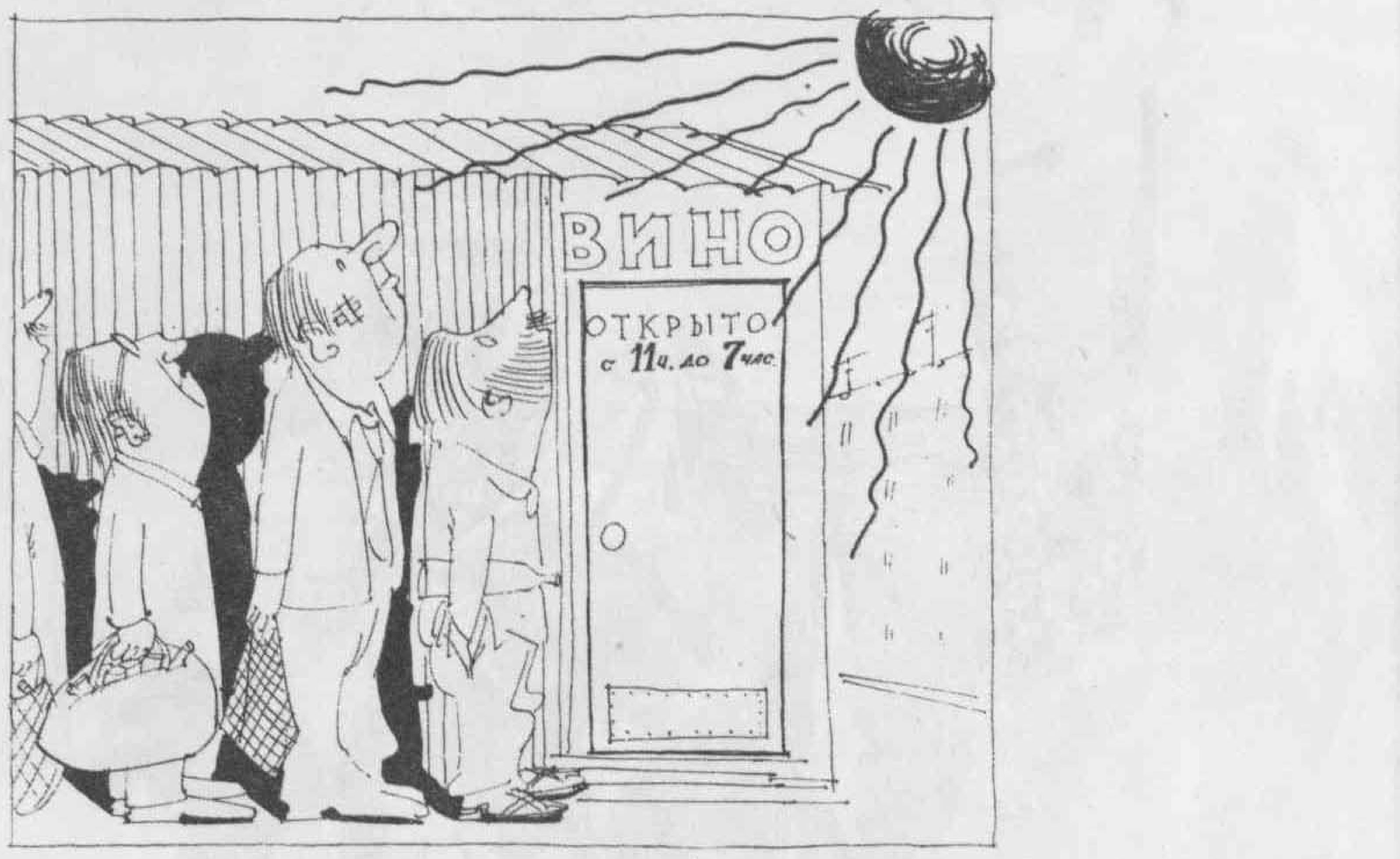
Раскроем книгу и вспомним вместе с автором, как родилась и вершилась первая пятилетка. Вспомним Днепрогэс, Магнитогорск, Турксиб, Комсомольск-на-Амуре... Поистине в героическом труде рождалось новое слово. И новелла о нем — одна из интереснейших в книге.

Следующая страница истории. И опять новое слово, о котором очень хорошо сказано в книге Л. И. Брежнева «Целина»: «В старых словарях вы найдете слово «целина», но не найдете слова «целинник». Оно родилось в 50-е годы, точно так же, как в годы коллективизации появилось слово «колхозник». Само понятие «целина» утратило тогда свое чисто земледельческое значение, оно стало термином общественным, ибо за ним стояли высокая гражданственность и глубокий советский патриотизм. Целинник — фигура историческая, определившая собой героическое время. Этим словом обозначен особый характер, обусловленный потребностью времени».

Книга, о которой мы рассказываем, заканчивается рассказом о звонком слове «БАМ». Тут, пожалуй, ничего объяснять не надо. Каждый из нас знает бамовцев, восхищается героическими делами, стоящими за этим словом. Это уж не история, а наши дни.

А впереди «иные дали», впереди — новые звонкие, исполненные глубокого смысла слова. И, как видим мы, закрывая последнюю страницу книги Н. М. Шанского, история слов нового времени полезна и поучительно рассказывает о «советской эпохе, отраженной в русском языковом зеркале».

О. КУРИНА

Лучший загар — до одиннадцати... Рис. В. Воеводина

— Вешай ниже, не все прочтут. Рис. В. Тильмана

МУЗЕЙ НЕЧИСТОЙ СИЛЫ

На улице Саломеи Нерис в Каунасе находится необычный музей. Это единственный в мире музей... чертей. Полк нечистой силы состоит из сотен нечистых со всех концов света. Собрал их народный художник СССР Антанас Жмуйдзинавичюс. Он был пейзажистом и портретистом, создал много замечательных произведений.

Начало коллекции положил подарок его друга, который преподнес Жмуйдзинавичюсу фигурку черта, — хотел «припугнуть» за весьма прохладное отношение к религии. Но художник по-другому воспринял подарок. Он задумал собрать изображения нечистой силы, которые бы отражали отношение к ней народа, народную шутку, мудрость. Ведь в фольклоре любого народа черту отводится очень незавидная роль: как ни старается представитель темных сил досадить людям, какие пакости ни придумывает, в какие тяжкие ни пускается, — он всегда остается в проигрыше, всегда побеждают ум, смекалка человека. Поэтому и относятся ко всем дьяволятам добродушно, снисходительно: «Пусть, мол, себе тешатся, пусть посмешат народ». Что-то вроде добродушной жалости к многострадальному волку из мультсерии «Ну, погоди!».

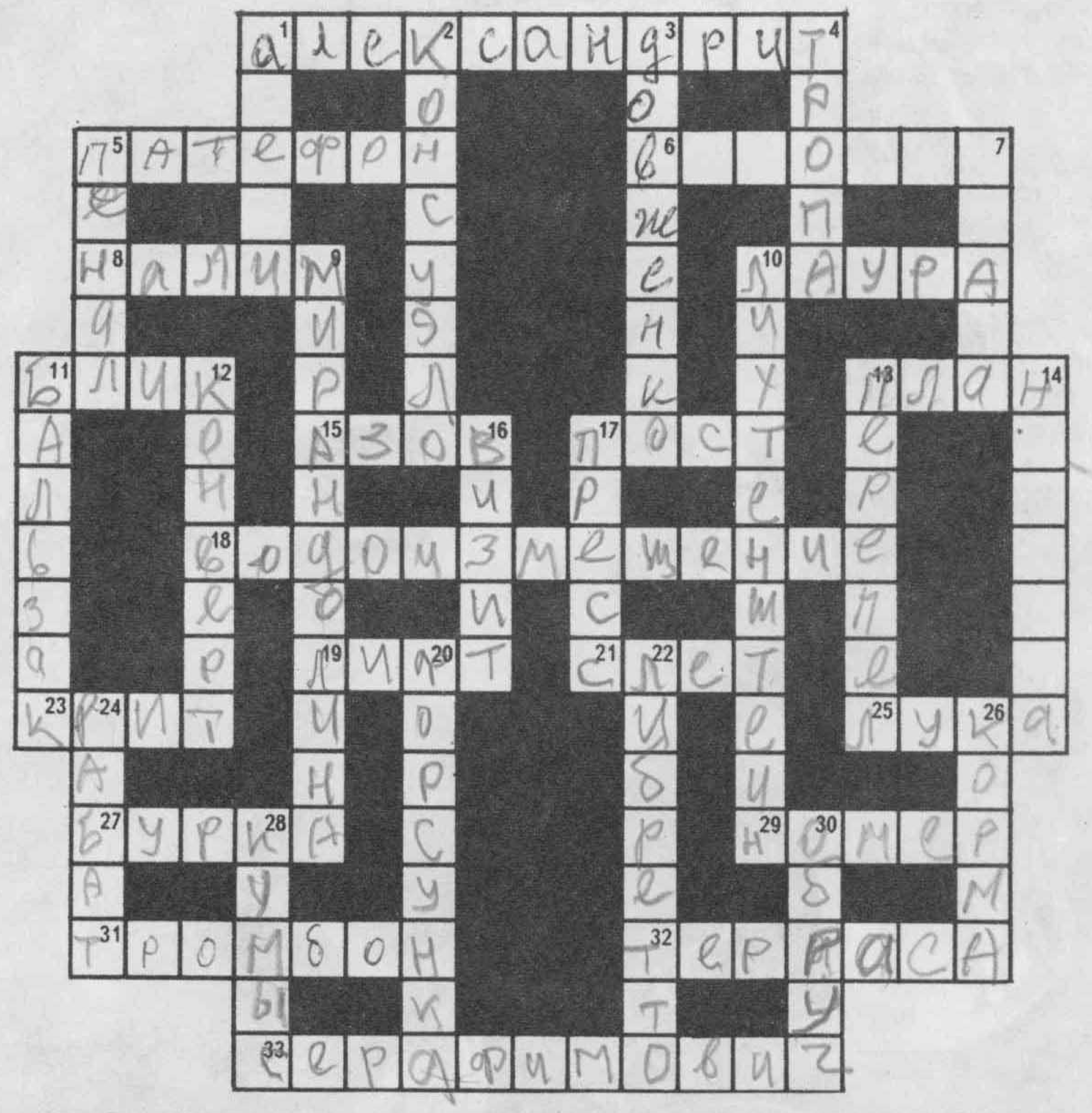
Приступая к созданию своей коллекции, Антанас Жмуйдзинавичюс думал о чертовой дюжине сатанинских изображений, а собрал целых двадцать дюжин — 260 чертей. Художник умер пятнадцать лет назад, но в музей приходят посылки из разных стран, со всех концов нашей страны. Коллекция пользуется большой популярностью. В экспозиции живописно устроились дьяволята из Австралии, Финляндии, Швеции, Испании, Норвегии, Японии, Африки... Среди них вольготно себя чувствуют черти, сделанные по мотивам литовских народных сказок, белорусские и венгерские маски, которые надевали во время масленицы. Где только не запечатлевают художники злых духов: на галстуках, на тростях, на подсвечниках. На сервизе на тринадцать персон — опять чертова дюжина — литовские художники изобразили эпизоды из жизни обитателей преисподней.

Свои работы, свои коллекции, свой дом художник завещал республике. Сегодня без этого необычного музея трудно представить древний Каунас.

В. МИХЕЕВ

Черт потешается над пьяным.
Художник А. Зубавичюс

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Драгоценный камень. 5. Аппарат для воспроизведения звука с пластинки. 6. Приток Онеги. 8. Промысловая пресноводная рыба. 10. Персонаж оперы А. С. Даргомыжского «Каменный гость». 11. Световое пятно. 13. Заранее намеченная последовательность осуществления программы, выполнения работ. 15. Порт на Дону. 17. Объект, охраняемый часовым. 18. Характеристика размеров судна, тоннаж. 19. Подъемник в многоэтажных зданиях. 21. Съезд, собрание представителей общественной организации. 23. Греческий остров в Средиземном море. 25. Действующее лицо пьесы М. Горького «На дне». 27. Войлочный плащ у народов Кавказа. 29. Отдельное выступление в концерте, цирке. 31. Духовой музыкальный инструмент. 32. Летняя пристройка к дому. 33. Автор романа «Железный поток».

По вертикали: 1. Стихотворение А. С. Пушкина. 2. Роман Ж. Санд. 3. Один из основоположников советской кинематографии. 4. Пешеходный путь. 5. Футляр для карандашей, ручек. 7. Манильская пенька. 9. Балет С. Н. Василенко. 10. Государство в Европе. 11. Французский писатель XIX века. 12. Пакет для письма. 13. Птица семейства фазановых. 14. Спутник планеты Нептун. 16. Официальное посещение. 17. Машина для обработки материалов давлением. 20. Устройство для распыления жидкого топлива. 22. Словесный текст оперы, оперетты. 24. Столица Марокко. 26. Оконечность судна. 28. Кисломолочный напиток. 30. Согнутая в кольцо пластина.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 24

По горизонтали: 5. Розина. 6. «Старик». 9. Шестерня. 10. Флотилия. 13. «Прогресс». 14. Глиэр. 16. Акташ. 18. Стратиграфия. 19. «Патетическая». 22. Шемая. 24. Клёст. 26. Гвоздика. 28. Наманган. 29. «Богатыри». 30. Рапира. 31. Вокзал.

По вертикали: 1. Форель. 2. Мистраль. 3. «Талисман». 4. Синица. 7. Днепр. 8. Алиса. 11. Константинов. 12. Безвременник. 15. Эстакада. 17. Кристалл. 20. Германий. 21. Эстетика. 23. Ягуар. 24. Камов. 25. Шпагат. 27. Фаркаш.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: У стен Брестской крепости. Фрагмент мемориала. Создатели — творческий коллектив во главе с народным художником СССР, лауреатом Ленинской и Государственных премий Александром Павловичем Кибальниковым.

Фото М. Савина

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Ливия — страна минаретов * Доктор Аджели Маддах — председатель технического комитета * Прибрежная равнина. Взятие образцов почвы * Бенгази в утренние часы * Красивы закаты Ливии * И на этих пустынных землях зацветут сады.

Фото Б. Ярового

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 01.06.81. Подписано к печати 17.06.81. А 00391. Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 1287. Заказ № 679.

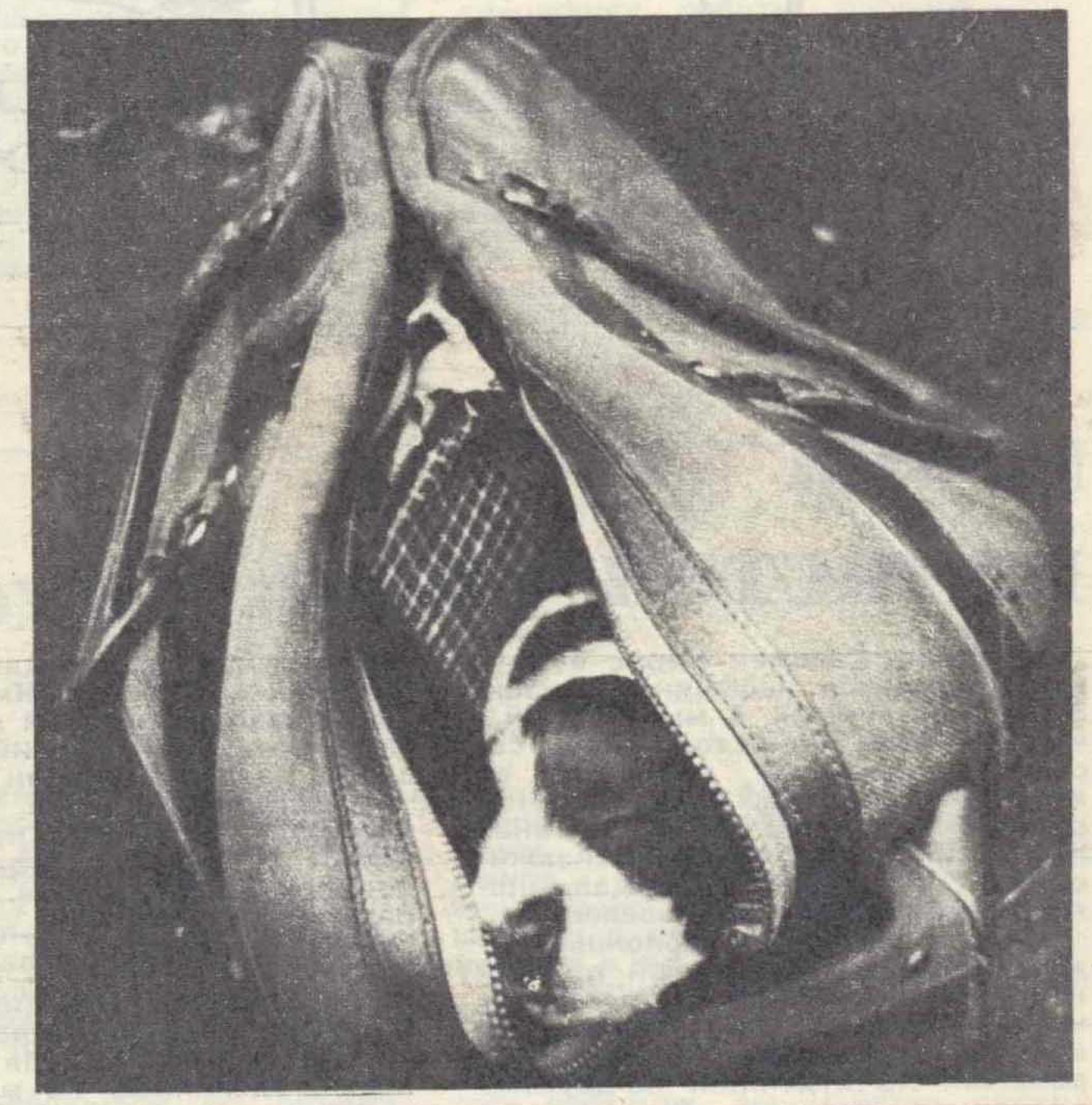
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-137. ГСП, улица «Правды», 24.

Бремя славы.

Идут ветераны.

Конура нынче не в моде.

Да, не вышла ты у меня ростом...

НАШИ ВЕРНЫЕ ДРУЗЬЯ

Недавно в Москве, на территории конноспортивного комплекса профсоюзов «Битца», проходила городская выставка спортивно-служебных и декоративных собак. Здесь были представлены около четырех тысяч собак пятидесяти пород.

Четвероногие продемонстрировали свое мастерство в показательных выступлениях, после чего судьи в каждой породе определили победителей.

Фото И. ГАВРИЛОВА

Собаки всякие нужны...

Симпатяга чао-чао.

Чемпион восходит на пьедестал.

Жарко.

ISSN 0131—0097
Цена номера 35 коп.
Индекс 70663

